

**Роль и место
Ирана в регионе**

**The Role and the Place
of Iran in the Region**

Russian Academy of Sciences
Institute of Oriental Studies

The Role and the Place of Iran in the Region

Collection of Articles

Moscow
2007

Российская Академия Наук
Институт востоковедения

Роль и место Ирана в регионе

Коллективная монография

Москва
2007

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Культурного представительства при Посольстве
Исламской Республики Иран
в Российской Федерации*

Отв. редакторы: Н.М. Мамедова, М. Иманипур

ISBN: 978-5-89282-322-7

© Институт востоковедения РАН, 2007

Содержание

Предисловие.....	7
Глава 1. Общая характеристика места и роли Ирана в регионе.....	10
1. Иран и регион. Теоретические и прагматические аспекты региональной политики. <i>Мехди Иманипур</i>	10
2. Иран в регионе. Проблема выживания. <i>А.К. Лукоянов</i>	17
3. Цели культурной политики Ирана в регионе и ее воплощение. <i>М. Каменева</i>	29
4. О взаимоотношениях современного персидского языка с языками таджикским, дари и индийским-персидским. <i>Ю.А. Рубинчик</i>	34
Глава 2. Влияние третьих стран на положение Ирана в регионе.....	40
1. Ирано-израильские отношения. <i>С.Б. Дружиловский</i>	40
2. Влияние ситуации в Ираке на американо-иранские отношения. <i>И.Е. Федорова</i>	50
3. Отношения Ирана с Европой как фактор укрепления региональных позиций. <i>П.С. Большакова</i>	56
Глава 3. Участие Ирана в региональных организациях.....	66
1. Иран и ШОС (Шанхайская Организация Сотрудничества). <i>Н.М. Мамедова</i>	66
2. Иран и ОЭС: взаимодействие или воздействие. <i>Е.В. Дунаева</i>	77
3. ИРИ и каспийская проблема. <i>Е.В. Дунаева</i>	89
Глава 4. Отношения Ирана с соседями по региону	99
1. Политика Ирана на Ближнем Востоке после иракской войны. <i>Л.М. Кулагина, В.М. Ахмедов</i>	99
2. Сирия—Иран: основные направления стратегического партнерства. <i>Л.М. Кулагина, В.М. Ахмедов</i>	112
3. Отношения между государствами-членами ССАГЗ и Ираном. <i>Е.С. Мелкумян</i>	122

4. Пакистан и Иран: актуальные проблемы взаимоотношений (середина первого десятилетия XXI в.). Р. <i>Мукимджанова</i>	131
5. Турецко-иранские отношения на современном этапе. <i>И. Свистунова</i>	141
6. Афганская политика ИРИ. <i>М.Р. Арунова</i>	148
7. Иран и Афганистан: экономическое сотрудничество на современном этапе. <i>И. Меркулова</i>	153
8. Российско-иранское сотрудничество по реализации Международного транспортного коридора (МТК) «Север—Юг». <i>А.И. Полищук</i>	161
9. Иранская ядерная программа и ее роль в русско-иранских отношениях. <i>В.И. Сотников</i>	168
Заключение	176
ПРИЛОЖЕНИЕ № 1	
О «Перспективах развития ИРИ до 2025 г.» и «Общих направлениях политики 4-го пятилетнего плана социально-экономического и культурного развития ИРИ». <i>А.И. Полищук</i>	178
ПРИЛОЖЕНИЕ № 2	
Хроника афгано-иранских отношений. <i>Г. Ежов</i>	190
ПРИЛОЖЕНИЕ №3	
Новое политическое объединение в Афганистане: первые шаги. <i>Ю.П. Лалетин</i>	199
Contents	205
Summary	207

Предисловие

Понятие «региона» — достаточно условно, особенно применительно к Ирану. Иран, занимающий географически центральное место в Азии, примыкает к нескольким регионам, выделяемых иногда четко по географическому признаку (страны Центральной Азии), или по этно-географическому признаку (страны Персидского залива). Иран включается в регион Среднего Востока, Ближнего и Среднего Востока. Для Ирана его региональная политика — это его взаимоотношения с соседями, проводимая через двухсторонние связи, через участие в региональных объединениях, примыкающих непосредственно к Ирану.

В региональной политике Ирана можно выделить несколько этапов.

Первый этап связан с периодом после иранской революции и, главным образом, со временем распада СССР и становления самостоятельной государственности в бывших советских республиках, когда Иран рассчитывал на распространение исламской революции в новых мусульманских государствах и в своей региональной политике значительную роль Иран отводил мусульманским странам.

Следующий период стал формироваться в середине 1990-х годов по мере осознания Ираном своих экономических интересов как национальных, и внешнеполитические приоритеты стали меняться в сторону установления и расширения контактов с развитыми странами и Россией. Для Ирана, впрочем, как и для Турции, при всей сохраняющейся заинтересованности в регионе Центральной Азии и Кавказа, он перестал быть наиболее приоритетным направлением, за исключением вопросов, касающихся энергетических проектов. Уже с середины 90-х гг. для Ирана стало очевидным постепенное восстановление Россией своего влияния в регионе, и это стало оцениваться иранской стороной как позитивный фактор, способствующий стабилизации положения в регионе. Мехди Санаи, иранский ученый-политолог и дипломат, руководитель Института, занимающегося изучением проблем отношений Ирана с Россией, странами Центральной Азии и Закавказья, отмечал, что «Иран с пониманием относится к сохранению лидерства России в регионе, исходя из того, что только сильная Россия может быть гарантом обеспечения баланса интересов разных стран в Центральной Азии».¹

На третьем этапе произошел возврат интереса Ирана к странам региона, как и региону в целом, в связи усилением в регионе политических позиций России и особенно США; таким образом, на этом этапе в региональной политике вновь начинают доминировать политические мотивы.

Нынешний, или четвертый, этап эволюции региональной политики Ирана в значительной степени определяется как внешнеполитическими, так и внутривнутриполитическими факторами. Он начал формироваться под воздействием таких событий как усиление напряженности в результате военной кампании в Ираке, последовавшего причисления США Ирана к «оси зла» и продления режима санкций, а также после прихода к власти в Иране неоконсерваторов, когда наиболее острым вопросом во взаимоотношениях Ирана с США и Европой стал ядерный. Сама по себе ядерная программа Ирана стала вызывать столь негативный резонанс в США и Израиле не только потому, что к власти в Иране пришли консерваторы, ставящие под сомнение легитимность Израиля как государственного образования, но и потому, что именно в результате американских операций в Афганистане и Ираке в этих странах значительно возросло иранское влияние. Основным же мотивом возможной американской агрессии против Ирана как средства разрешения противоречий из-за ядерной программы Ирана, как считают многие аналитики, в т.ч. и китайские, является «очень важное стратегическое расположение Ирана в Евразии, богатые ресурсы нефти и газа и, что самое главное, серьезное сопротивление Ирана вмешательству США в регион».²

Новое правительство Ирана заявило об отношениях со странами Центральной Азии как о приоритетном направлении своей внешней политики.³ Главной составляющей региональной политики этого нового этапа, несомненно, стала политическая.

В данной работе предпринята попытка определить основные направления региональной политики Ирана, на которую влияют национальные интересы каждой из соседних стран, а сами эти национальные интересы в эпоху глобализации стали определяться не только, и даже иногда не столько внутренними причинами, сколько национальными интересами третьих стран, особенно после военных операций США и его союзников в Афганистане и Ираке.

Первая глава работы посвящена общим проблемам положения Ирана в регионе, основным направлениям его региональной политики. Отдельная глава посвящена участию Ирана в таких региональных организациях как Организация экономического сотрудничества (ОЭС) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Значительное место занял раздел о двухсторонних связях Ирана.

В основу работы положены доклады участников научной конференции, проведенной 10 апреля 2006 г. в ИВРАН, в работе которой приняли участие ученые России и Ирана.

Публикация работа осуществлена при финансовой поддержке Культурного представительства при Посольстве ИРИ в РФ.

Коллектив авторов выражает благодарность Большаковой П.С. за помощь в подготовке данной работы к изданию.

¹ Мехди Санаи. Отношения Ирана с центральноазиатскими странами СНГ. Социально-политические и экономические аспекты». М. 2002. С. 128.

² Мохаммад-Джавад Омидварни. Стратегия США на средних евроазиатских землях: взгляд Китая. -ж.Аму-Дарья (на рус.яз.). Тегеран. 2004. Весна-лето. С. 134.

³ IRNA. 23.09.2005.

Глава 1. Общая характеристика места и роли Ирана в регионе

1. Иран и регион. Теоретические и прагматические аспекты региональной политики

Мехди Иманипур

Исламская Республика Иран, имея общие границы с 15 соседями, связана с четырьмя региональными группами стран — Центральной Азии и Кавказа, Персидского залива, Восточного Средиземноморья и Юго-Западной Азии. Изучение степени и особенностей взаимоотношения Ирана с этими группами стран является объектом обширных и глубоких исследований в области общемировых связей.

Разумеется, связи Ирана с каждой из этих стран и регионов во многом находятся под влиянием международных отношений. Следовательно, изучение двусторонних и многосторонних связей Ирана со странами региона без анализа международных отношений оценить невозможно.

Согласно другой классификации Иран связан с шестью геополитическими бассейнами:

1) Кавказско-анатолийский бассейн; 2) Бассейн Каспийского моря; 3) Бассейн Иранского плато; 4) Центрально-Азиатский бассейн; 5) Бассейн Арабского (Омманского) моря и Индийского океана и 6) Бассейн Персидского залива.

Наиболее важными среди них являются два богатых энергоносителями бассейна — Персидского залива и Каспийского моря.

Изучение роли и степени влияния Ирана на страны региона определяется двумя противоположными векторами. Некоторые путем преувеличенных оценок роли и влияния Ирана на страны региона, особенно, после Исламской революции и возрождения исламских ценностей в жизни иранского общества, стараются внушить мировому сообществу, что Иран стремится к расширению своего влияния и с этой позиции представляет угрозу как для стран региона, так и для всего мира.

Мировая господствующая система и его последователи в регионе широкими пропагандистскими мерами питаются на уровне региона и в мире создать обстановку «иранофобии».

Наоборот, другая группа исследователей считает, что усилия Исламской Республики Иран и руководителей страны, направленные на улучшение отношений со странами региона и на определение четких путей дальнейшего развития, которые могли бы способствовать улучшению положения Ирана в регионе, являются естественным историческим и

национальным устремлением любого живого и развивающегося общества. Естественно, что подобное стремление в эпохе «государства и нация» приводит к дальнейшему повышению созидательного потенциала стран. Данное положение в корне отличается от того, что стремятся насаждать представители первой упомянутой нами группы. Документ о перспективе развития Ирана в течение предстоящих двадцати лет является наглядным примером подобной позиции. И вполне ясно, что реализация подобной перспективы нуждается не только в стабильности внутри страны, но в большей степени служит доказательством заинтересованности Ирана в укреплении мира и безопасности в регионе.

Теоретические аспекты роли и положения Ирана в регионе

К теоретическому рассмотрению положения Ирана в регионе и его влияния на соответствующие страны можно приступить из различных углов зрения. В данной статье мы ограничимся рассмотрением лишь четырех основных аспектов: 1) исторический и культурный аспект; 2) геополитический аспект; 3) религиозный аспект; и 4) революционный аспект.

Иран является обладателем славной и древней истории. Территория, упоминаемая под названием Иранское плато, включает в себе широкие географические просторы, которые частично или полностью охватывают и территорию некоторых нынешних соседних стран. Данное обстоятельство способствовало тому, что Иран является носителем общего со многими соседними странами наследия. И фарси одно время на огромных просторах региона был языком науки, политики и культуры и частично до сих пор сохраняет за собой данный статус. Наличие упомянутого общего наследия, сопряженное с общими убеждениями и мечтаниями, предоставляет благоприятную возможность для созидательных отношений Ирана с данными странами. Некоторые аналитики считают, что стремление Ирана к улучшению своего положения в регионе диктуется этими историческими и культурными традициями. Согласно мнению этой группы лиц, естественно, у подобного народа наблюдается некоторая психологическая тяга к своему славному прошлому и к достижению превосходства в региональном масштабе.

Не говоря уже об историческом факторе, Иран с точки зрения геополитики, и в связи с его уникальным географическим положением, может иметь в регионе особое влияние. Расположение страны между Персидским заливом и Каспийским морем с их огромными энергетическими запасами, его непосредственное соседство с такими важными регионами, как Центральная Азия и Средний Восток, и ее влияние в этих регионах способствуют повышению ее роли в региональных и мировых отношениях.

Третьим фактором при рассмотрении роли Ирана в регионе считается религиозный аспект. Проникновение ислама в Иран, принятие этой религии большинством народа, услуги, которые оказали иранцы для развития исламской науки, культуры и цивилизации способствовали положительному имиджу Ирана, как умеренную, самостоятельную и рассчитывающую на свои силы страну. Естественно, исламский характер власти в Иране также предоставил благоприятную возможность для развития его отношений с другими странами региона. Хотя в отдельных случаях некоторые исламские государства региона в целях предотвращения усиления духовного влияния исламского Ирана в регионе приводят предлоги, основанные на этнические и конфессиональные особенности. Но видимо, эта особенность (исламский характер государства в Иране), в целом, на уровне простых людей создает возможности для сближения Ирана с народами стран региона.

В упомянутых четырех аспектах, связанных с региональными и даже трансрегиональными отношениями Ирана, особенно важным является то, что относится к современному периоду и к периоду после победы Исламской революции в стране.

Правящие коммунистическая и либеральная идеологии, указывая на необходимость отрицания роли религии и закономерность снижения ее влияния в обществе, тем самым подразумевали перспективу мирового развития в ракурсе секуляризации. Религиозная революция в Иране была своего рода ответной реакцией на атеистическую глобализацию и стала причиной духовного пробуждения обществ мусульманских стран и возрождения исламских традиций в международном масштабе.

Влияние Исламской революции на уровне региона и вне его пределов было столь значительным, что, по мнению некоторых аналитиков, все происходящие события после победы этой революции тем или иным способом были с ней связаны или находились под ее воздействием. И даже, как утверждают некоторые аналитики, свершение Исламской революции выступило в качестве одной из причин распада Советского Союза. Ибо эта революция привела к провалу убеждений, на которых укреплялись идейные основы советской системы.

Роль иранской Исламской революции, ее влияние в регионе и в мире представляют собой важный вопрос, подробное рассмотрение которого в рамках данной статьи не представляется возможным. Поэтому здесь ограничимся лишь рассмотрением имеющих влияние на регион и возникших под воздействием Исламской революции отдельных внешнеполитических вопросов. Внешняя политика Ирана после революции и, особенно, за последнее время, направлена, с одной стороны, против всякой гегемонии и чужого господства, а с другой — на оказание помощи и поддержки для торжества справедливости и укрепления

духовности. Лицам, занимающимся исследованием различных этапов периода после Исламской революции, хорошо известно, что в различные временные отрезки этого периода менялись лишь тактические подходы государства, а отраженные в Конституции страны основные принципы внешней политики ИРИ остались неизменными.

Всенародные лозунги, выдвинутые народом в начальном этапе революции, то есть «Независимость, Свобода и Исламская республика!» в течение всего этого периода остались незыблемыми. Все избранные народом президенты, следовали этим лозунгам, как твердо установленным принципам. Но при президентстве господина Хашими Рафсанджани вопрос о независимости, созидания и экономического развития считался более приоритетным, чем две другие лозунги. Поэтому в области внешней политики в этот период более приоритетными были вопросы экономического характера и расширение контактов в сфере экономики.

После завершения срока президентских полномочий господина Хашими Рафсанджани и прихода к власти господина Хатами уже из вышеупомянутых трех лозунгов приоритетным стал вопрос о свободе и политическом развитии. Это положение отражалось и во внешней политике страны в форме развития политических отношений со странами мира и, особенно, с Западом. Стремление к выходу от политической изоляции и выдвижение концепции «диалога цивилизаций», являлись из числа мер, принятых в рамках этой политической линии.

А избрание господина Ахмадинежада в качестве президента страны было проявлением стремления народа к реализации вопроса об исламских ценностях и справедливости в рамках лозунга об исламской республике.

Конечно, как уже было отмечено, за все это время признание приоритетности одной из указанных лозунгов, не означало, что две другие лозунги позабыты, но каждому этапу послереволюционного периода были свойственны свои тактические подходы.

Господин Ахмадинежад, занимая более активную позицию в области внешней политики и переходя в области внешних связей от состояния выжидания к активным действиям, тем самым выбрал новый способ решения региональных и мировых проблем. Совершенно ясно, что занятие подобной позиции, которая считается своего рода возвратом к революционным требованиям, вынудило некоторых кругов к активным действиям, и вновь привлекло внимание к революционным аспектам влияния и роли Ирана в регионе.

Прагматические аспекты региональных связей Ирана

После рассмотрения теоретических сторон роли Ирана в регионе, нам остается приступить к анализу прагматических аспектов его связей со странами региона и мира. Для краткости мы вынуждены ограничиваться

четырьмя наиболее важными регионами, а именно, бассейном Каспийского моря, Средним Востоком, бассейном Персидского залива и Ираком.

С распадом Советского Союза страны Центральной Азии и Кавказа получили возможность установления связей со своими соседями и другими государствами в области политики, обеспечения безопасности, экономики и культуры. Этот регион своим важным географическим положением (в частности, охвата территории от Каспийского до Черного морей), а также наличием в нем полезных ископаемых, в частности, больших запасов энергоносителей, стал объектом пристального внимания региональных и мировых сил.

Наличие упомянутых факторов, а также наращивание американского политического и экономического присутствия в бассейне Каспийского моря ставили Иран перед необходимостью дальнейшего развития отношений со странами данного региона. Сегодня преодоление конфронтации и улучшения регионального сотрудничества с этими странами являются важными пунктами внешнеполитических задач руководства Ирана.

В этом плане во внешней политике Ирана важное внимание придается отношениям с могущественным северным соседом — Россией. В определении внешних связей Ирана делается акцент на настойчивые указания руководителей страны относительно укрепления отношений с Россией и стратегии «взгляда на Восток».

С точки зрения ИРИ, самостоятельная позиция России, и ее положительный взгляд на исламский мир предоставляют благоприятные возможности для налаживания созидательного сотрудничества с этой страной. А с учетом положения в регионе и в мире развитие связей между Ираном и Россией кажется неизбежным и, несмотря на взлеты и падения, свойственных отношениям между двумя странами, ирано-российских отношений ждет хорошая перспектива.

Победа Исламской революции в Иране оказала огромное влияние на положение в Среднем Востоке. Моше Даян, будучи в то время министром обороны Израиля, под впечатлением иранской Исламской революции сказал, что: «Иранская революция, подобно землетрясения, потрясла весь Средний Восток и создала для Израиля новую угрозу». Поэтому с самых начальных этапов Исламской революции США и Израиль для предотвращения так называемого «распространения революции» стремились с помощью некоторых арабских стран придумать образ «салафитского ислама» и тем самым ограничить связь Исламской революции с ее естественной исламской средой. Процесс формирования таких движений как «Талибан» и «Ал-Каида», а также действия, осуществляемые за последнее время с целью разжигания групповых конфликтов, являются частью этих корыстных и преднамеренных устремлений.

С другой стороны, Джордж Буш своим заявлением в ноябре 2003 года о том, что народы Среднего Востока должны иметь демократических руководителей, по сути своей под видом поддержки свободы объявил о начале новой политической линии. Эта политическая линия, задача которой является реализация американских целей, известна под названием проекта «Великий Средний Восток». Этот проект кроме арабских стран региона включает в себе в качестве объекта воздействия такие страны, как Пакистан, Иран, Турция и Израиль.

С самого начала было известно, что народы региона отвергают этот проект в качестве нового колониального плана. Многое из того, что произошло, в частности, и 33-дневная война движения «Хизбаллах» против Израиля стали признаками провала этого проекта.

В целом, внешняя политика Ирана принципиально направлена на обеспечение стабильности и налаживание добрососедских связей со всеми странами региона, а США для доказательства необходимости своего присутствия в регионе стремятся характеризовать положение в регионе как нестабильное.

Здесь считаю необходимым вкратце ответить на один вопрос, который под воздействием сионистских лоббистов приобрел широкий мировой резонанс. Вопрос относится к Израилю и ее «стиранию с географической карты» мира посредством Ирана.

Все те, которые знакомы с основами шиитского фикха и с историей Ирана последних нескольких столетий, хорошо знают, что шиитский фикх для оправдания войны определил сложные условия и, в целом, джихад согласно шиитскому фикху основывается на необходимости защиты от попыток попрания прав народа и от несправедливости. Следовательно, постановка такого вопроса, как военная операция Ирана против Израиля, исходит от незнания основ фикха и государства в Иране и от корыстных целей Америки и Израиля.

Естественно, что Иран не одобряет продолжение агрессии и национальной дискриминации в Палестине и считает наличие расистского израильского режима препятствием на пути установления мира и стабильности в регионе. Иран считает проведение всеобщих выборов и установления всенародно избранной власти в единой стране Палестины (включая и территорию нынешнего Израиля) единственным способом решения этой проблемы. С точки зрения Ирана, единственным путем достижения реального мира является установление справедливости в этом регионе планеты, ликвидация расовой дискриминации и создания на этой территории демократического государства.

Конечно, Иран предвидит, что в подобном случае, на основе волеизъявления всего народа ныне правящий на этой земле расистский режим, будет ликвидирован.

Другая проблема, с которой сталкивается Иран в регионе, связана с Персидским заливом. В этом плане можно перечислить такие средства противостояния, как давление на Иран со стороны арабских стран (которым Запад показывает «зеленый свет») относительно трех иранских островов, стремление к ограничению влияния Ирана в Персидском заливе и тщетные усилия с их стороны в рамках политики давления на Иран переименовать Персидский залив. Но, думается, что Иран располагает достаточными средствами, чтобы успешно противостоять подобным тенденциям.

Другим фактором, влияющим на политику Ирана в регионе, является присутствие США в странах региона, особенно, в Ираке в качестве агрессора. Кажется, в период после Саддама шиитам удалось, с использованием своего численного превосходства, занять в этой стране многие государственные посты. Поэтому в арабском мире и в США существует мнение, основанное на том, что данное положение привело к усилению влияния Ирана и созданию в регионе «шиитского полумесяца» и, следовательно, с этим обстоятельством следует бороться всеми возможными способами. Подобный взгляд с использованием обширной западной и, порою, арабской пропаганды навязывается мировому общественному мнению под предлогом вмешательства Ирана во внутренние дела Ирака. Естественно, Исламская Республика Иран по различным причинам, в частности, общности религиозных взглядов, предоставление убежища иракским эмигрантам в длительный период наличия диктатуры в Ираке, а также наличие культурной общности с иракским народом пользуется среди народа этой страны хорошим влиянием. Но данное положение, ни в коем случае, не означало и не означает вмешательство во внутренние дела этой страны. Однозначно известно, что Иран заинтересован в укреплении безопасности Ирака, как никакая другая страна. И с точки зрения Ирана основной проблемой Ирака является присутствие в стране чужих сил.

В конце следует отметить, что самой принципиальной особенностью прагматической политики Ирана в регионе является установление эффективных связей со всеми странами и, особенно, с соседями на основе мира, отсутствия угроз и стремления к справедливости. Эта политическая линия присутствует во всех аспектах связей Исламской Республики Иран с зарубежными странами.

2. Иран в регионе. Проблема выживания

А. К. Лукоянов

В последние годы Исламская республика Иран (ИРИ) пребывает в состоянии, которое можно охарактеризовать как состояние защиты своей государственной системы от внешнего фактора, угрожающего фактически самому существованию не только иранского режима, но даже государственной целостности этой страны.

В качестве этого внешнего фактора выступают, разумеется, Соединённые Штаты, у которых с Ираном сложились очень специфические отношения ещё со времён исламской революции в этой стране, а особенно после этой революции.

Напомним, что в результате иранской революции Соединённые Штаты лишились своих военных баз в Иране, что ослабило, разумеется, их военно-политическое присутствие в регионе.

Более того, новыми властями вообще было законодательно запрещено размещение на территории этой страны каких-либо иностранных военных баз. И, наконец, иранское руководство стало активно выступать против любого иностранного военного присутствия в регионе. И, конечно, имелось в виду, что из Персидского залива должен быть выведен американский военный флот. Обеспечение безопасности судоходства и транспортировки нефти по этой транспортной артерии иранцы готовы были взять на себя или делать это совместно со странами Персидского залива.

Со временем иранское руководство фактически постепенно вернулось к реализации тех же целей в регионе, что ставило перед собой и шахское правительство — стать самой сильной державой региона во всех отношениях. И прежде всего — в экономическом и военном. Однако Исламская республика Иран сумела пойти гораздо дальше, чему способствовал развал Советского Союза — Иран вышел на среднеазиатский рынок, где выступает конкурентом других участников игры на этом поле. Кроме того, Иран сумел создать боеспособные вооруженные силы для защиты своих национальных интересов, оснащённые современные видами оружия, о которых шах мог только мечтать. Самое интересное, что иранские вооруженные силы имеют неплохой опыт ведения боевых действий, полученный в восьмилетней войне с Ираком. Кроме того, этот опыт обогащается, как можно предположить, участием в иракских событиях последних лет.

После вторжения США в Ирак и разрушение прежней иракской государственности с помощью американцев, в регионе стала складываться очень интересная ситуация. Возникла возможность расширения сферы

самого активного иранского влияния на Ирак и региональные проблемы. Иран, таким образом, становится чрезвычайно опасным конкурентом для американцев в регионе, который они рассматривают как естественный ареал исключительно своих национальных интересов. Иран же с этим согласиться не желает. У него свои планы.

По каким-то причинам, Иран хочет проводить свою собственную политику, используя при этом опыт тех США. Американцам же, конечно, это очень не нравится. У них, как мы знаем — своя логика. Она заключается в следующем: то, что можно Америке — не позволено никому. И это действительно так. И они правы. Ведь Второй Америке, с её уровнем потребления ограниченных ресурсов Земли быть просто физически не может. Потому у американцев и возник свой естественный главный национальный проект — все мировые ресурсы должны, по возможности, принадлежать США или контролироваться ими. Проект — действительно замечательный. К сожалению, он только для американцев. Ресурсов планеты просто не хватит. Их уже давно не хватает на всех. А тут ещё этот Иран — со своими претензиями на равноправие в международных делах. Конечно, он мешает США.

Естественно, что режим такой страны, по американской опять же логике, предпочтительно ликвидировать. Либо видоизменить под свой проект.

Это, собственно говоря, американцы и пытаются сделать очень давно. Что касается самого исламского по форме образа правления в Иране, то американцам глубоко безразличны такие мелочи. Рубят же головы в Саудовской Аравии — и ничего. Вполне демократично. Иди Амин кушал своих подданных — недемократично, наверное, но какое дело американцам до этого, если он был их послушным слугой. И надо отдать американцам должное — он всё-таки у них обосновался после переворота.

Сегодня иранский режим фактически вынужден бороться за собственное выживание всеми доступными ему средствами. Причем он считает себя почему-то вправе прибегать к тем же методам и средствам защиты, которые используются так называемым «цивилизованным миром» и великими державами для обеспечения своих государственных и национальных интересов.

Кстати сказать, был период, когда руководство страны пошло на сближение с США, действуя через страны Европы. Однако это не принесло желаемых результатов. США, следуя своей логике сверхдержавы, пытались лишь подчинить Иран своим целям. Когда иранцы поняли, что игра идёт в одни ворота, система в очередной раз сделала неожиданный, казалось бы, разворот — определила президентом Ахмадинежада. Тем самым она снова переориентировалась на широкие слои иранского народа и получила, похоже, его поддержку.

Такой поворот был воспринят американцами как явный провал своих планов в Иране. Уже в ходе президентских выборов была предпринята попытка дискредитировать личность Ахмадинежада. Все мы помним, как его пытались представить одним из участников захвата американского посольства в Тегеране. Потом оказалось, что обознались.

В течение длительного времени мы наблюдаем, как средства массовой информации, подконтрольные ведущей стране западной демократии, всеми силами пытаются дискредитировать существующий режим в Иране, который неизменно рассматривается чуть ли ни как угроза всему человечеству. Развёрнута самая настоящая истерия вокруг ядерной программы Ирана, поскольку он якобы намерен создать атомное оружие. Кстати, эти разговоры были и во времена шаха, но мировая общественность никак на это не реагировала. Точнее реагировала молча.

А какая бомба у Исламской республики Пакистан — может быть христианская или иудейская? Да скорее всего, если рассуждать в этой логике, это именно и есть первая «исламская бомба». Причём создана она была, разумеется, с благословения Вашингтона, хотя формальное большинство публикаций связывают это исключительно с Китаем. Кстати, что касается вопроса обладания Ираном атомного оружия, то он имеет на это не меньше прав, чем другие государства Востока. Другое дело, что это безумная игра в атомное соревнование. Логичнее, если думать о мире на Земле, вообще отказаться от этого оружия всем странам. Тогда и проблемы не будет.

Ирану нельзя даже развивать свою ядерную программу в полном объёме, как это делают Пакистан и Индия. И это несмотря на то, что Иран подписал договор о нераспространении ядерного оружия, чего нельзя сказать о других странах региона. И несмотря на то, что это государство не нарушало никогда соглашений с МАГАТЭ, у которой к ИРИ не было, нет и не может быть пока никаких претензий. И тем не менее, Иран, который давно и настойчиво выступает с инициативами превратить регион в зону, свободную от ядерного оружия, просто обязан, согласно американской логике, свернуть свою ядерную программу. На том основании, что там политики, якобы, неуравновешенные и склонные к массовому национальному суициду. Заговорили об угрозе создания в Иране «исламской бомбы», чем пугают весь мир. После заявления президента ИРИ в марте 2006 г. о том, что иранские учёные сумели получать обогащенный уран в 3,5%, что совершенно недостаточно для использования его для производства атомного оружия, как отметили известные ученые, моментально в СМИ появились сообщения на тему о возможности создания так называемых «грязных атомных бомб»¹, которые могут быть использованы исламскими террористами. (Конечно же, именно против Израиля, которого кому-то очень хочется втянуть в вооруженный конфликт с Ираном, хотя по

сути у них нет серьёзных оснований для этого). Более того, 14 марта российские СМИ (одна из российских радиостанций) сообщили о наличии совершенно оригинальной точки зрения, согласно которой Иран вообще может использовать саму атомную станцию в Бушире в качестве средства шантажа мирового сообщества. Уже даже сделаны соответствующие расчёты, что в случае подрыва (!?) АЭС в Бушире, будет нанесен огромный вред территориям в России, не говоря уже о странах Персидского залива.

Иранские руководители, управляющие страной очень грамотно (что показывает практика), давно изображаются многими СМИ исключительно с негативной точки зрения, поскольку их политика не отвечает интересам США. Прилагаются постоянные усилия, чтобы сформировать негативный образ политической системы данного государства и его лидеров, используя все возможные варианты — от интерпретации неудачных или двусмысленных высказываний политиков до их фальсификации. И это всё вполне нормально для такого процесса, который, как известно, называется пропагандистской войной. А такая война в большой политической игре преследует только одну цель — подготовить условия для ликвидации существующего нежелательного режима. Что и делается.

Приведём только один пример того, как организуется антииранская кампания в СМИ.

В первой половине января этого года одно издание обратилось с просьбой прокомментировать любопытное сообщение Интерфакса. 10-го января этого года «Интерфакс-религия» поместил информацию под заголовком: «Последователи ислама сегодня должны быть готовы к тому, чтобы начать управлять миром, заявил президент Ирана Махмуд Ахмадинежад».

Далее приводятся слова, которые будто бы произнёс иранский президент: «Мы не боимся заявлять, что ислам готов к тому, чтобы управлять миром». Утверждалось, что иранский президент сделал это заявление на встрече со студентами-теологами в Куме. Более того, он как будто заявил, что мусульманам надо ожидать скорого возвращения шиитского имама Махди.

Далее ещё любопытнее — председатель парламента Ирана (на тот момент им был Голам Али Ходдад Адель, но это имя не упоминается) якобы сказал, что некоторые люди из близкого окружения президента верят в то, что возвращение Махди случится уже в ближайшие два года, в связи с чем в стране необходимо начать почему-то строительство дополнительных гостиниц. И всё это, преподносится со слов некого Мехрана Риазати.

Если выстроить логическую цепочку, то получается следующее. Иранский президент практически открыто заявляет о претензиях исламского мира управлять всей планетой. И уповает при этом на

помощь сокрытого имама — мессию. Причём, косвенно указывается и дата — через два года. Это, разумеется, уже заранее предопределяет реакцию всех основных государств мирового сообщества — рассматривать заявление президента Ирана как призыв к мусульманам изменить порядок управления фактически в каждой стране, политическая система которой рассматривается ими как враждебная исламу. Далее можно развивать эту тему по нескольким направлениям. В том числе и с точки зрения притязаний Ирана на лидирующую роль в исламском мире со всеми вытекающими отсюда последствиями — обвинить Иран в намерении возглавить мировое исламское движение за переустройство мира с применением самых радикальных методов и форм борьбы. Мы, со своей стороны, можем сказать, что такая логика, разумеется, может присутствовать среди руководителей ИРИ. Более того, можно найти и вполне определённые программные заявления иранских лидеров времён революции. Однако времена давно изменились. Революционная исламская риторика уже давно мало соотносится с политической практикой реальной жизни Ирана.

И потому сразу возникает вопрос — действительно ли президент Ирана сделал такое заявление, а если да, то здоров ли он? Хотя всё, якобы сказанное им, по сути укладывается в логику иранского революционного наследия. Однако это отдельный вопрос.

Мы сейчас говорим об ином. Прежде всего, кто такой Мехран Риазати, на которого ссылаются СМИ? И совершенно неясно, почему он является таким важным и достоверным источником информации для «World Net Daily»?

Сама характеристика этого человека как «бывшего иранского аналитика Центрального командования коалиционных сил в Багдаде» уже вызывает очень много вопросов. Во-первых, как там мог оказаться иранец? А уж если такое случилось, то почему он так скоро стал «бывшим». И, наконец, нормальный иранец не может серьёзно написать то, что процитировано выше об имаме Махди.

Правда, все попытки получить какой-либо комментарий относительно этой личности от иранской стороны были безуспешными. Иранцы, следуя, видимо, своей специфической традиции, хранили упорное молчание. Как бы то ни было, не ответили ни иранское посольство, ни Культурное представительство Исламской Республики Иран в Москве, ни Московская исламская студенческая организация, куда мы обращались с запросами. Придя к выводу, что от иранцев никакой помощи не получить, мы обратились непосредственно к англоязычному сайту «World Net Daily», где обнаружили следующее. Опубликованный там материал был подготовлен на основании публикации Мехрана Риазати (Mehran Riazaty) 8 января 2006 г. на блоке одного оппозиционного сайта, размещённого в США.² Ав-

тор с такой фамилией на сайте действительно есть и в тот период только начал работать на сайте. Насколько это реальная личность — мы до сих пор не знаем. Допустим, что это так. Однако, во-первых, этот автор приво-дил слова президента фактически от себя. Что же касается тех его ссылок на иранские источники, то они зачастую просто неверно интерпретирова-лись или даже переводились с персидского языка. Например, приводятся ссылки на иранскую газету «Джомхурийе эслами» от 8 января 2006 г. и на персоязычный сайт от 7 января 2006 г.,³ материалы которых представлены частично в искаженном виде, либо вообще фальсифицированы. Простой пример — здесь не упоминаются ни президент Ахмадинежад, ни даже его люди, произносившие якобы упомянутые выше слова о пришествии Мах-ди. Более того, здесь публикуется интервью не с Голам Али Ходдад Аделем, а с давно уже бывшим председателем парламента Мехди Карруби. Причем, последний вообще не упоминал в своём интервью о людях из близкого ок-ружения президента, но говорил лишь о том, что от своих верных людей только «слышал» что-то о рассуждениях неких «политиков» о Махди. При этом он очень возмущался (и справедливо!) именно самим фактом рассу-ждений на подобные темы! Этого не позволяют себе, как он сказал, даже в его окружении лица с духовным саном.

И действительно, заявления, связанные с традиционной шиитской доктриной о двенадцатом «сокрытом» имаме Махди может делать прежде всего авторитетный богослов, но не светский человек, тем более политический деятель.

Но в данном случае речь идёт уже именно о попытке спекулятивной политической интерпретации догмата о Махди, выражающейся чуть ли не в призыве к мусульманам брать власть в свои руки.

Интересно, что в этот период уже шли переговоры России с Ираном по его ядерной программе, и иранское руководство, вероятно, должно было выглядеть именно так, как обрисовало его американское информационное агентство «World Net Daily».

Иран пытается последние годы выстоять фактически в одиночку, поскольку у него нет ни одного надёжного политического партнёра. Однако, похоже, что в этой игре Иран сумеет не проиграть.

Причём эта игра будет вестись по своим оригинальным правилам, и переговоры с США будут отвечать, конечно, интересам, прежде всего, этих двух стран, что и определит дальнейшее развитие ситуации в регионе.

Иран всегда и во всём стремился к достижению своих собственных интересов. И это в политике вполне нормально. Ненормально ожидать от Ирана проявления каких-либо особых чувств в отношении России. А тем более нельзя рассчитывать на какую-либо благодарность за ту или иную поддержку Ирана со стороны каких-либо структур в России. И, прежде всего, это относится к сотрудничеству в ядерной сфере. Здесь —

свои коммерческие интересы у обеих сторон. К тому же, у Ирана нет и не может быть серьёзных оснований ожидать развития широкомасштабных экономических отношений с Россией. Просто на том основании, что в России настолько серьёзно подорвана производственно-экономическая база, что наша страна давно не в состоянии самостоятельно обеспечивать даже выполнение тех контрактов, которые удаётся получить на иранском рынке. Сил у страны нет, кадров квалифицированных нет. Многие проблемы надо решать через третьи страны. Иран же заинтересован в серьёзных экономических партнёрах, к каковым Россия, увы, по большому счёту, уже не относится. Надо время для восстановления сил.

К тому же, нельзя забывать о специфике американо-иранских отношений после революции, когда фактически иранцы объективно подыгрывали США, разжигая антирусские и антироссийские настроения на территории СНГ. Это относится как к Средней Азии, так и к Кавказу. Например, к событиям в Таджикистане, к которым иранцы причастны не в последнюю очередь. Более того, они даже не стеснялись распространять свои пропагандистские материалы на русском языке с откровенно антирусской и антироссийской направленностью. Одно такое издание есть в нашем распоряжении. Мы уже не говорим о Боснии, которая снабжалась оружием из Ирана в нарушение постановлений ООН, но с согласия США. И где велась уже настоящая религиозная война между мусульманами и православными христианами. Западный мир допустил зверства боснийских мусульман даже в отношении священнослужителей, которых пытали перед тем, как убить. И это делалось отчасти ради удовлетворения некоего чувства религиозного типа, поскольку нет рационального объяснения в необходимости такого рода жестокостей по отношению к мирным людям. Даже по российскому ТВ демонстрировались видеодокументы на указанную тему. Можно, конечно, говорить о том, что, что тогда у иранцев выбора особенного не было, поскольку руководство России само играло против нашей страны. Можно посмотреть и иначе — иранцы играют свои игры, рассматривая нашу страну как средство достижения своих собственных целей. И это вполне нормально. В отношении Ирана мы не имеем иллюзий. На встрече с членами координационного комитета Организации Исламская Конференция летом 1998 г. аятолла Хаменеи прямо сказал: «Я согласен с высказываемым рядом мыслителей мнением, что следующий век по христианскому летоисчислению будет веком Ислама. Это подтверждает наш опыт и наш взгляд на мировую арену»⁴. И оставлять без внимания такого рода заявления у нас нет никакого основания. Об этом надо всегда помнить. И никогда нельзя забывать о том, что иранские миссионеры ещё с 1979 г. начали искать пути освоения советского, а затем и российского пространства. И не без успехов. Естественно, что нам далеко

не всё в этом нравится. С другой стороны и иранцы не препятствуют нашему присутствию в ИРИ. Другое дело, повторимся, что сил у России на это не хватает и в ближайшем будущем их взять неоткуда. Россия будет неизбежно терять свои позиции на внешних рынках и в дальнейшем. И иранцы это понимают.

Американская же позиция в отношении Ирана малопродуктивна и опасна, поскольку она провоцирует дальнейшую активизацию исламистского экстремизма и перерастание латентного противостояния в открытый конфликт, который будет выгоден не нам. Американцы упорно продолжают создавать ситуации, которые порождают всё новые и новые проблемы для мира и для них самих. И, прежде всего, это проблемы с исламским миром, который они сами спровоцировали на глобальный конфликт ещё в годы холодной войны с СССР. И документов на этот счёт предостаточно — можно посмотреть хотя бы западные исследования по Средней Азии.

В Ираке сегодня поочередно взрываются суннитские и шиитские мечети. Кто-то очень заинтересован в разжигании суннитско-шиитских противоречий. В данной ситуации предполагается, вероятно, что мусульманский мир, представленный в большинстве именно суннитами, может если не поддержать действия США в отношении шиитского Ирана, то хотя бы нейтрально отнестись к силовым действиям США в отношении этого государства. Думается, однако, что это не очень разумный подход.

Это, конечно, понимают определённые силы и в США, организовавшие в апреле 2006 г. приезд в эту страну высокопоставленного иранского чиновника. В Вашингтон прибыл тогда заместитель секретаря Высшего Совета национальной безопасности Ирана Мухаммед Навахандиан, что было подтверждено официальным представителем госдепартамента США Шоном Маккормаком. Правда, официально американской стороной было выражено и некоторое недоумение по поводу того, что господин М. Навахандиан прибыл в США без визы, поскольку таковая ему не выдавалась. Однако, как выяснилось, в США можно приезжать и без визы. Как сказал Ш. Маккормак, «существует целый ряд способов для отдельного лица приехать сюда на легальной основе без визы». Этот иранский чиновник, безусловно, относится к той особой категории «отдельное лицо», которая может обходиться без виз для поездок в другие страны. Тем более, что он является заместителем по экономическим вопросам у секретаря Высшего Совета национальной безопасности Ирана Али Лариджани — главной фигуры в иранском руководстве по вопросам национальной безопасности, включая вопросы иранской ядерной программы. В то же время представитель госдепартамента добавил, что не может сообщить какие-либо дополнительные детали о пребывании

М.Навахандиана в Вашингтоне, а также отказался назвать цели его приезда в американскую столицу, отметив лишь, что он прибыл «не для того, чтобы встречаться с официальными представителями правительства США».⁵

Для нас в данной истории важен сам факт визита в США чиновника такого ранга и утечка информации в связи с этим визитом. Сам визит является очередным свидетельством того, что контакты между руководством (стоящим формально у власти или в очереди к кормилу её) двух стран поддерживаются постоянно⁶, а утечку информации можно рассматривать в том числе и как демонстрацию готовности действовать в регионе (по крайней мере) по изменённым правилам. А вот какими будут новые правила политической игры — об этом можно только догадываться и строить предположения.

Какой-то ответ на этот вопрос можно найти в открытом письме президента Ирана М.Ахмадинежада президенту США Дж. Бушу, направленном 8 мая 2006 г. Текст этого письма был расценен в СМИ как малозначимый, либо как победа американского руководства, вынудившего руководство Ирана к такому шагу. Однако, представляется, что содержание письма, которое готовилось, разумеется, как декларация политического курса руководства ИРИ, следует расценивать несколько иначе. Во-первых, в нем достаточно критически и жестко оценивается политика США по отношению к развивающимся странам, но главное — по отношению к Ирану. Американцам напомнили о перевороте в Иране 1953 г., об их борьбе против исламской революции, превращении посольства США в штаб оппозиции («это доказывается тысячами страниц документов»), о поддержке Садама Хусейна в войне против Ирана, об уничтожении иранского пассажирского самолета, о замораживании счетов, принадлежащих Ирану и, конечно, о нагнетании угроз по поводу иранских научных и атомных программ.

Почти откровенно был поставлен вопрос и о трагедии 11 сентября, после чего правительство Буша «значительно расширило меры безопасности, укрепило оборону и усилило разведку, и даже начало охотиться за своими врагами вне пределов США. Проведение терактов 11 сентября, — говорится в письме, — тем не менее, не было простой операцией. Могло ли оно быть спланировано и осуществлено без координации со службами национальной безопасности и разведки, или хотя бы без проникновения сообщников террористов в них? Конечно, это всего лишь предположение. Но почему значительная часть информации о терактах засекречена?»

М. Ахмадинежад в то же время обвинил западные СМИ в распространении заведомо ложной информации, которая используется для оправдания агрессивных действий США. В качестве примера был приведён Ирак, на военную кампанию в котором тратятся миллиарды долларов — в ущерб американскому же народу. Не говоря уже о народе Ирака.

Иранский президент предложил Бушу задуматься о том, чтобы

остаться в истории президентом, который принёс людям «спокойствие, безопасность и благосостояние», справедливость, а не горе и тревогу и т. д., что, конечно, выглядит наивным на первый взгляд. Однако, если учесть, что данное письмо — это и очень важная пиар-акция, рассчитанная на афро-азиатскую аудиторию, тогда следующие слова можно рассматривать как достаточно грамотный ход. «Если бы, — пишет М.Ахмадинежад, — миллиарды долларов, потраченные на..., военные кампании и перемещение войск были бы потрачены на помощь бедным странам, здравоохранение, борьбу с болезнями, образование и улучшение интеллектуального и физического состояния людей, поддержку жертв стихийных бедствий, создание рабочих мест и производство, проекты развития и уничтожения бедности, установление мира, посредничество между враждебными государствами и тушение пламени расовых, этнических и прочих конфликтов, где находился бы мир теперь? Разве не могли бы ваше правительство и ваш народ ощущать справедливую гордость? Разве не были бы позиции вашего правительства гораздо более сильными как в политике, так и в экономике? И, хотя мне жаль упоминать об этом, разве росла бы ненависть к американскому правительству во всем мире? Господин президент, это не мое намерение — ввергнуть кого-либо в бедствия».

При этом иранский президент пытался показать, что американцы не руководствуются в своей политической практике религиозными принципами, завещанными пророками, хотя считают себя страной религиозной. «Если бы пророки Авраам, Исаак, Иаков, Ишмаэль, Иосиф или Иисус Христос были с нами сегодня, как они оценили бы такое поведение? — задаёт он риторический вопрос, — ... Приняли бы они нас? Мой основной вопрос таков: разве нет лучшего способа для того, чтобы взаимодействовать со всем остальным миром? Сегодня в мире есть сотни миллионов христиан и мусульман, а также миллионы людей, следующих учению Моисея. Все религии разделяют и уважают монотеизм, или веру в единого и единственного Бога».

В данном письме содержится также призыв к Бушу вернуться к религиозным ценностям справедливости, что опять же следует рассматривать как достаточно удачный пропагандистский шаг иранского истеблишмента, претендующего на роль выразителей интересов широких слоев простого народа и развивающихся стран. «Мы верим, — отметил президент ИРИ в обращении к Бушу, — что возвращение к учениям пророков — единственная дорога к спасению. Мне говорили, что вы следуете учению Иисуса Христа и верите в божественное обещание, согласно которому Землей будут править праведники».

Конечно, может показаться даже смешным такого рода рассуждения, а тем более обращения к каким-то нравственным принципам

политиков. Тем более к американскому президенту. В данном случае для нас важно показать, что руководство Ирана попыталось, с нашей точки зрения, привлечь таким образом на свою сторону население своего государства, соседних стран и мусульманского мира в целом.

В письме был поставлен и очень важный вопрос — об отсутствии веры в международные организации у народов, подвергающихся внешней агрессии, разрушающей их культурное наследие и семейные ценности и угрожающей их жизни, поскольку эти организации не защищают их права.

И самое интересное — это заключительная часть послания, в котором делается вывод о том, что «либерализм и демократия западного образца не смогли реализовать идеалы человечества», что «сегодня обе этих идеи провалились. Те, кто может смотреть в будущее, уже слышат звуки крушения идеологии либеральных демократических систем». В качестве альтернативы в послании предлагается все-таки общественная организация на основе религии, поскольку только через веру в Бога и учения пророков, люди решают свои проблемы, полагают авторы письма. И, наконец, — вопрос к самому Бушу: «Хотите ли вы присоединиться к ним?»⁷

Таким образом, иранцы ни в коем случае не намерены играть по американским правилам, но, конечно, они не желают и вступать в конфронтацию с сильным противником. Тем более, что в Иране нет такого явления как массовая ксенофобия, в том числе и в отношении американцев.

Конечно, руководство ИРИ никогда не ставило перед собой такую нереальную цель как привлечение на свою сторону американского президента. Однако, оно и не проявляет слабости, пытаясь выглядеть равноправным партнёром. По крайней мере, в регионе. При этом прекрасно понимает, что идти на уступки США чревато утратой независимости страны. И исламский режим Ирана, похоже, сумеет выстоять в сложившемся противостоянии со сверхдержавой, пытающейся овладеть нефтяными ресурсами Ирана.

Правда, Збигнев Бжезинский ещё в 2004 г. выражал надежду, что нынешний режим в Иране в длительной перспективе будет устранён. Основаниями для такой оценки является то, что иранское общество не так фанатически религиозно, как это представляют «правлящие в Иране муллы» (хотя с нашей точки зрения, таковым иранское общество представляется скорее западными СМИ со ссылками на отдельных одиозных проповедников). Кроме того, в Иране высокий уровень грамотности (72%), устоявшиеся традиции значительного участия женщин в профессиональной деятельности и в политической жизни,

по-настоящему высокообразованный класс интеллигенции и осознание обществом своей самобытной исторической общности. Потому Иран, с точки зрения Збигнева Бжезинского, является, из всех стран региона наиболее перспективным, чтобы пойти по пути, который до него прошла Турция. «Как только догматическое правление, навязанное стране аятоллой Рухоллой Хомейни, ослабнет, и светская элита Ирана почувствует, что Запад предусматривает для Ирана конструктивную роль в регионе, Иран может встать на путь успешной модернизации и демократизации», — полагает американский политик.⁸

Однако именно турецкий вариант развития в Иране был уже пройден шахской монархией. На смену пришёл исламский режим. Правда, просуществовал исламский республиканский Иран пока меньше, чем последняя иранская монархия. Но это уже проблема перспективы. Пока же, повторимся, иранский режим умирать или сдаваться не собирается.

¹ <http://www.rambler.ru/db/news/msg.html?s=11&mid=7661969>

² www.regimechangeiran.com

³ [Emrouz news site](http://www.emrouz.com)

⁴ Третий взгляд, М., 1998, № 60, с. 5

⁵ Важный иранский чиновник прибыл в Вашингтон без визы

[18.04.06 12:01] <http://www.blotter.ru/news/article09E3F/default.asp>

⁶ Госдеп США признал, что Иран в последнее время проявлял интерес к переговорам с руководством США. В то же время, в этом внешнеполитическом ведомстве отметили, что ответных шагов Вашингтон не предпринял. Однако это официальный ответ, который иным быть и не мог. (О попытках Ирана установить прямые контакты с Вашингтоном см. «Попытка контакта», <http://www.versii.com/>)

⁷ Письмо Бушу, обнародованное в России 10 мая 2006 г., <http://www.globalmatrix.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=295>

⁸ Збигнев Бжезинский, Глобальное господство или глобальное лидерство (“The Choice: Global Domination or Global Leadership”) — ИноСМИ.Ru от 01.03.2004)

3. Цели культурной политики Ирана в регионе и ее воплощение

М. Каменева

Стремление Ирана к лидерству характерно как для дореволюционного, так и для послереволюционного Ирана, особенно современного, вступившего в 21 век. В программном документе «Двадцатилетняя перспектива», озвученном руководителем Комитета по двадцатилетней перспективе и одновременно секретарем Ассамблеи по целесообразности г-ном Мохсеном Резаи на национальной конференции «Развитие технологий в двадцатилетней перспективе» в декабре 2005г. в Тегеране в Промышленном университете говорится, «что через 20 лет Иран должен стать развитой страной и занять первое место в регионе... Он станет вдохновителем исламского мира и цивилизационнообразующим государством с революционной иранской идентичностью».¹ До исламской революции в период правления династии Пехлеви притязания на лидирующую роль в регионе были характерны в большей степени военной, экономической, политической и социальным сферам. Область культуры была затронута в меньшей степени, поскольку находилась под влиянием Запада, что проявлялось в литературе, языке, музыке, киноискусстве и т.д., и потеряла часть своей национальной самобытности, хотя и в шахском Иране проблемам культурного развития страны уделялось внимание.² Таким образом, задача экспансии иранской культуры не стояла остро на повестке дня.

Необходимо отметить, что у Ирана для осуществления культурной экспансии имеется целый ряд объективных предпосылок. К ним, прежде всего, можно отнести тот факт, что иранская цивилизация и иранская культура относятся к древнейшим в мире. Кроме того, ислам, одна из крупнейших и наиболее развитых религий в мире, является государственной религией Ирана. Наконец, в странах региона проживает большое количество эмигрантов из Ирана, что создает благодатную почву для восприятия иранской, фактически родной для них культуры.

После исламской революции идея культурной экспансии в сопредельные страны стала активно культивироваться руководством ИРИ. Отказ от ориентации на западные цивилизационные ценности и возведение в абсолют исламских культурных традиций породили определенные тенденции в развитии иранской культуры, которые позволили бы в дальнейшем претендовать на лидирующие позиции в регионе, состоящем преимущественно из мусульманских государств. Лидер исламской революции имам Хомейни обращал пристальное внимание на развитие иранской культуры и считал ее фундаментом воспитания иранской нации

и ее будущих поколений. Он видел основу будущего культурного развития Ирана в рождении самобытной иранской культуры и ее самостоятельности.³ Именно после исламской революции в персидском языке появился специальный термин для лексического обозначения этой независимой от Запада культуры, продукта будущей экспансии в сопредельные государства, а именно фарханге хиш или фарханге хишин.

С целью пропаганды иранской культуры как внутри страны, так и за ее пределами в 1995 г. (1374 г. по иранскому календарю) была создана специальная «Организация по проблемам культуры и исламских связей» (Саземане фарханг-о-эртебатате эслами).⁴ Внутренняя структура подчинена стоящим перед ней задачам. Внутри организации был создан целый ряд подразделений, которые курируют в том числе научные исследования и проблемы образования, а также занимаются публикациями и пропагандой всех аспектов своей деятельности. Большая роль в пропаганде иранской культуры принадлежит также функционирующим под эгидой Организации по проблемам культуры и исламских связей за рубежом во многих странах мира и в большинстве стран региона, пожалуй, за исключением Афганистана, культурным представительствам при посольствах ИРИ. Они являются как бы проводниками иранской культуры за пределы страны.

Именно с позиций потенциального регионального лидера, в том числе и в области культурной политики, бывшим президентом Ирана г-ном Хатами был предпринят шаг в разработке, углублении и расширении понимания теории «диалог цивилизаций». Им была подчеркнута необходимость ведения мирного диалога между западными и восточными обществами вместо идеи Хантингтона о существовании между ними межцивилизационного конфликта. Именно по предложению ИРИ 2001 г. был объявлен Генеральной Ассамблеей ООН Годом диалога цивилизаций. Объясняя в одном из своих выступлений причину рождения именно на иранской почве этой идеи, г-н Хатами отмечает, во-первых, географическое положение ИРИ, благодаря которому она является связующим звеном между регионами различных культур и цивилизаций Азии, с одной стороны, и европейским континентом, с другой. Вторым важным фактором он считает духовность ислама, а третьим, сочетание единства и многоцветие исламской цивилизации, то есть, выражаясь его словами, «единое слово Божье породило множество различных толкований и разнообразие форм выражения».⁵

Важную роль в завоевании культурного превосходства на уровне региона руководство ИРИ отводит персидскому языку и персидской литературе как серьезному фактору в этом процессе.⁶ Пропагандируя в первое время после исламской революции преимущественно исламские ценности, мусульманское духовенство придавало чрезвычайно большое значение арабскому языку как языку Корана и исламской науки, рассматривая его

как один из каналов знакомства с исламской цивилизацией. Однако, быстро осознав в условиях Ирана тот факт, что арабский язык не сможет стать ни при какой языковой политике родным для большинства населения страны, весьма оперативно взяло на вооружение тезис о том, что персидский язык наряду с арабским является языком ислама и мусульманской цивилизации. (Надо сказать, что об этом в свое время неоднократно писала иранская пресса)⁷. Такая позиция мусульманского духовенства должна была поднять престиж Ирана среди неарабоговорящих исламских стран региона как, например, Турция, Пакистан и другие. Таким образом, персидский язык начал рассматриваться в ИРИ вполне официально как один из факторов, способствующих становлению Ирана в качестве крупной региональной державы. Об этом говорится и в программном документе Центра по распространению персидского языка (Марказе гостареше забане фарси), являющегося составной частью Организации по проблемам культуры и исламских связей. Он начинается словами, что «персидский язык и персидская литература являются ключом к познанию иранской культуры и исламской цивилизации». Именно с этих позиций осуществляется их пропаганда в странах региона — ОАЭ, Катар, Турция, Бангладеш, центральноазиатские республики. Она осуществляется через организацию курсов по преподаванию персидского языка, оказание содействия в его изучении в высших учебных заведениях, а также в школах, организацию научных конференций по проблемам персидского языка и персидской литературы, публикацию произведений классиков персидской литературы.

Пропагандируя и экспортируя свою культуру в другие страны, безусловно, следует помнить о необходимости поддержания своей собственной культуры на достаточно высоком уровне внутри страны. Думается, что в современном Иране много делается в этом направлении. Многие факты как, например, успешное развитие различных сфер искусства, науки, образования говорят об этом. Широко известно, что иранское киноискусство, оцениваемое специалистами в области кино как высокоинтеллектуальное, элитное, добилось больших успехов на международных кинофестивалях. Ежегодно в ИРИ снимается около 80 фильмов, и среди них есть и такие, которые получили престижные международные премии на Берлинском, Каннском и Московском кинофестивалях. А киноработа известного иранского кинорежиссера Маджида Маджиди, ретроспективный показ фильмов которого с успехом прошел в Москве в 2005 году, в 1998 году был назван в числе претендентов на премию «Оскар». Безусловно, лучшие достижения иранской киноиндустрии демонстрируются не только на международных кинофорумах, но, прежде всего, внутри страны, а также на региональных кинофестивалях и неделях иранского кино в различных странах мира. Автору трижды приходилось быть зрителем на подобных мероприятиях в столице Индии г. Дели.

Что касается музыкального исполнительского искусства, то это направление также успешно развивается в стране. Представляет интерес и тот факт, что в настоящее время помимо традиционной национальной музыкальной культуры становится популярна также и мировая классическая музыка. В Тегеране открыта и функционирует частная Консерватория, в которой сотрудники сектора Ирана побывали в 2005 году во время поездки в Иран и которая по характеру своей деятельности напоминает скорее Училище изящных искусств, где обучаются студенты по таким областям как музыка, живопись и архитектура. На музыкальном отделении этого учебного заведения работают выпускники Музыкальной Академии им. Гнесиных. Летом 2007 г. Консерватория отметила десятилетний юбилей своего существования. Свое музыкальное мастерство иранские артисты, работающие в традиционном стиле, с успехом демонстрируют во многих странах мира, в том числе и в странах региона. Возможно, что туда из Ирана проникнет мода и на классику. Значительный интерес за пределами Ирана вызывает и мастерство его художников, в том числе миниатюристов, которые достигли в своем творчестве больших высот.

Иран стремится занять лидирующие позиции в регионе и в области науки, причем как в сфере точных наук, так и гуманитарных. Ярким примером этому могут служить успехи, достигнутые ИРИ в атомной энергетике и в сфере высоких технологий. Если же обратиться к гуманитарному направлению, то следует отметить проведение большого числа крупных международных симпозиумов и конференций как внутри страны, так и за ее пределами по различным направлениям гуманитарных знаний, как например, археология, литература, язык, искусство, иранистика и т.д. Примерами таких научных форумов могут служить Международный конгресс преподавателей персидского языка, международные конгрессы иранистов и другие. Следует также отметить, что Иран через свои культурные представительства оказывает содействие в организации научных мероприятий, связанных в первую очередь с иранской проблематикой в других странах, в том числе своих региональных соседей — Пакистана, ОАЭ, Бангладеш, Индии, государств Центральной Азии, как, например, Конференция, посвященная 25-летию исламской революции в Индии. Однако в этой сфере Ирану могут составить конкуренцию такие региональные державы, как Турция, Пакистан, Индия.

В целом же можно сказать, что у ИРИ в нынешней ситуации есть несомненные предпосылки для превращения в регионального лидера, в том числе и в области культуры.

¹ IRAN.RU. 13.12.05

² Свидетельством этому может служить книга шаха Ирана Мохаммада Реза Пехлеви «На пути к культурному величию», Тегеран, 1978 (на персидском языке)

³ Эти идеи проходят красной нитью через все выступления Хомейни, опубликованные в иранской прессе в предреволюционный период, во время революции и после ее окончания, причем в основном в первые два года, когда имам уделял большое внимание вопросу о путях развития иранской культуры. (См. газеты «Кейхан» и «Эттелаат», 1979–1980 гг.)

⁴ См. об этом подробнее брошюру «Организация по проблемам культуры и исламских связей», Тегеран, Издательский дом Алхода, 2002 (на английском языке).

⁵ См. С.М.Хатами. В человеке сосредоточены душа Востока и разум Запада, М., 2001, с. 48–50.

⁶ Об этом см. также: Мохсен Резаи, Иран — региональная держава. Персидский язык — региональный язык. www.nanrazavi.com. 26.03.05.

⁷ См., например: Эттелаат. 27.08.1982

4. О взаимоотношениях современного персидского языка с языками таджикским, дари и индийским-персидским

Ю.А. Рубинчик

По своему происхождению современный персидский язык тесно связан с таджикским Таджикистана, дари Афганистана и персидским Индии, — у них общий источник — фарси-йе дари ‘персидский дари’, именуемый также новоперсидским языком. Новоперсидский язык, появившийся после завоевания Арабским халифатом Ирана в VII в. и оформившийся как самостоятельный язык на рубеже IX-X вв. в Средней Азии, с одной стороны, противопоставит древнеперсидскому и среднеперсидскому языкам по своим историко-временным, лексико-грамматическим и структурным признакам, а с другой, — является языком, послужившим основой для образования близкородственных иранских языков: персидского, таджикского, дари¹ и индийского-персидского. Термин “новоперсидский” используется также в ирановедческой литературе для обозначения всего периода развития персидского языка, от начала его появления до наших дней.

Употребление термина «новоперсидский» непосредственно связано с употреблением персидского слова фарси. В русской литературе и, в частности, в персидско-русских словарях, слово фарси переводится на русский язык как ‘персидский’, ‘персидский язык’, ‘житель Фарса (остан на юге Ирана)’. Так, приблизительно одинаково толкуется это слово в двухтомном персидско-русском словаре под редакцией Ю. А. Рубинчика, в двухтомном словаре М. А. Гаффарова и в одготомном словаре Б. В. Миллера. В последних двух словарях упоминаются значения ‘персидский’, ‘персидский язык’, но не выделяется значение ‘житель Фарса’.

Наряду со словом фарси в персидском языке употребляется слово парси, имеющее общее происхождение с первым словом. Причем первоначально употреблялось только слово парси². Замена начального звука ‘п’ на ‘ф’ произошла в персидском языке под влиянием арабского языка в более поздний период после завоевания Ирана арабами в VII в. Значения этих двух слов в персидском языке не только совпадают, но и различаются, оба слова имеют одинаковые значения — ‘персидский’ и ‘персидский язык’. Однако в этих значениях слово парси в современном языке употребляется более редко и встречается в более высоком стиле. Кроме того, парси имеет еще и другие значения — ‘относящийся к области Парс’, ‘зороастрийский’, ‘перс’, ‘персиянка’, ‘житель древней Персии’, ‘зороастриец’, которые не свойственны слову фарси.

В толковых словарях персидского языка (например, в словарях Деххода, Моина, Амида) у слова фарси выделяются значения ‘персидский’, ‘персидский язык’, ‘житель Фарса’, ‘зороастриец’.

В отдельных случаях (например, восьмитомный и двухтомный словари Х. Анвари) отмечается также, что персидский язык принадлежит к индоиранской группе индоевропейской семьи языков и получил распространение в Иране, Афганистане и Таджикистане. В однотомном «Словаре современного персидского языка», авторами которого являются Г. Садриафшар и другие, указывается, что персидский язык — один из иранских языков, диалекты которого распространены в Иране, Таджикистане, Афганистане и Пакистане.

Несколько различающееся выделение значений в слове фарси толковыми словарями персидского словаря (речь идет о соотношении понятий язык / диалект) дает основание поставить вопрос: принадлежит ли этот язык как официальный только Исламской Республике Иран и выступает одновременно как диалект персидского языка в Таджикистане и как диалект персидского языка в Афганистане или каждое государство имеет самостоятельный язык, который обладает собственным названием? Читатель вправе поставить вопрос о взаимоотношениях персидского языка с другими близкородственными иранскими языками региона.

Иными словами, встает большой и сложный вопрос о разграничении языка и диалекта. Но этот вопрос не решается просто не только в иранском языкознании, но и в истории общего языкознания. Не вдаваясь подробно в рассмотрение этого вопроса и существующих точек зрения, отметим, что он не может быть решен только на чисто лингвистическом уровне.

При установлении того, является ли персидский язык общим для Ирана, Таджикистана и Афганистана (и, соответственно, таджикский язык Таджикистана и язык дари Афганистана выступают как его территориальные диалекты) или каждое государство обладает самостоятельным языковым образованием, распространенным только на его территории, необходимо обратиться к конституциям этих стран.

Но прежде всего, посмотрим, как решается эта проблема в других странах и регионах, и везде ли при определении государственных языков применяются одинаковые стандарты. Оказывается — нет, единообразия в решении этой проблемы не наблюдается.

В такой огромной стране, как Китай, существует множество диалектов китайского языка, при этом между некоторыми из них настолько велики различия (например, между диалектами Севера и Юга), что жители одной части страны почти совсем не понимают жителей другой части, тем не менее, китайский язык считается единым государственным языком.

Английский язык считается официальным языком не только Великобритании, но и США, Австралии, Новой Зеландии, одним из двух официальных языков Ирландии и Канады. Учитывая имеющиеся некоторые различия, иногда говорят о существовании вариантов английского в отдельных государствах.

Испанский язык является государственным в Испании и Аргентине, а португальский — официальным в Португалии и Бразилии. В то же время в Малайзии и в Индонезии, имеющих два очень близких языка по своему происхождению и структуре, официальными языками соответственно объявлены — малайзийский (или малайский) и индонезийский. Можно привести еще ряд примеров, когда государства, имеющие языки одинакового происхождения и близкой лингвистической структуры, обладают разными наименованиями своих официальных языков.

В связи с темой, вынесенной в заглавие данной статьи, в первую очередь, следует остановиться на положении персидского языка в Иране. В силу историко-географических, религиозных, экономических и политических условий, в которых проходило развитие этой многонациональной страны, на ее территории существует множество местных языков и диалектов, в том числе диалектов персидского языка. Например, можно говорить о диалектах персидского языка в Тегеране (диалект получил распространение по всей стране и наиболее изучен), в Исфахане, Ширазе, Кермане, Мешхеде. Наряду с языками иранской группы здесь распространены тюркские, семитские и некоторые другие языки.

Согласно новой конституции Исламской Республики Иран, утвержденной межлисом в декабре 1979 г., официальным языком страны снова объявлен персидский (раздел 2, ст. 15). Этот язык, являющийся родным для персов (составляют немного меньше половины населения страны), для других народов, населяющих Иран (азербайджанцы, курды, белуджи, луры, бахтиары, кашкайцы, туркмены, арабы, армяне и др.), служит средством межнационального общения. На нем ведется преподавание в школах, в специальных средних и высших учебных заведениях, профессионально-техническое обучение, административное и судебное делопроизводство, издаются многочисленные газеты, журналы, книги, ведутся передачи по радио и телевидению, создаются кинофильмы, ставятся пьесы в театрах. Будучи единым литературно-письменным языком, он служит объединению народов такой многонациональной страны, как Иран.

Для лучшего понимания возникновения и становления персидского языка как национального коротко остановимся на его истории.

После завоевания Ирана арабами в VII в. официальным языком страны стал арабский. Первые письменные памятники на персидском языке появились в IX в., а язык в ту пору назывался парси (или парси-йе дари) и использовался главным образом в кругу семейного общения.

Первые попытки фиксации новоперсидского языка средствами арабской графики относятся к IX в. и появились в Мавераннахре, Хорасане, Систане. Но памятники письменности этого периода до нас не дошли, и об их существовании мы знаем лишь на основании косвенных данных

— по древним словарям (фархангам) и более поздним рукописям. Новоперсидский становится официальным языком государства Саманидов (875—999) и до конца XV в. оставался общим литературным языком для персов и таджиков. В ирановедческой литературе этот язык называется также персидско-таджикским. Центром его формирования были северо-восток Ирана, север Афганистана и Средняя Азия. В течение IX—XV вв. на нем создается богатейшая литература, главным образом поэзия, получившая название классической. Становление персидского языка как языка литературного тесно связано с развитием персидско-таджикской классической литературы.

В начале XVI в. в связи с изменением политической обстановки в Иране и Средней Азии, территориально-государственным обособлением отдельных регионов и возникновением новых государств появляются признаки фонетической, лексико-семантической и грамматической дифференциации персидско-таджикского литературного языка. Центр формирования персидского языка постепенно переносится с северо-востока на юго-запад Ирана в провинцию Фарс (Парс); происходит смена диалектной базы персидского литературного языка — ею становятся юго-западные диалекты этого языка. С учетом реальных языковых фактов, сложившихся социально-политических условий и международных отношений в конце XIX в. и в начале XX в. можно констатировать появление трех близкородственных иранских языков: персидского в Иране, таджикского в Средней Азии, фарси-йе каболи ‘персидского языка Кабула’ в Афганистане.

В научной литературе по персидскому языку, издающейся в нашей стране и за рубежом, не всегда четко осуществляется периодизация исторического развития новоперсидского языка: явления, характерные для языка классического периода, иногда приписываются современному персидскому литературному языку (особенно часто — в работах иранских авторов). Известно также, что современный таджикский язык Таджикистана и дари Афганистана в большей степени, чем персидский язык Ирана, сохранили архаичные черты классического языка.

Каковы же отношения между классическим и современным персидским языком?

Классический и современный языки отражают тесно связанные между собой, но самостоятельные этапы в развитии новоперсидского языка. Каждый этап обладает своими отличиями в области лексики, грамматики, фонетики и даже письменности.

Особая историческая обстановка для развития персидского языка складывается в XIX в. В середине и конце XIX в. происходит сближение феодально раздробленных территорий иранского государства и формирование национального языка. В этот период наблюдается упрощение литературного языка, проникновение в него слов разговорного языка, де-

мократизация его стилей, в язык проникает большое количество западно-европейских заимствований, главным образом из французского языка.

Современный этап развития и совершенствования персидского языка связан с первой иранской революцией 1905–1911 гг. Процессы демократизации и сближения литературного языка с разговорным продолжались и после первой иранской революции (вплоть до начала второй мировой войны); их нельзя считать закончившимися и в настоящее время.

Как указывалось выше, с исторической точки зрения слово фарси своими вариантами значения охватывает несколько близкородственных языков.

Это слово (по-таджикски форси) употреблялось также и в таджикском языке. Его значения в таджикском языке в основном совпадали с теми значениями, которые фиксируются в современных персидско-русских словарях. Однако следует отметить, что до середины 90-х годов XX в. согласно конституции Республики Таджикистан официальным языком считался таджикский (забони тоджики), причем в скобках одновременно упоминалось слово форси. В новой конституции Таджикистана, утвержденной в 1998 г., слово форси не упоминается совсем.

Теперь посмотрим, как обстоит дело с употреблением этого слова в Афганистане. Здесь слово фарси в отношении языка дари, являющегося вторым официальным языком государства, в настоящее время совсем не используется, хотя известно, что персидский язык и язык дари Афганистана являются близкородственными.

Первоначально при наименовании второго официального языка Республики Афганистан языком дари³ в 1964 г. для того, чтобы было понятно значение этого слова, после него употребляли словосочетание фарси-йе каболи ‘персидский язык Кабула’, считавшийся до этого официальным языком страны. К этому следует добавить, что первым же государственным языком был назван язык пушту, получивший одновременно и наименование национального языка. Последнее название, видимо, подчеркивало его особую важность в жизни страны. Но это название ничего не принесло положительного для жизни общества кроме обострения отношений между носителями языка пушту и дари.

В последней конституции Афганистана, принятой Лоей джиргой (парламент Афганистана) в январе 2004 г., указывается, что официальными языками государства являются языки пушту и дари, причем язык пушту уже не назван национальным, а словосочетание фарси-йе каболи ‘персидский язык Кабула’, ранее заключавшееся в скобки, опущено.

Рассматривая взаимоотношения персидского языка с близкородственными иранскими языками, выступающими как государственные, нельзя не упомянуть о персидском языке в Индии. Этот язык, называе-

мый также индийским персидско-таджикским, получил распространение там в X в. и особенно в XVI–XIX вв.⁴ В Индии язык фарси считался одним из государственных языков и его влияние среди населения страны было чрезвычайно велико. Но существование этого языка как государственного заканчивается в XIX в. В настоящее время персидский язык представлен в Пакистане в виде диалекта. Значение персидского языка для Индии и использование его там представляют отдельную научную проблему, которую необходимо исследовать совместными усилиями иранистов и индологов.

¹ Слово *дари* в иранском языкознании употребляется в двух значениях: 1) название новоперсидского языка на ранней стадии его развития (приблизительно до XVI в.); 2) название второго официального языка Афганистана (наряду с пушту), появившееся после первого октября 1964 — времени подписания закона о введении новой конституции бывшим королем Захир Шахом (Основной закон Афганистана, ст. 35). Этот язык одно- временно имел также и другое название фарси-йе каболи ‘персидский язык Кабула’.

² Слово *парси* происходит от слова *парс*, которое имеет следующие значения: ‘Парс (древнее название основной области проживания персов и старое название Фарса — остана на юге Ирана)’, ‘Персида’, ‘Персия (древняя)’.

³ Слово *дари* связывают по происхождению со словом *дар* (в современном персидском языке *дарбар* ‘царский двор’) и обычно переводят как ‘придворный’.

⁴ Об этом языке подробно говорится в книге В. А. Капранова «Таджикско-персидская лексикография в Индии XVI–XIX вв.» (Душанбе, 1987)

Глава 2. Влияние третьих стран на положение Ирана в регионе

1. Ирано-израильские отношения

С.Б. Дружиловский

После исламской революции Иран серьезно укрепил свои позиции в регионе. Сегодня, в отличие от шахского периода, ИРИ окружают, в основном, дружественные или нейтральные страны. Политика по развитию добрососедских и дружественных отношений с соседними государствами стала частью стратегической линии иранского руководства на превращение ИРИ в региональную державу, которая должна объединять общие усилия региональных союзников, а не противников, оспаривающих у Ирана этот статус. Даже вторжение американских войск в Ирак и Афганистан не смогло серьезно поколебать усилия ИРИ по сближению со своими соседями, которые охотно идут на переговоры и соглашения с иранским руководством, поддерживая с ним отношения на самом высоком уровне.

Исключение составляют ирано-израильские отношения, которые выбиваются из общего контекста региональной политики ИРИ.

Сегодняшний антагонизм между Ираном и Израилем может показаться странным, учитывая, что в отличие от арабов персы никогда не воевали с евреями, более того, исторически они считались дружественными народами. Персидский царь и полководец Кир Великий освободил евреев из вавилонского плена в VI в. до н.э., и это событие всегда по достоинству оценивалось еврейской диаспорой, а потом и гражданами Израиля. Известно, что после освобождения из «вавилонского плена» часть евреев перебралась на жительство в Иран, главным образом, в тогдашнюю столицу Ахеменидской державы Сузы и Хамадан. Вплоть до арабских завоеваний евреи пользовались в Иране статусом наибольшего благоприятствования, об этом свидетельствуют, в частности, сведения, изложенные в книгах еврейских канонических авторов Эстер, Эзры и Даниэля. После исламизации Ирана арабами статус евреев в этой стране резко меняется к худшему, но лишь в XIX веке против них начались серьезные гонения, заставившие значительную часть иранских евреев покинуть страну. Немалая часть из них переселилась в тот период на земли, ставшие позже территорией государства Израиль. Поэтому сегодня в Израиле проживает большое количество евреев иранского происхождения. Многие из них достигали высоких постов в руководстве израильского государства. Например, сегодня к таким политикам относятся действующий президент Израиля Моше Кацав, начальник Генерального штаба Д.Халуц, бывший министр обороны Ш.Мофаз и др.

Вновь прочные позиции в Иране евреи заняли после прихода к власти основателя династии Пехлеви Реза шаха, который начал проводить политику секуляризации и ориентации на Запада, продолженную впоследствии его сыном и преемником Мухаммедом Резой Пехлеви. Накануне исламской революции в Иране проживало не менее 80 000 евреев, многие из которых занимали видные посты в иранской экономике и финансах.

Иран был одним из первых государств, официально признавших государство Израиль в 1948 г., и вплоть до исламской революции ирано-израильские отношения развивались в дружественном русле, лишь изредка омрачаясь в периоды наибольшего противостояния Израиля и арабского мира, когда шах вынужден был учитывать широкое недовольство иранского населения израильской агрессией против мусульманских стран. Так, например, в 1975 г. Иран проголосовал за принятие резолюции ГА ООН №3379, которая осудила сионизм как форму расизма и расовой дискриминации, а также поддержал резолюции 242 и 338 о выводе израильских войск с оккупированных территорий. Однако все это не мешало двум странам осуществлять широкое сотрудничество и кооперацию в самых разных областях экономики, военного строительства и культуры. Например, шахский режим бесперебойно поставлял Израилю нефть даже в годы наивысшей конфронтации последнего с арабским миром. С другой стороны, развитие иранской ядерной программы, начатое шахом М.Резой Пехлеви, с согласия США, не вызывало у Израиля никаких возражений, также, как иранский шах вполне спокойно относился к развитию израильской ядерной программы. Более того обе страны предпринимали попытки объединить усилия по созданию и совершенствованию современных видов вооружения. Например, в 1977 г. министр обороны Израиля генерал Вейцман и заместитель министра обороны Ирана генерал Тофаниан заключили соглашение о реализации «Проекта Флауэ» (Project Flower) по созданию усовершенствованной ракеты класса «море-море» дальностью до 200 км.¹

Положение изменилось вслед за приходом к власти в Иране аятоллы Р.Хомейни. Вскоре после победы исламской революции он заявил о разрыве ирано-израильских отношений и распорядился передать здание израильского посольства в Тегеране представительству Организации Освобождения Палестины. С лидером ООП Я.Арафатом Р.Хомейни встретился уже через неделю после победы исламской революции 18 февраля 1979 г. Вопреки ожиданиям Я.Арафата Р.Хомейни не высоко отозвался о деятельности его организации, указав, что она действует не на исламской, а на националистической и «левой» платформе и призвал палестинского лидера использовать опыт исламской революции в Иране.² Как известно, в дальнейшем отношения между двумя руководителями не улучшились и, хотя после этого Я.Арафат и другие руководители ООП

неоднократно посещали Тегеран, глава ИРИ никогда больше не удостоивал их своей аудиенции.

Сам Р.Хомейни и многие из его сподвижников всегда заявляли о неправомерности существования сионистского израильского государства на Ближнем Востоке, причем правительство Израиля рассматривалось как проводник агрессивной политики США в регионе. В то же время Р.Хомейни постоянно подчеркивал, что речь идет именно о государстве Израиль и его сионистской сущности, а не о евреях вообще, в том числе, проживающих в Иране. Им, как заявлялось руководителями ИРИ, совершенно нечего опасаться, если они не будут ассоциировать себя с Израилем и заниматься шпионской деятельностью. Действительно, хотя сразу после революции часть евреев подверглись в Иране гонениям, а многие тысячи из них покинули страну, все-таки это не вылилось в целенаправленную политику по репрессированию их самих или их организаций, как это произошло, например, с иранскими курдами. Вопреки западным оценкам положения евреев в современном Иране, которые сплошь и рядом сводятся к тому, что еврейское население в ИРИ дискриминируется в области занятости, образования и общественно-политической жизни³, еврейский капитал по-прежнему продолжает оставаться неотъемлемой частью иранской экономики, а верующие иудеи свободно отправляют свой культ в десятках действующих в стране синагог. Сегодня только в одном Тегеране действуют три мечети и три иудейские школы, в которых ученики имеют право изучать талмуд и другие тонкости своей религии. Согласно ст. 64 иранской конституции иранским иудеям гарантировано право иметь своего представителя в меджлисе ИРИ. Что касается преследования иранских евреев по политическим мотивам, то эти случаи также единичны. Например, известен только один пример, когда судебные власти ИРИ в мае 1998 г. вынесли смертный приговор еврейскому бизнесмену Рухоле Кеххода Задеху за содействие нелегальному вывозу иранских евреев из страны. Известен еще один случай, когда 13 иранских евреев предстали перед судом в сентябре 2000 г. по обвинению в шпионаже в пользу Израиля. Трое из них были полностью оправданы, а десять человек осуждены на срок от двух до девяти лет. Однако уже к октябрю 2002 г. все они были освобождены из тюрем по амнистии, в том числе трое по личному распоряжению рахбара аятоллы Али Хаменеи⁴. Видимо, именно, благодаря умеренной политике иранских властей в отношении проживающих в стране евреев, антиизраильские заявления иранских лидеров до поры до времени воспринимались Израилем не более чем революционная риторика. Более того, на протяжении первых послереволюционных лет Израиль стремился поддерживать с ИРИ некоторый уровень торгово-экономических отношений, а в период ирано-иракской войны, несомненно, сочувствовал Ирану, выступившему против одного из его арабских противников. Так, известна роль Израиля в сделке

Иран-Контрас. В этой связи с доверием можно отнести к свидетельству бывшего президента страны А.Банисадра, который в своей книге «Мой черед говорить. Иран, революция и секретные сделки с США», утверждает, что во время алжирских переговоров между США и Ираном в 1980 г. об освобождении заложников, захваченных в американском посольстве, была достигнута договоренность между тогдашним руководством ИРИ и сторонниками баллотировавшегося в президенты Р.Рейгана, о том, что иранцы выпустят заложников сразу же после избрания Р.Рейгана, чтобы не дать Д.Картеру шанса приписать эту внешнеполитическую победу своей администрации. За это США обещали возобновить поставки оружия в Иран через Израиль.

Ситуация стала меняться после того, как в Израиле появились сведения о том, что правительство ИРИ приняло решение начать исследования в области производства оружия массового уничтожения, включая атомное оружие. По мнению израильских экспертов, «импульсом для такого решения послужило применение Ираком химического оружия против иранской армии, приведшее к многочисленным человеческим жертвам, а в последующем использование Ираком ракетного оружия для нанесения ударов по иранской столице»⁵. В то же время признавалось, что иранский «атомный проект» направлен как на отражение внешней угрозы и упрочение ИРИ в качестве региональной державы, так и на сплочивание разделенного иранского общества вокруг единой национальной задачи, значимость и необходимость выполнения которой признается большинством иранцев, вне зависимости от их идеологических и политических убеждений.

После смерти Р.Хомейни антиизраильская риторика в Иране не прекратилась. Причем в ней все явственней стал просматриваться ядерный компонент. После разрушения Израилем иракского ядерного реактора и вынесения на повестку дня вопроса об атомной угрозе в регионе Ближнего Востока, Иран начал постоянно призывать мировое сообщество к осуждению Израиля, как государства, отказывающегося подписаться под Договором о нераспространении ядерного оружия и не скрывающего, что такое оружие у него имеется. В то же время все более часто стали раздаваться высказывания иранской стороны о том, что если соседи Ирана не откликнутся на предложение о создании безъядерной зоны, то ИРИ вынуждена будет сама побеспокоиться об обеспечении своей безопасности. Причем тогдашний президент ИРИ А.Хашеми-Рафсанджани однажды заявил, что для Израиля Ирану понадобится всего лишь одна бомба⁶.

Израиль не остался в долгу и предпринял против Ирана ответную кампанию, заявляя, что ИРИ стоит на пороге создания атомной бомбы, и что это неизбежно приведет к ядерному кризису в регионе и в мире в целом. Причем, как сегодня стало известно, израильские спецслужбы, на основе

данных которых и делались соответствующие заявления, явно завышали иранские возможности или специально их искажали. Так, в начале 1990-х годов, по данным израильской разведки, ИРИ должна была приблизиться к созданию первой атомной бомбы не позднее, чем через 3–5 лет. Сроки эти давно прошли, и сегодня уже американские разведслужбы выступили с осторожным прогнозом, что такая бомба может быть создана в Иране через 10–15 лет.⁷

Как бы то ни было, израильская позиция была поддержана США, и вскоре Ираном самым серьезным образом занялось Международное Агентство по атомной энергии, которое настояло на принятии Ираном Дополнительного протокола к ДНЯО, позволяющего ей осуществлять несанкционированные проверки любых объектов на территории ИРИ на предмет их соответствия Договору о нераспространении. При этом в обсуждение ядерной проблемы Ирана были втянуты все великие державы. С осуждением Ирана за его ядерные приготовления высказались многие общественные и политические деятели. Надо сказать, что этот раунд дипломатической борьбы выиграл Израиль, так как в условиях беспрецедентного международного прессинга на ядерную программу Ирана, с повестки дня ушел вопрос об угрозе существования израильских ядерных арсеналов. В течение восьми лет, то есть в период нахождения у власти президента Хатами, Иран предпринимал значительные усилия, направленные на то, чтобы мировое сообщество в лице МАГАТЭ перестало дискриминировать Иран и признало его право на проведение ядерных исследований в рамках ДНЯО, указывая при этом, что в соответствии с данным договором ИРИ имеет право на осуществление полного ядерного цикла, включая обогащение урана. Однако со временем стало ясно, что чем упорнее Иран доказывал свою правоту, тем непримиримее становилась позиция Запада, которую полностью разделял Израиль.

Следует отметить, что сам Хатами неоднократно демонстрировал желание поддерживать диалог с Израилем, причем наиболее отчетливо это проявилось в последние годы его восьмилетнего правления. Например, многие международные обозреватели отметили, что в январе 2004 г. иранский президент встретился с израильским корреспондентом и ответил на его вопросы, касающиеся, прежде всего, тех условий, на которых Иран готов бы был признать государство Израиль. Мировая пресса также засвидетельствовала тот факт, что в январе 2005 г. на церемонии похорон Папы Иоанна Павла II сидящие рядом президент ИРИ Хатами и его израильский коллега М.Кацав, обменялись репликами, а затем пожали друг другу руки, что впоследствии подтвердил израильский президент, но отрицал президент иранский. Западные обозреватели свидетельствовали, что в период правления Хатами стороны предпринимал и другие официальные шаги, направленные на сближение двух стран. Так, мимо внимания обозревате-

лей не прошло сообщение о том, что Израиль предложил Ирану выплатить 650 млн. долл. в счет своего долга за поставки иранской нефти в предшествующие годы.⁸ Однако возможный диалог так и не состоялся, прежде всего, как считают некоторые западные аналитики по причине отрицательного отношения США, которые, по-прежнему требовали от Ирана полностью свернуть его ядерную программу, и призывали своих союзников в этом вопросе занимать самую жесткую позицию.⁹ К концу правления Хатами в западной прессе стали появляться сообщения о том, что против Ирана, а точнее его ядерных объектов готовится нанесение превентивных ударов. Например, в ноябре 2003 г. британская «Scotsman» опубликовала статью, в которой утверждалось, что Израиль готов осуществить против Ирана одностороннюю военную акцию, если международное сообщество окажется не в силах предотвратить дальнейшую разработку Ираном ядерного оружия.¹⁰ Аналогичные высказывания в это время часто раздавались и в самом Израиле. Так, в одном из своих выступлений бывший премьер-министр Израиля Ариэль Шарон заявил, что Израиль никогда не согласится с существованием «ядерного Ирана». « У нас есть возможности справиться с этим, и мы делаем все необходимые приготовления, чтобы быть готовым решить эту проблему, — заявил он». ¹¹ Поэтому, начиная с 2005 г. Иран резко ужесточил свою позицию и вновь привлек внимание мирового сообщества к Израилю как к обладателю реального ядерного оружия. Новый поворот в политике ИРИ произошел после победы исламских радикалов на парламентских выборах 2004 г. и прихода к власти их ставленника М.Ахмадинежада на пост президента страны в 2005 г. Одновременно и с парламентской трибуны и из уст нового иранского президента последовали резкие заявления о том, что Иран никому не позволит ущемлять свой суверенитет и вмешиваться в его внутренние дела. В контексте данных заявлений прозвучали и высказывания М.Ахмадинежада о том, что Израиль должен быть «стерт с политической карты мира», что мусульмане не должны отвечать за уничтожение евреев в Европе в годы II мировой войны и расплачиваться своими территориями за так называемый «Холокост», который, по его мнению, является проблемой во многом надуманной и специально раздувается сионистскими средствами массовой информации. 8 декабря 2005 г. во время саммита лидеров исламских государств в Мекке М.Ахмадинежад в своем интервью персоязычному арабскому телеканалу «Al-Alam» заявил следующее: «Некоторые европейские страны настаивают на том, что в время Второй мировой войны Гитлер уничтожил в концентрационных лагерях миллионы евреев. Тех историков, комментаторов и ученых, которые в этом сомневаются, преследуют и сажают в тюрьмы. Мы также не согласны с этим, но даже если бы мы и приняли это за правду, то и тогда именно европейцы, если они хотят быть принципиальными, должны предоставить сионистам несколько своих провинций в Европе, например, в Германии, Австрии или

других странах, и пусть сионисты создают свое государство в Европе. То есть, они отдадут часть Европы, а мы всячески готовы им в этом помочь».

Лидеры практически всех европейских и многих других стран признали тон высказываний иранского президента недопустимым и осудили его за угрозы в адрес суверенного государства. Учитывая единодушное международное осуждение высказываний М.Ахмадинежада, иранский МИД в последующем дал им свою интерпретацию, разъяснив, что речь идет не о силовом устранении израильского государства, а о создании единого палестинско-еврейского государства, в котором палестинцы, составляющие большинство, придут к власти парламентским путем и изменят сионистскую сущность этого государственного образования. Как бы там ни было, но задача, поставленная новым иранским руководством, была решена — мир снова заговорил об Израиле, в том числе и ядерной угрозе, которую может представлять эта страна. Антиизраильские заявления иранского президента совпали с внутриизраильским кризисом, вызванным закрытием еврейских поселений на палестинских территориях, уходом с политической арены премьер-министра Шарона, победой партии Хамас на выборах в Палестине, а также с мусульманскими выступлениями по всему миру, связанными с публикациями в ряде западных изданий карикатур на пророка Мухаммеда, во время которых Израиль получил свою долю критики и ненависти со стороны многих мусульманских стран, включая Иран.

Послеуказанных событий Израилю пришлось вновь корректировать свою политику по очередному переводу стрелок на иранскую сторону. Так, израильская сторона постоянно заявляет, что антиизраильская позиция Ирана исторически совершенно не оправданна, поскольку никогда ни один иранец не был убит Израилем. В то же время подчеркивается, что в Израиле сегодня проживает достаточно много иранцев, которые вынуждены были покинуть свою родину и теперь, находясь в изгнании, осуждают политику исламского руководства в своей стране. Что касается израильского ядерного потенциала, то израильская сторона дает довольно неубедительное объяснение этому факту, заявляя, что в отличие от Ирана израильские ядерные возможности служат делу укрепления регионального престижа этой страны и ни для кого не представляют реальной угрозы.

Как это выглядит не парадоксально, резкое усиление антиизраильской риторики в Иране привело в самом Израиле к ослаблению позиций тех, кто в свое время призывал немедленно наказать фундаменталистский режим «шиитских мулл», вознамерившихся получить атомную бомбу. В этой связи интересно мнение бывшего председателя Консультативного совета национальной безопасности Израиля генерал-майора Узи Дайана, который считает, что Иран хорошо понимает, что если Вы не являетесь членом ядерного клуба, то Вас будут игнорировать. Надо предотвратить получение Ираном ядерных возможностей, включая

ядерное оснащение ракет «земля-земля», поскольку Иран видит в Израиле врага (чего нет со стороны самого Израиля). Ядерный Иран станет угрозой стабилизации положения в Ираке. В регионе может сработать «эффект домино», когда к Ирану начнут присоединяться другие страны. Тем не менее, сейчас надо подождать результатов европейской дипломатии. При этом только США будут в состоянии решить этот вопрос, поскольку только они могут наиболее эффективно использовать здесь политику «кнута и пряника». И если политика санкций провалится, то только сила может оказаться методом устрашения Ирана.¹²

То есть, очевидно, что, в сложившихся обстоятельствах, высокопоставленный израильский генерал не рассматривает возможность применения Израилем силы против Ирана, а уповает на американское вмешательство. Это явно другой подход по сравнению с тем, который в свое время проявлял Израиль в отношении Ирака и его ядерных программ.

В то же время в США, судя по всему, также намечается отход от военного способа решения «иранской проблемы». При этом на верхушке американского политического истеблишмента все еще раздаются воинственные призывы, а вот позиция американских СМИ и реакция ученых кругов свидетельствуют о понимании невозможности успешной военной интервенции в Иране и желании использовать имеющиеся политические методы урегулирования ситуации вокруг этой страны. В качестве примера такой позиции можно привести высказывания американских участников состоявшейся в мае 2005 г. в Иерусалиме международной конференции по проблемам «Ядерного Ирана». Например, по мнению М. Рубина, редактора американского журнала *Middle East Quarterly*, сегодня в США рассматривается множество сценариев развития ситуации в Иране, но не один из них открыто не призывает к американскому вторжению в эту страну. При этом президент Буш серьезно относится к возможности демократизации в Иране, хотя и разочарован ходом иранских реформ и итогами студенческих выступлений в этой стране. В то же время, он считает, что дипломатические переговоры будут идти успешней, если переговорщики будут осознавать, что в случае их неудачи может произойти нечто худшее. Его коллега, профессор Антони Кордесман из Вашингтонского центра стратегических и международных исследований, подчеркнул, что США активно поддерживают дипломатические усилия евротройки и в случае ее успеха готовы положительно решить вопрос о присоединении Ирана к Всемирной торговой организации. В противном случае, США совместно с Англией, Германией и Францией готовы вынести иранский вопрос на обсуждение в Совете Безопасности ООН. Но при этом, как подчеркнул А. Кордесман, по заявлению госсекретаря США К. Райс, атака на Иран вообще не стоит на повестке дня.¹³ Аналогичные мнения сегодня легко можно обнаружить во многих американских изданиях, и хотя не они определяют курс американ-

ской политики, все-таки очевидно, что в последнее время на Западе, да и в самом Израиле раздается все больше голосов в пользу того, чтобы более взвешенно относиться к ядерной проблеме Ирана, в том числе, рассматривая ее в комплексе с вопросами обеспечения безопасности этой страны. Известно, что именно такую позицию занимает и Россия, руководство которой неоднократно заявляло о неприемлемости силового решения иранского вопроса.

В то же время следует понимать, что «ядерная проблема» и для Ирана, и для Израиля это скорее повод для решения других, и не исключено, куда более важных задач, связанных с обеспечением национальной безопасности этих стран. Так, последняя ливанская война, в которой Израиль не выполнил ни одной из поставленных перед собой задач и в то же время допустил массированный обстрел и уничтожение объектов на своей территории, показала, что военизированная организация «Хезболла», поддерживаемая Ираном, оказалась в состоянии обычными военными средствами противостоять массированному удару со стороны Израиля. В этой связи можно предположить, что осторожные прогнозы специалистов из третьих стран о том, что иранская атомная бомба это миф, который сознательно раздувается заинтересованными сторонами, могут оказаться единственно правильными. В этой связи Израилю и его западным союзникам, видимо, следует с большим вниманием относиться к заверениям Ирана об исключительно мирном использовании атома в этой стране под полным контролем МАГАТЭ. Известно, что лидеры ИРИ неоднократно заявляли о принципиальном нежелании Ирана владеть ядерным оружием, а иранский парламент даже принял специальное решение о запрете его производства в своей стране.

Если это так, то Израилю реалистичнее отказаться от попыток любой ценой найти в Иране не существующие, судя по всему, следы производства ядерного оружия, а вместо этого содействовать мирному развитию иранского атома в рамках ДНЯО и под контролем компетентных международных органов. После этого можно будет ставить вопрос об урегулировании ирано-израильских отношений, а гипотетическая иранская атомная бомба и вполне реальные израильские ядерные арсеналы могут стать предметом двусторонних или многосторонних договоренностей о ненападении и отказе от взаимной ядерной угрозы в регионе. Однако при этом надо понимать, что Иран в принципе не может пойти на какие-либо формальные переговоры с Израилем до успешного решения палестинской проблемы.

¹ Haaretz, 19 March 1999.

² Journal of South Asian and Middle Eastern Studies, 27/4, Summer 2004, p.5.

³ См.напр. «Many Jews Choose to Stay in Iran», Associated Press, January 18, 1998.

⁴ Jerusalem Post, January 16, 2002, Washington Jewish Week, October 31, 2002.

⁵ «Summery of the Presentations during the seminar on “A Nuclear Iran”, Jerusalem, May-June, 2, 2005. The James Shasha Institute for International Seminars of the Hebrew University of Jerusalem», p. 3

⁶ Ibid., p.4.

⁷ Ibid.

⁸ <http://www.radioislam.org/islam/english/debate/iran1.htm>

⁹ См. напр. Gareth Porter “Iran offered “to make peace with Israel”, Asia Times, May 2006.

¹⁰ Scotsman, 23.11.2003.

¹¹ The Sunday Times, 11.12.2005;

¹² “Summery of the Presentations ...”, p.6.

¹³ Ibid., p.5

2. Влияние ситуации в Ираке на американо-иранские отношения

И.Е. Федорова

В последние годы все большее влияние на американо-иранские отношения оказывают трудности, с которыми Соединенные Штаты столкнулись в Ираке. Неспособность американского руководства стабилизировать обстановку в этой стране и необходимость вывода в сколько-нибудь обозримом будущем коалиционных войск обуславливают поиски на Ближнем и Среднем Востоке сил, которые могут способствовать урегулированию иракского кризиса. В первую очередь, в этой связи, в центре внимания американской внешней политики оказывается Исламская республика Иран — самая большая страна региона, находящаяся в центре ближневосточных проблем. Сложно представить, что узел существующих вопросов можно распутать без участия ИРИ, региональное влияние которой увеличивается по мере укрепления его экономического и политического положения.

Иран, в свою очередь, также заинтересован в стабилизации обстановки в Ираке и сохранении целостности этой страны, дезинтеграция которой может вызвать новый виток напряженности на Ближнем и Среднем Востоке и усилить националистические центробежные силы внутри самого Ирана.

Вышеуказанные факторы определили то, что 28 мая 2007 года впервые более чем за 25 лет, прошедших со времени иранской революции, в Багдаде состоялся первый раунд прямых переговоров между США и ИРИ на уровне послов этих государств в Ираке: Раймана Крокера и Хусейна Каземи Куми. Высказывания ведущих государственных деятелей, как Ирана, так и США о возможности переговоров слышались в обеих странах на протяжении последних двух лет. О предложении начать переговоры и выйти на прямой контакт с Ираном в вопросах безопасности в Ираке еще в ноябре 2005 года рассказал Залмай Халилзад, в то время посол США в Багдаде, в интервью журналу «Ньюсуик». Он утверждал, что получил официальное разрешение от президента Д.Буша на переговоры с иранскими дипломатами по вопросам обеспечения стабильности в Ираке. Примерно в то же время свое одобрение на начало переговоров дал и верховный лидер Ирана Али Хаменеи. Готовность Тегерана вести диалог с США по проблемам Ирака, чтобы оказать поддержку правительству премьера Нури-аль-Малики и установить стабильность и безопасность в стране подтвердил 13 мая 2007 года официальный представитель МИД ИРИ Мохаммад Али Хосейни.

По окончании переговоров главы обеих делегаций заявили, что результаты их были успешными, поскольку стороны смогли найти точки

соприкосновения по интересующим вопросам. Посол ИРИ в Багдаде Хусейн Каземи Куми сообщил, что мнения Тегерана и Вашингтона совпали относительно необходимости оказания поддержки руководству Ирака, сохранения национального единства и суверенитета этой страны, а также передачи всей полноты власти иракскому правительству. Исходя из этого, на встрече было принято решение создать трехсторонний комитет, в который вошли представители Ирана, Ирака и США для работы над вопросами безопасности в Ираке, и достигнута договоренность о проведении следующего раунда переговоров в течение ближайшего месяца. Каземи Куми заверил, что на прошедших консультациях он максимально открыто сформулировал позицию Исламской республики Иран. В частности было заявлено, что, по мере продолжения оккупации Ирака, будут возрастать экономические и политические проблемы в этой стране, что свидетельствует о необходимости замены сил коалиции иракскими войсками. Вместе с тем, он подчеркнул, что иранская сторона готова оказывать содействие Ираку и сотрудничать с ним во всех сферах. Отвечая на вопрос о том, звучали ли на переговорах обвинения США в адрес Ирана, иранский дипломат указал, что иранская сторона дала соответствующий ответ американским дипломатам. Он также подчеркнул, что на встрече не поднимался вопрос о выводе американских войск из Ирака, но не исключил возможности его обсуждения в ходе следующего раунда переговоров. Х. Каземи Куми напомнил, что консультации проходили по инициативе иракских официальных лиц, в частности премьера Ирака Нури-аль-Малики, который после их окончания призвал Тегеран и Вашингтон продолжить начатый диалог. Беспрецедентная встреча прошла в присутствии иракских представителей в резиденции Нури-аль-Малики.¹

На наш взгляд, не следует ни переоценивать, ни недооценивать значение прошедших консультаций. Представляется, что эти переговоры нельзя рассматривать как начало урегулирования отношений между Исламской республикой Иран и Соединенными Штатами Америки. Об этом заявил 13 июня 2007 года министр иностранных дел ИРИ Манучехр Мотаки после встречи в Тегеране с вице-премьером Ирака Бахрамом Салехом. Он подчеркнул, что Иран ни в коем случае не должен превратиться в арену для сведения счетов между какими-либо государствами, и отметил, что, если Нури-аль-Малики и другие иракские официальные лица будут настаивать на продолжении данных переговоров при сохранении их тематики, Иран рассмотрит это в позитивном ключе. Однако, по мнению министра иностранных дел ИРИ, консультации в Багдаде по ситуации в Ираке не имели никакого отношения к обсуждению вопросов двусторонних отношений между Ираном и Америкой и не означали позитивного прорыва в их развитии. Мы можем в этой связи напомнить, что с момента

вторжения американских войск в Афганистан между Ираном и США проходили дипломатические контакты на уровне послов и между двумя сторонами произошло некоторое сближение. Но вскоре после очевидного ослабления напряженности Д.Буш включил Иран в «ось зла» и отношения снова опустились на очень низкий уровень.

О том, что эти переговоры состоялись на фоне сохранения жесткого противостояния обоих государств свидетельствуют и следующие факты. В течение всех консультаций в Персидском заливе проходили крупнейшие маневры военно-морских сил США в регионе с начала войны в Ираке в 2003 году. Сразу девять кораблей ВМС США, включая два атомных авианосца, вошли в Персидский залив, демонстрируя военную мощь США. А общая численность военнослужащих на кораблях достигла 17 000 человек. Кроме того, незадолго до их начала МАГАТЭ представила в Совет Безопасности ООН доклад о ядерном досье Ирана, в котором указывалось, что Иран не только не выполнил требования международного сообщества о приостановлении своей ядерной программы, но и значительно расширил деятельность в этой области, препятствуя проведению инспекций экспертами МАГАТЭ на ядерных объектах страны.

В свою очередь, спецслужбы Исламской республики Иран сообщили об успешном разоблачении нескольких шпионских сетей, которые сотрудничали с иностранной разведкой. А МИД ИРИ выразил официальный протест в связи с диверсионной деятельностью спецслужб США на иранской территории. Соответствующее заявление сделал Ахмад Собхани, руководитель департамента стран Америки МИД ИРИ на встрече с послом Швейцарии — государством, представляющим интересы США в Тегеране. Он подчеркнул, что шпионская деятельность американских властей на иранской территории противоречит международным обязательствам Вашингтона и положениям Алжирского соглашения 1980 года, согласно которому США и Иран приняли на себя обязательство воздерживаться от прямого или косвенного вмешательства во внутренние дела друг друга. Министерство информации ИРИ сообщило, что иранской контрразведке удалось обнаружить, разоблачить и нанести удар по нескольким шпионским сетям члены, которых находились под влиянием США. В последние несколько месяцев власти ИРИ задержали не менее четырех граждан, имеющих двойное гражданство Ирана и США. Двоим из них — сотруднице вашингтонского исследовательского Центра имени Вудро Вильсона и консультанту основанного Дж.Соросом Института «Открытое общество» — предъявлены обвинения в шпионаже. Ранее иранские представители заявляли, что располагают документальными свидетельствами того, что группировка «Воины Аллаха», которая взяла на себя ответственность за кровавый теракт на юге Ирана в феврале 2007 года, была связана со спецслужбами США и Великобритании.

Таким образом, не свидетельствуя об улучшении отношений между США и ИРИ, переговоры в Багдаде показали готовность обеих стран вести диалог не только при помощи угроз, но и используя цивилизованные методы, принятые в международном сообществе. Это отчетливо прослеживается в интервью секретаря иранского Совета по определению целесообразности принимаемых решений Мохсена Резаи старшему редактору еженедельника «Ньюсуик» Майклу Хиршу, опубликованному в газете «Вашингтон пост»², в котором он подчеркнул, что отказ Вашингтона от конфронтационного подхода к Тегерану повлечет за собой «фундаментальные изменения в отношениях между ними». По словам Мохсена Резаи, Иран потенциально способен помочь Соединенным Штатам взять под контроль действия вооруженных шиитских формирований в Ираке, помочь в борьбе с вновь поднимающим голову движением «Талибан» в Афганистане и в сдерживании действий группировки «Хезболлах» в Ливане. Однако, как он считает, на данном этапе администрация Д.Буша «застряла на перепутье», выбирая между конфронтацией и конструктивным взаимодействием с Ираном. Он дал понять, что Иран ищет такой путь урегулирования кризиса, который позволит ему сохранить лицо. При этом Резаи подтвердил, что Тегеран поддерживает выдвинутую генеральным директором МАГАТЭ идею тайм-аута, который будет использован Ираном для замораживания работ по обогащению урана, а Советом безопасности ООН для приостановки разработки новых санкций.

При этом как Иран, так и США сохраняли свои разногласия по основным вопросам, вызывающим раздражение обеих стран. По-прежнему наблюдается жесткое противостояние между США и ИРИ в вопросах о ядерной программе Ирана, целью которой является сделать Иран независимым от поставок ядерного топлива из-за рубежа. Тегеран неоднократно давал понять, что не намерен ни с кем обсуждать свои «неотъемлемые права в ядерной сфере», под которыми он подразумевает деятельность по обогащению урана на своей территории. По мнению руководства ИРИ, уже прошло время для обсуждения введения моратория на работы по обогащению урана, а дальнейшие переговоры могут концентрироваться только на гарантиях отсутствия отклонения иранской ядерной программы от мирной направленности. Причем в последнее время, когда стало известно о значительных успехах иранских ученых в области установки и запуска в эксплуатацию газовых центрифуг в центре по обогащению урана в Натанзе, заявления о намерении Ирана полностью использовать ядерный топливный цикл стали звучать все чаще. В этой связи, чем более жесткой является позиция международного сообщества, тем более демонстративным становится отказ Тегерана от принятия условий, выдвигаемых Советом безопасности ООН и МАГАТЭ. Так в ответ на принятую 24 марта Советом безопасности резолюцию 1747,

которая ввела новые санкции в отношении Тегерана и потребовала от него прекратить работы по обогащению урана, Иран частично приостановил сотрудничество с МАГАТЭ до возвращения его ядерного досье из ООН в МАГАТЭ. В частности, Организация по атомной энергии Ирана приостановила действие положений 1 и 3 Дополнительного соглашения о гарантиях с МАГАТЭ. Данные пункты обязывали Исламскую республику Иран предоставлять агентству детальную информацию о создании новых ядерных центров и планах реализации атомной программы до принятия соответствующих решений. При этом, как убеждены в Тегеране, ДНЯО требует от государства-участника сообщать о новом ядерном объекте лишь за шесть месяцев до введения его в эксплуатацию.

Представители американских правящих кругов неоднократно заявляли, что рассматривают все варианты противодействия иранской национальной ядерной программе, которая, как они опасаются, может привести к нарушению режима нераспространения. Весной 2007 года в Палате представителей Конгресса США рассматривалась законодательная мера, запрещающая выделение бюджетных средств на возможную военную операцию против Ирана без согласия Конгресса. Решение отклонить этот законопроект было обусловлено жесткими заявлениями иранского руководства, которое вопреки требованиям мирового сообщества, по-прежнему отказывается ввести мораторий на деятельность по обогащению урана.

В ответ на угрозы со стороны США министр иностранных дел Исламской республики Иран Манучехр Мотаки в интервью иранскому арабоязычному каналу «Аль-Алям» 19 июня 2007 года заявил, что Иран исключает возможность нападения со стороны США, но должен быть готов к нему. При этом представитель Ирана в ОПЕК Хосейн Каземи Ардебели в интервью газете «Шарк» 20 июня 2007 года³ не исключил возможность использовать нефть как оружие в ответ на возможную военную акцию США. Он отметил, что в ситуации, когда американские государственные деятели заявляют, что военное решение иранской ядерной проблемы не снято с повестки дня, Иран, в свою очередь, не отказывается от возможного использования нефти, как инструмента политического давления.

9 июня 2007 года США ввели новые санкции против 4 иранских компаний, подозреваемых в создании технологий массового уничтожения. В случае обнаружения в США активов этих компаний, они должны быть заморожены, а американским гражданам запрещается поддерживать с ними деловые отношения. Под действие санкций попадают «Парс Тараш», «Фараянд Текник», «Фаджр Индастриз групп» и «Мизан Машин маньюфэкчуринг групп». Как указывается в заявлении Министерства финансов США, все четыре компании находятся либо в собственности, либо контролируются теми иранскими фирмами, которые уже состоят в

«черном списке» США. Ранее в этом году США уже наложили санкции на три иранские компании: «Келайе электрик ко», «Кавошиар ко» и «Пайонир энержи индастриз ко», которые подозревались в участии в ядерной программе Тегерана. Карательные меры также были введены против иранского государственного банка «Сепах».

Помимо этого, США продолжают оказывать финансовую поддержку иранским группировкам, придерживающимся прозападной ориентации. Так, по сообщениям арабских дипломатических источников, американские власти передают через иракских курдов денежные средства и оружие проамерикански настроенным курдским сепаратистским группировкам на территории Ирана. По сообщению тех же источников, уже более 500 иранских курдов прошли тренировку в военных лагерях в Ираке и, пересекая границу Ирана с Ираком в обоих направлениях, проводят военные акции против иранских правительственных войск на территории трех приграничных провинций.⁴

В заключении представляется возможным привести слова Малькольма Рифкинда, бывшего министра иностранных дел и бывшего министра обороны Великобритании: «Иран сейчас стал более могущественным, чем когда-либо раньше. Немногие сомневаются в его способности реализовать свои ядерные амбиции. Он уже является ведущей державой в Персидском заливе, а, обладая ядерным оружием, он сможет доминировать на мусульманском Среднем Востоке».⁵ Представляется, что руководство Соединенных Штатов Америки, несмотря на достаточно резкие заявления, хорошо понимает отрицательные последствия любых силовых акций в отношении Ирана и будет стараться вовлечь его в орбиту своей политики, используя точки соприкосновения интересов в регионе Среднего Востока, одной из которых является Ирак.

¹ Джомхурийе Ислами 29.05.2007

² Вашингтон Пост 02.06.2007

³ Шарк 20.06.2007

⁴ <http://home.cogeco.ca/Kobserver> 24-4-5

⁵ International Herald Tribune March 7 2007. Malcolm Rifkind Try Talk. You can use stick later.

3. Отношения Ирана с Европой как фактор укрепления региональных позиций

П.С. Большакова

Иран находится на стыке нескольких азиатских государств — Афганистана, Индии, Турции, стран арабского Востока, а Персидский залив, омывающий всю его южную часть, имеет огромное торговое, политическое и стратегическое значение. Недра Ирана богаты полезными ископаемыми, а многочисленное население представляет собой потенциально емкий рынок сбыта. Поэтому Иран всегда был и остается объектом внешней политики европейских государств.

Иран представлял собой очень удобный объект для закабаления европейскими державами. Начав свое проникновение в эту страну еще с 16 века, на грани двух веков — 18 и 19 — они развернули активную деятельность по экономическому закабалению этой страны. Не последнюю роль при этом как средство достижения поставленной цели играли политические усилия и прямое развязывание войн. Особенно сильный импульс данному процессу дали поражения Ирана в двух русско-иранских войнах (1804—1813 и 1826—1828 гг.) и захват англичанами острова Харк (1837 г.) в связи с Гератским кризисом. Именно в результате указанных событий Россией и Англией были заключены договоры, приведшие к установлению режима капитуляций, и юридически закрепившие его неравноправие в отношениях с европейскими державами.

С конца 18 века Ближний и Средний Восток приобретает особый вес в международной политике. Государства этого региона начинают рассматриваться как возможные союзники и противники в дипломатической и военной борьбе европейских держав; их территории притягивают к себе европейские страны, ищущие новые рынки сбыта для все возрастающих масс промышленных товаров, производившихся в Англии, Франции, Пруссии, Австрии и других странах. Выгодное географическое положение Ирана на подступах к Индии, Средней Азии и Кавказу определяло его место в острой политической борьбе европейских держав за влияние и господство в этом регионе.

Отношения Ирана со странами Европы имели не всегда однородный характер. С какими-то странами Европы у Ирана имелись или имеются не очень тесные взаимоотношения, какие-то страны Европы играли в свое время существенное значение в определении исторического развития Ирана. В Сефевидский период Португалия, Голландия, Англия и Франция имели наибольший вес в Иране, но Иран поддерживал взаимоотношения и с другими европейскими странами в этот период. Во времена Каджаров и Пехлеви Англия, Франция, Германия, Голландия и такие небольшие страны,

как Швейцария, Бельгия оказывали существенное влияние на положение дел в Иране.

Можно сказать, что Иран является так называемым индикатором того, какие страны в настоящий момент являются наиболее могущественными и сильными мира сего, т.к. стратегическое и геополитическое расположение Ирана всегда привлекало наиболее сильные страны, которые хотели оказывать существенное влияние в этом важном регионе. Как в Первую, так и во Вторую Мировую войну Иран находился в оккупированном положении со стороны России и Англии, так как являлся ключом ко всему Ближнему и Среднему Востоку, так и сейчас Иран все продолжает являться таким ключом, но уже желанный другими странами, т.е. Америкой, для которой он важен наличием богатых ресурсов и стратегическим положением.

После Исламской революции отношения ИРИ с Западом кардинально изменились. Но уже в 1989 г. после смерти Хомейни и прихода к власти нового президента ИРИ Рафсанджани, провозгласившего «новый политический и экономический курс», в основу которого была положена либерализация внутренней и внешней политики, характер отношений стал меняться. Политика создания свободных экономических зон, привлечения иностранных инвестиций стала основой установления между Европой и ИРИ своеобразного формата отношений, получившего название «критический диалог», в рамках которого ежегодно проводились заседания, где обсуждались вопросы двухсторонних отношений и международные проблемы.

С начала 90-х годов развитие отношений со странами Западной Европы стало одним из приоритетных направлений внешней политики ИРИ.

Наиболее активные и широкие связи установились у ИРИ с ФРГ. Сразу после революции, когда новый режим в Иране заявил о намерении следовать отличным от капитализма и социализма путем, Бонн (тогдашняя столица ФРГ) осудил «революционные» преобразования в Иране, выступив против захвата американских дипломатов в Тегеране. ФРГ под нажимом США поддержал экономическую блокаду против Ирана. В октябре 1982 г., в знак протеста против высылки из ФРГ иранских студентов, ИРИ приняла решение о закрытии в Тегеране «Института имени Гете». Из ИРИ выехало большое число немецких специалистов и советников. Но обе стороны были заинтересованы в продолжении сотрудничества друг с другом, ФРГ по-прежнему закупал у Ирана нефть. Посольство ФРГ в Тегеране функционировало, как и многие другие экономические и торговые представительства.

Война Ирана с Ираком способствовала дальнейшему сближению ИРИ с ФРГ, особенно в торгово-экономическом, финансовом и военном

плане. ФРГ заявило о своем нейтралитете. Согласно данным западной прессы, советники и специалисты из ФРГ стали помогать ИРИ в налаживании ее военной промышленности и ремонте военной техники американского производства.¹

Важным фактором ирано-германских отношений явился визит в ИРИ в июле 1984 г. министра иностранных дел ФРГ Г.Д. Геншера. Этот визит еще больше укрепил связи двух государств, как в области политических, так и торгово-экономических отношений. В конце 1988 г. состоялся второй визит в ИРИ министра иностранных дел ФРГ.

В 1984 г. экспорт ФРГ в ИРИ составил 3 млрд. долл., а импорт — 500 млн. долл. Третье и четвертое место заняла Италия и Англия (экспорт чуть меньше 1 млрд. долл.). Дефицит торгового баланса ИРИ с ФРГ достиг 2,5 млрд. долл. За 1983/84 гг. В 1992 г. товарооборот ИРИ с Германией составил 9.1 млрд. марок. Объем экспорта иранских товаров (кроме нефтепродуктов) в ФРГ составил 1 млрд. марок.²

Но главной статьёй иранского экспорта в ФРГ остается нефти. В 1979-80 гг. Иран поставлял ФРГ нефти на 5–5.5 млн. тонн за каждый год.

Иран закупал у ФРГ танки, военные суда, артиллерийские орудия. Наряду с этим осуществлялось сотрудничество между министерствами внутренних дел двух стран. Существенную роль в развитии ирано-немецкого сотрудничества играла подготовка иранских технических кадров, особенно для нужд промышленности, при помощи немецких специалистов.

В Иране начали работу многие из германских фирм, например, крупный западногерманский фармацевтический концерн «Хехот», фирма «Ф.Крупп», отделения германских банков.

Важной сферой культурного сотрудничества ИРИ с ФРГ оставалось просвещение, где, как и раньше, большое внимание уделялось изучению в Иране немецкого языка и немецкой культуры.

После исламской революции отношения между Францией и ИРИ носили довольно сложный характер: холодный период начала 80-х годов, взлет середины 80-х гг., разрыв отношений в 1987 г. и выход на более-менее нормальные отношения в 90-е гг. После революции во Францию эмигрировали многочисленные сторонники шахской власти, но Франция была в числе первых стран, признавших новый исламский режим в Иране.

В 80-х гг. на отношения с Францией оказало влияние то, что оппозиция исламского режима в лице экс-президента А. Банисадра и поддержавшей его партии «Моджахеддине Хальк» во главе с Раджави создала что-то вроде правительства Ирана в изгнании, что вызвало резкий протест в Тегеране, и тогдашний президент Франции Ф.Миттеран посоветовал послу и сотрудникам посольства покинуть Тегеран, оставив там все дела на попечение дипломата низкого ранга. Хотя это не был разрыв отношений, но они были доведены до низшего уровня.

Франция, как и большинство европейских стран, приняла участие в экономических санкциях против Ирана, в знак протеста против захвата американского посольства в Тегеране, но вышла из них сразу же после освобождения американских заложников. В ноябре 1982 г. в Тегеран вернулся посол Франции, и посольство заработало в полную силу. Отношения двух стран пришли в нормальное состояние. С октября 1982 г. были возобновлены полеты самолетов компании «Эр-Франс» в Тегеран и обратно, возобновилась торговля, технико-экономическое сотрудничество и даже культурные связи.

ИРИ экспортировала во Францию нефть, товары традиционного экспорта, автотранспортные средства, станки, промышленное оборудование, товары двойного назначения для нужд на фронте.

С появлением на политической арене Франции Жака Ширака отношения ИРИ с Францией изменились в лучшую сторону. Ширак добился закрытия во Франции «Моджахеддине хальк», выдворил их лидеров из Франции. Но осложняли отношения поставки вооружения в Ирак, куда перебазировались, как штаб «Моджахеддине хальк», так и военные отряды этой партии.

Иран выставил три главных условия для нормализации отношений с Францией: возврат иранского займа в сумме 1 млрд. долл. (полученного Францией при шахском режиме), запрещение деятельности иранских оппозиционных сил во Франции и, наконец, прекращение военной помощи Ираку. И если первые два условия Париж выполнил или начал выполнять, то относительно третьего условия — о прекращении военной помощи Ираку — Париж заявил, что не может выполнить это условие. Другой период в ирано-французских отношениях — это 1986–89 гг. В эти годы произошел и разрыв, и восстановление отношений (1987 г. и 1988 г.). Франция обвинила ИРИ в сотрудничестве с террористическими организациями Ливана и сотрудника иранского посольства в террористической деятельности во Франции, в результате чего вспыхнула «война посольств» и последовал разрыв отношений в 1987 г. Но вскоре эту проблему смогли разрешить и дипломатические контакты возобновились.

В 1989 г. Франция решила выплатить ИРИ 630 млн. долл. из 1 млрд. иранского кредита, предоставленного еще шахом Ирана, что способствовало развитию и укреплению деловых связей двух стран.

Для Ирана в 1992 г., когда у страны возник большой внешний долг в 9 млрд. долл., было особенно важно, что некоторые страны, в том числе Франция согласились на отсрочку выплат иранского долга на более позднее время, тем самым спасли Иран от международного банкротства.³

Во время визитов в ИРИ генерального директора МИД Франции С.Буадве в 1993 г. было решено, что Иран и Франция впредь будут сотрудничать в районе Персидского залива, а также Средней Азии и

Закавказья, а также будут способствовать установлению постоянных и надежных контактов между ЕС и ОЭС. В 1995 г. французская компания «Тоталь» сменила американскую «Коноко» по разработке нефтяных месторождений в зоне Персидского Залива.

А в сентябре 1997 г. «Тоталь» вместе с «Газпромом» и «Петронас» подписала крупный контракт на освоение и эксплуатацию газового месторождения «Южный Парс», прорвав блокаду США, наложивших согласно закону³ Амато санкции на иностранные компании, принимавшие участие в энергетических проектах Ирана.

Англия после исламской революции и захвата американских дипломатов присоединилась к экономическому эмбарго против Ирана. Но наложила запрет только на те торговые контракты, которые будут заключены после 4 ноября 1979 г., т.е. дня захвата американских заложников. Такая предосторожность привела к тому, что в 1982 г. Англия заняла третье место во внешнеторговом обороте Ирана, а ее торговля с Ираном составила 971 млн. долл. В июле 1981 г. ИРИ закрыла в Тегеране Бюро агентства Рейтер, обвинив его в дезинформации о положении в Иране. В 1993г. Англия приветствовала решение Ирана наладить отношения с западными странами. Лондон разрешил открыть у себя специальный торговый Центр, через который ИРИ стала производить специальные военные закупки в Англии и других странах Запада.⁴

Этап ирано-английских отношений 1984-1988 гг. был тесно связан с событиями и военными действиями в Персидском Заливе, где Англия активно торговала оружием, поставляя его воюющим странам, что едва не привело к разрыву дипломатических связей Лондона и Тегерана. Англия ввела в Персидский залив свои военные суда- с целью недопущения нарушения путей доставки нефти этого региона на международные рынки.

Для торговли Ирана с Англией характерно наличие дефицита. В 1984 г. он вырос до 150 млн. долл., в 1983г. до 736. ИРИ покупала у Англии много оружия и других товаров, а поставки нефти в эту страну были ограниченными.⁵

Так называемая «танкерная война» в Заливе стала в 1987 г. стала еще одним испытанием для англо-иранских отношений. В ходе этой войны Иран потопил английский танкер «Джентл Бриз». Весной 1987 г. в Тегеране был похищен английский дипломат Э.Чаплин. В ответ Англия закрыла Центр по закупке Ираном оружия.

После окончания ирано-иракской войны Англия и Иран стали налаживать дипломатические и прочие связи. Но уже в 1989 г. из-за дела С.Рушди произошел разрыв дипломатических связей. Как известно, С.Рушди написал «Сатанинские стихи», которые имам Хомейни назвал оскорблением Мухаммеда и издал фетву, призывающую казнить

вероотступника. Кроме того, английские власти выслали из страны главу иранского пресс-бюро и представителя телевидения Ирана. В ответ Иран закрыл представительство «Би-би-си» в Иране. Но уже 27 сентября 1990 г. дипломатические отношения Англии с Ираном были восстановлены, стали укрепляться и экономические связи.

В 1990 г. торговый консорциум из французских и английских компаний выиграл торги (стоимостью 290 млн. долл.) на строительство в Араке нефтехимического комплекса, а английская компания «Лукас аэроспейс» заключила контракты на 400 млн.долл. по модернизации транспортных иранских самолетов «Боинг-747» и т.д. В апреле 1991 г. Иран посетила делегация ЕЭС, которая подробно рассмотрела проблемы расширения сотрудничества Ирана с членами ЕЭС.

Правительство Ирана постоянно прилагало усилия для того, чтобы политику «критического диалога», которую объявили по отношению к Ирану европейские страны еще в 1992 г., перевести в фазу конструктивного сотрудничества. Курс президента Хатами, направленный на создание нового политического имиджа ИРИ на международной арене способствовали тому, что страны Евросоюза пересмотрели свою позицию к Тегерану.

Начало этому положил в 1999 г. визит в Италию президента ИРИ Хатами. Это была первая за 20 лет поездка иранского лидера на Запад. Примечательно, что возобновление культурного диалога Востока с Западом президент Хатами начал с посещения Ватикана.⁶ Вслед за эти Хатами посетил Францию, где выступил на заседании ЮНЕСКО, так же встретился с президентом Ж.Шираком. В том же году Хатами с официальным визитом посетил Норвегию. Летом 1999 г. Великобритания и ИРИ восстановили свои дипломатические отношения на уровне послов, после того как Иран дезавуировал фетву в отношении Рушди. В январе 2000 г. Великобританию посетил министр иностранных дел Ирана Камаль Харрази. Во время визита было подписано совместное ирано-британское соглашение по вопросам борьбы с терроризмом и наркобизнесом. В 2000 г. произошел радикальный поворот во взаимоотношениях Ирана и Германии, начало которому положил визит в ИРИ главы внешнеполитического ведомства ФРГ Йошки Фишера. Летом 2000 г. Германию посетил президент ИРИ Хатами, центральной темой переговоров которого с германским руководством было экономическое сотрудничество и ситуация с правами человека в Иране. Также было принято решение актуализировать не действовавший до сих пор договор о культурном обмене между двумя странами. Первые поездки Хатами в ведущие европейские страны подтвердили намерения Ирана восстановить взаимоотношения с Западной Европой.

Процессы сближения Ирана с Западной Европой активизировались после событий в США 11 сентября 2001 г. В европейских столицах с удовлетворением отметили, что Иран выступил с осуждением

террористических актов в американских городах. В сентябре 2001 г. министр иностранных дел Великобритании Джек Стро посетил Иран в ходе поездки по Ближнему Востоку. Это было первое посещение страны высокопоставленным британским политиком после исламской революции 1979 г.⁷

В начале 2002 г. президент Хатами продолжил реализацию проводимого им внешнеполитического курса, направленного на развитие всесторонних взаимоотношений с Европой. В марте 2002 г. состоялись его официальные визиты в Австрию и Грецию. Одной из целей этих визитов было укрепление торгово-экономических связей с этими странами. Иран по-прежнему рассматривается европейскими политиками как важная региональная держава, от которой во многом зависит положение на Ближнем Востоке и в Центральной Азии.

Западноевропейские партнеры закупают в Иране сырую нефть, продукцию химической промышленности, фисташки, природный газ, металлопрокат, сталь, кожсырье, ковры ручной работы. Основу иранского импорта составляют продовольственные товары, промышленное оборудование, транспортные средства. В 2000–2005 гг. почти половина импорта страны приходилась на страны Европы. Германия (10,5% импорта) стала крупнейшим «поставщиком» Ирана, а Италия (6%) вышла на 4-е место.

Иран заключил соглашения с рядом стран-членов ЕС об открытии кредитных линий под иранские экспортные товары: с Италией — на 1,2 млрд. долл., с Испанией — на 600 млн. долл.

В мае 2001 г. Совет Европы утвердил Коммюнике о перспективах и условиях развития более тесных отношений с Ираном. В 2004 г. ЕС и ИРИ приступили к сотрудничеству в области контроля за транспортировкой и распространением наркотиков и к оказанию помощи беженцам, оказавшимся на территории Ирана.⁸

За период 2002–2003 гг. представители ЕС и ИРИ провели ряд встреч, консультаций и переговоров по вопросам упрощения торговых барьеров и инвестиционной политике. В 2003 г. объем торгового товарооборота между Ираном и странами ЕС достиг 16,7 млрд. евро. Импорт Ирана из ЕС составил 8,9 млрд. евро, а иранский экспорт в страны ЕС 9,6 млрд. евро. Отметим, что 70% от общего объема товарооборота ЕС с Ираном приходится на долю Германии, Франции и Италии.⁹

В 2002 г. начался диалог представителей ЕС и ИРИ по правам человека. ЕС подчеркивал необходимость скорейшего реформирования судебной системы ИРИ на основе рекомендаций, сделанных рабочей группой ООН. И в настоящее время руководство Ирана ведет переговоры с международными судебными организациями по поводу своей судебной системы.

С 2005 г. начался новый этап развития взаимоотношений Ирана и Европы, т.к. с этого года политика ИРИ изменилась в связи с приходом нового президента Махмуда Ахмадинежада.

Как отмечает немецкая газета «Шпигель», Исламская Республика, встав на путь конфронтации с Западом по ядерной проблематике, приняла решение о снижении уровня своей экономической зависимости от западных государств.¹⁰

Объём ежегодной торговли между Ираном и Евросоюзом достигает в настоящее время 20 миллиардов евро. Долг Ирана европейским банкам составляет 17 миллиардов долларов, и в Европе не сомневаются, что все выплаты по долгам будут заморожены в случае возникновения серьёзного кризиса вокруг ядерной программы ИРИ.

В настоящее время главным экономическим партнёром Ирана в Европе является Италия. В 2004 году суммарный объём ирано-итальянской торговли составил 4 миллиарда евро. Экспорт из Ирана в Италию — в первую очередь, нефть и газ — составил 2,1 миллиарда евро, а экспорт из Италии в Иран — 1,9 миллиарда евро.¹¹

Вслед за Италией, в числе крупнейших европейских торгово-экономических партнёров Ирана в 2004 году значились Германия (3,8 миллиарда евро), Франция (2,3 миллиарда евро), Голландия (1,7 миллиарда евро), Испания (1,4 миллиарда евро) и Швеция (1,3 миллиарда евро).

Лидирующие позиции по инвестиционной активности в Иране занимают компании Германии, Италии, Франции, Великобритании. Немецкие компании принимают активное участие в особой портовой зоне в Бандар-е Имам Хомейни, а также в расширении портового хозяйства на острове Кешм. Английские компании наиболее активно действуют в энергетике, а также в автомобилестроении. Расширяется присутствие в Иране и французского капитала. Главная сфера его деятельности — энергетические проекты, от разработки газовых и нефтяных месторождений до строительства электростанций и линий электропередач. Итальянские фирмы, помимо энергетики, активно работают в металлургии. Также в последние годы проявляют активность австрийский, швейцарский и шведский капиталы. Несколько европейских компаний в мае 2003 г. выиграли тендер на участие в строительстве крупного цементного завода в Зенджане. Однако основной сферой интересов иностранного капитала продолжают оставаться энергетические проекты.¹²

Так, основным вопросом, осложняющим дальнейшее развитие сотрудничества Ирана с Евросоюзом, является вопрос о его ядерных программах. Перспективы отношений ИРИ с ЕС будут, в первую очередь, зависеть от решения этого вопроса.

Бывший министр иностранных дел Франции Ролан Дюма заявил 5 февраля 2007 года, что создание Ираном атомной бомбы добавит

«балансирующий элемент» на Ближнем Востоке. Дипломат считает, однако, что время для этого пока не пришло, передаёт агентство DPA. «Если, например, Иран получит атомную бомбу, то это станет элементом баланса в регионе. Но это потребует подписания соответствующего соглашения и введения системы контроля. Кроме того, для этого необходимо, чтобы общая атмосфера в регионе изменилась по сравнению с нынешней, полной угроз атмосферой», — сказал Дюма в интервью радиостанции «France Inter».¹³

Европа даже готова на определенных условиях согласиться с ядерной программой Ирана. На взаимоотношения Европы и Ирана не влияют конфликты прошлого. Европа для Ирана остается на сегодняшний момент очень важным стратегическим партнером, т.к. она сможет сыграть существенную роль в балансе отношений Ирана с США. И, если Европа проявит более четкую позицию по отношению к Ирану, не взирая на давление США, это окажет положительное влияние на урегулирование положения на Ближнем Востоке и не даст произойти усугублению конфликта в этом регионе, что в итоге может вылиться еще в более глубокий кризис. И хотя ядерная программа Ирана остается наиболее серьезным вопросом во взаимоотношениях Европы и Ирана, по которому ведутся многочисленные дискуссии, мы можем привести слова последнего иранского шаха, которые как нельзя лучше подходят к сегодняшней ситуации: 11 февраля 1958 г. Мохаммед Реза Пехлеви в беседе с иранскими сенаторами заявил: «Мы надеемся, что наши друзья за границей будут помнить о том, что Иран — это ворота Среднего Востока и что в связи с этим усиление военной мощи Ирана необходимо для сохранения мира в этом районе земного шара».

Иран для Европы — это не только страна с выгодным геополитическим положением, но и страна с богатейшими энергетическими ресурсами, в которых Европа испытывает растущую потребность. Хотя экономические интересы Ирана и его товарные потоки все больше смещаются на Восток (Япония, Китай), Европа остается одним из главных политических и экономических партнеров, отношения с которой влияют на его положение в регионе, особенно в условиях противостояния с США.

¹ Ушаков В.А. Внешняя политика Исламской Республики Иран после революции 1978–1979 гг., М., 1997. С. 310

² Там же. С. 318

³ Там же. С. 345

⁴ Ушаков В.А. Внешняя политика Исламской Республики Иран после революции 1978–1979 гг., М., 1997. С. 354

⁵ Там же. С. 356

⁶ Иран в современном мире. Российский институт стратегических исследований. М., 2003. С. 211

⁷ Там же. С. 215–216

⁸ Иран после парламентских выборов. Сборник статей. Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. М., 2004. С. 44

⁹ Там же. С. 45

¹⁰ www.iranatom.ru

¹¹ Там же.

¹² Н.Ю. Ульченко, Н.М. Мамедова. Особенности экономического развития современных мусульманских стран (на примере Турции и Ирана). М., 2006. С. 220–222

¹³ www.iranatom.ru

Глава 3. Участие Ирана в региональных организациях

1. Иран и ШОС (Шанхайская Организация Сотрудничества)

Н.М. Мамедова

В 2000-е гг. при проведении своей региональной политики Иран старался активизировать свою деятельность в различных региональных организациях — ОИК, ЛАГ, ССАГПЗ, объединениях стран СНГ и других, добиваясь хотя бы статуса наблюдателя.

Именно на этом этапе Иран особое значение в своей региональной политике стал уделять странам ШОС и деятельности этой организации. Иран отчетливо представлял, что и Россия, и особенно Китай, через участие в ШОС решают свои геополитические и геоэкономические задачи, главным образом, связанные с регионом Центральной Азии. Претендуя на роль одного из лидеров в регионе, Иран не мог не рассматривать возможность участия в ШОС для усиления своего влияния в регионе, а также для расширения сотрудничества с Китаем, все более усиливающим свое экономическое присутствие в Иране.

Заявка на принятие была подана правительством Хатами, и в Астане в июле 2005 г. Иран вместе с Индией и Пакистаном был принят в эту Организацию, членами которой являются Россия, Китай, Казахстан, Узбекистан, Киргизия и Таджикистан, в качестве страны-наблюдателя. В связи с этим Реза Ареф, бывший в то время первым вице-президентом, от лица иранского правительства заявил, что «в последние годы одним из приоритетных направлений внешнеполитической деятельности Ирана было взаимодействие на региональном уровне. Особое место в налаживании таких контактов занимает ШОС. Мы пришли к выводу, что членство Ирана в этой организации будет отвечать национальным интересам ИРИ, способствовать укреплению стабильности в регионе»¹. Он также отметил, что ИРИ выражала свою заинтересованность к присоединению к ШОС, начиная с 2004г. На встрече с исполнительным секретарем ШОС Чжаном Дэгуаном, назвавшим Иран «чувствительной страной» с точки зрения его географического положения, Реза Ареф сказал, что Иран рассматривает безопасность региона, особенно Центральной Азии, как свою собственную, и что Иран может стать «мостом дружбы между странами-участницами ШОС, государствами ближневосточного региона и побережья Персидского залива»². Он обратил внимание на необходимость координации деятельности ШОС с Организацией экономического сотрудничества, объединяющей мусульманские государства Среднего Востока и Центральной Азии.³

Необходимо напомнить, что принятие Ирана в члены-наблюдатели ШОС происходило в последний месяц работы правительства Мохаммада Хатами, представлявшего реформаторскую линию в руководстве страной. Принятие важнейших внешнеполитических решений в Иране, к которым, несомненно относится вступление в ШОС, не могло состояться без одобрения высшего лица государства — рахбара Али Хаменеи, поддерживаемого консерваторами, а также Высшего Совета по национальной безопасности, в котором президент является лишь одним из членов. Вопрос о вступлении в ШОС получил одобрение в меджлисе, в котором после выборов 2004 г. преобладают «консерваторы». Выборы президентом консерватора Махмуда Ахмадинежада, который назвал свою победу «новой исламской революцией», и формирование нового правительства, состоящего из сторонников консервативного крыла, не только не изменили отношения Ирана к ШОС, но даже повысили интерес к участию в этой организации. Необходимо отметить, что уникальность внешнеполитической деятельности Ирана в настоящее время (после прихода к власти консерваторов) заключается в том, что все центры выработки и проведения внешнеполитического курса, в отличие от прошлых лет, реально действуют. Заслуживает внимания то, что при общей одинаковой направленности курса нюансы в трактовке и тоне официальных заявлений могут отличаться. Как правило, после жестких заявлений президента следует более «мягкая» трактовка его высказываний со стороны МИД ИРИ, или даже более осторожные заявления рахбара. Аятолла Хаменеи, который в прошлые годы находился как бы вне, или скорее, «в тени» политических баталий, в настоящее время, несмотря на то, что нынешний президент, по существу, является его ставленником, стал не только реальным, но и публичным политиком.

Уже на следующий же день после принятия Ирана в ШОС в качестве страны-наблюдателя вновь избранный президент ИРИ Махмуд Ахмадинежад заявил о том, что «региональный и международный баланс сил изменился в пользу ИРИ»⁴. Новый министр МИД сформированного в августе правительства Манучехр Моттаки (в правительстве М.Хатами был заместителем министра иностранных дел) заявил, что приоритеты внешней политики ИРИ остаются прежними.⁵ Безусловно, что она не перестает быть прагматичной, как при Хатами, но становится менее компромиссной и более жесткой в отстаивании иранских интересов, чтобы «максимально использовать имеющуюся возможность для поднятия национального достоинства Исламской Республики в мире»⁶. Это относится как к внешней политике в целом, так и к региональной политике ИРИ.

Вероятно, не случайно, что именно с этого времени активно стал озвучиваться и американский проект по созданию «Большой Центральной

Азии» без России, Китая и конечно, Ирана, что еще больше усиливает заинтересованность Ирана в работе ШОС.

Что может дать Ирану участие в работе ШОС, как это участие отразится на региональной политике ИРИ? И что получит ШОС от участия в ней Ирана?

Региональная политика любой страны определяется ее национальными интересами. По мнению составителей новой государственной программы «Двадцатилетняя перспектива» Иран «через 20 лет должен занять первое место в регионе по экономическому, научному и культурному развитию. При этом — вдохновителем исламского мира, цивилизационнообразующим государством с революционной и иранской идентичностью». ⁷ Это, конечно, амбициозные цели, но сама постановка цели дает нам основание говорить о том, что Иран реально осознает, что лидером пока он не стал. К числу национальных интересов сейчас причислена и ядерная программа. Но действительно ли это национальные цели? Скорее — это амбициозные цели, которые ставила перед собой и шахская власть.

Представляется, что действительно реальные и крайне важные сегодня для Ирана национальные интересы, это — сохранение целостности государства, сохранение исламской государственности, экономические интересы, в том числе через превращение страны в энергетический и транспортный центр региона и через максимально выгодное решение о правовом статусе Каспийского моря, расширение своего культурного и религиозного влияния.

Но главной задачей является сохранение целостности государства. Угроза этому существует. Иран является не только многонациональным государством, но и страной с «разделенным» населением, что усиливает опасность развития сепаратистских движений, и именно сейчас мы наблюдаем особую активность региональной политики на всех направлениях для их предотвращения. Давление на Иран США в целях приостановки осуществления последним своей ядерной программы может привести не только к изменению режима, но и распаду страны по этническому принципу, т.е. является угрозой не столько режиму, сколько государству. Тегеран жизненно, и как государство, и как режим, заинтересован в предотвращении этнических кризисов, что является основой политического сотрудничества Ирана и России (а отнюдь не антиамериканизм как таковой). ⁸

Иран рассчитывает в решении этой проблемы и на ШОС, члены которой также сталкиваются с подобными угрозами. Это угроза особенно актуальна для тех стран-членов ШОС и стран-наблюдателей ШОС, которые имеют в своем составе этнические анклав, или конфессиональные анклав.

Самой сильной угрозой внешнего характера является стремление США изменить существующий режим в Иране. В настоящее время оно вылилось в почти силовое давление на Иран, чтобы приостановить реализацию им ядерной программы. В решении этой проблемы именно Россия и Китай, являющиеся тяжеловесами ШОС, пока тормозят в Совете Безопасности ООН принятие силовых мер против Ирана. Индия проголосовала за резолюцию МАГАТЕ 24 сентября 2006г. Подтолкнувшее Индию на такой шаг решение США оказать ей помощь в осуществлении ядерной программы обусловлено, как считал З.Бжезинский, в основном стремлением США превратить ее в «бастион» против Китая, а также и против Ирана. Та единственная региональная организация, членом которой является Иран — ОЭС, фактически бездействует и не высказала своего общего мнения, именно как организация, по поводу разрешения конфликта вокруг ядерной программы Ирана.

Через ШОС Иран пытается решать не только внешнеполитические задачи, но и экономические. Главная задача для Ирана — это участие в региональных энергетических проектах, необходимое как для вывода своих газовых ресурсов на мировые рынки, в т.ч. растущие рынки Китая и Индии, так и для ориентации энергетических потоков стран Каспийского региона через Иран. Изыскательские работы на нефть и газ дают положительную перспективу роста запасов, особенно месторождений газа, что и выводит проблему их экспорта на уровень национальных интересов. Заинтересованность Ирана в использовании собственной территории для вывода каспийских энергоресурсов обусловлена стремлением установить контроль за этими потоками, что может обеспечить для Ирана лучшие конкурентные условия. Особенно продуктивным для Ирана является ориентация своих газовых потоков на растущие рынки Индии, Пакистана и Китая. Иран рассчитывает, что вступление в ШОС будет способствовать активизации его сотрудничества в регионе. Именно накануне и после принятия в ШОС в качестве наблюдателей Пакистана и Индии активизировалась деятельность по согласованию проекта строительства газопровода Иран—Пакистан—Индия, который на данном этапе становится более конкурентоспособным, чем лоббируемый Соединенными Штатами газопровод Туркмения—Афганистан—Индия.

Это отвечает и интересам стран ШОС, так как Иран может внести существенный вклад в обеспечение энергетической безопасности стран ШОС. По оценкам «Бритиш петролеум» по запасам нефти (по состоянию на конец 2004 г.) Иран благодаря открытым в последние годы месторождениям переместился с 5-го на 2 место в мире.⁹ Второе место он занимает и по запасам газа. Увеличивается экспорт иранской нефти в Китай, для которого Иран становится одним из основных поставщиков. Интересам

Индии и Пакистана, в т.ч. обеспечению их энергетической безопасности отвечает реализация проектов по строительству газопроводов из Ирана в Пакистан и Индию — либо в виде одной ветки Иран—Пакистан—Индия, либо двух веток — одной в Пакистан, другой — по морскому дну в Индию. Все необходимые соглашения были согласованы и подписаны. Однако принятие в США Акта о поддержке свободы в Иране может затормозить их реализацию.

Для ШОС в целях обеспечения безопасности стран ШОС и для ускорения выхода на рынки как членов ШОС, так и мировые рынки может быть использован транспортный потенциал Ирана. Он имеет наиболее развитую в регионе сеть железных и шоссейных дорог, которая связана с большинством стран-членов ШОС. В последние годы активно ведется модернизация портов, особенно в Персидском заливе. Иран, занимая стратегически важное географическое положение, через Персидский залив имеет выход к мировым рынкам и району нефтегазовых месторождений. Через Каспийское море располагает выходами к странам Центральной Азии, к Закавказью, к России, а через нее — к северной Европе.

В последние годы все большее значение Иран уделяет региональным проектам в странах ЦА. Это — деятельность Ирана по созданию единой железнодорожной сети региона, ее модернизации, строительству современных автодорог, различных терминалов по всему периметру своих границ. Пуск трубопровода «Нека—Тегеран», который может стать частью системы замещения поставок нефти, газопровода из Туркмении в Иран, ввод в эксплуатацию газопровода из Ирана в Турцию, строительство газопровода в Армению, проект газопровода в Пакистан и Индию — меняют энергобаланс региона, усиливает в нем позиции Ирана, а главное, открывают перспективы использования странами ШОС территории Ирана для прокладки и других экспортных нефте- и газо-трубопроводов.

Для ШОС, безусловно, актуальной является реализация проекта ЕС по созданию МТК Европа—Кавказ—Азия «ТРАСЕКА». Но его результативность увеличивается при его комплексном использовании с МТК «Север—Юг» (Хельсинки—Москва—Тегеран—Эр-Рияд). И именно Иран является точкой соприкосновения ТРАСЕКИ с МТК «Север—Юг».¹⁰ Иран присоединился к проекту ТРАСЕКА в 2004г.¹¹ Для стран ШОС с точки зрения транспортных возможностей Иран представляет интерес как страна, через железнодорожную и автодорожную сеть которой многие из стран ШОС получают выход к Персидскому заливу, к основным нефтяным терминалам не только Ирана, но и других стран Персидского залива.

Так как Иран располагает разветвленной сетью трубопроводов, она также представляет интерес как для вывода нефти и газа на рынки стран ШОС, так и мировые рынки.

Необходимо отметить, что Иран, несмотря на приход к власти консервативных сил, продолжает программу приватизации. Программы приватизации, одобренные 4 пятилетним планом развития, предоставляют возможность участия иностранных инвесторов, в том числе членов ШОС, в приватизации компаний, действующих в распределительных сетях. Иностранные инвестиции привлекаются в нефтяную и газовую отрасль.

Стремление Ирана укрепить свои позиции в центральноазиатском регионе, все страны которого, кроме Туркмении, являются членами ШОС, подкрепляется усилением его военного и экономического потенциала. Иран показывает устойчивые темпы прироста ВВП (в 2000–05 гг. — 5,8%)¹², его в последнее десятилетие не сотрясают экономические спады. Регион важен для Ирана, прежде всего, как рынок сбыта. Его торговый баланс со странами ЦА имел на протяжении 90-х — начала 2000-х гг. положительное сальдо, а значительную часть экспорта составляли промышленные товары.

Растет военный потенциал Ирана, который приобрел особую значимость в свете возможного военного сценария решения ядерной программы Ирана, а также учитывая то, что в результате американских операций в Афганистане и Ираке в них значительно возросло иранское влияние. Однако, несмотря на определенные успехи, собственный военно-промышленный комплекс Ирана не способен в полном объеме решить проблему технического перевооружения вооруженных сил. Участие в ШОС может рассматриваться Ираном для решения этой проблемы — как в виде закупок технологий, так и современных видов вооружений. Так в 2004г. был подписан контракт между иранской частной фирмой «Асиа Трейдинг» и китайской компанией «Норинко» на строительство в Ширазе первого в Иране предприятия по производству материнских плат (стоимость контракта 35 млн.долл.). Комплектующие будут закупаться в Китае, продукция завода будет использоваться для создания систем управления и наведения ракет, для производства средств связи.¹³ Согласно одному из последних контрактов Россия поставляет Ирану зенитные комплексы Тор-М1, которые квалифицирует исключительно как оборонительное оружие небольшого радиуса действия (20 км).¹⁴ Особенно остро Иран нуждается в обновлении парка ВВС (около 250 боевых машин, в т.ч. около 40 МиГ-29, более 20 F-14A Tomcat, 60 истребителей F-5E Tiger11, 32 истребителя «Фантом-П», 30 истребителей J-7, являющиеся китайской версией МиГ-21, 30 СУ-24) и ВМС (наиболее боеспособной частью являются подводные силы, в т.ч. три подлодки российского производства, сравнимые по своим характеристикам с израильскими подлодками типа «Дельфин»), что может представить интерес для стран-членов ШОС, экспортирующих военную технику и технологии. (При этом велика емкость иранского рынка в авиатехнике не

только для ВВС, но и для гражданской авиации)¹⁵. Особенно актуальным является оснащение однотипным с российским и казахским вооружением частей армии или КСИР, базирующихся на побережье Каспия в случае их использования в совместном проекте Касфор.

Участие Ирана в политическом сотрудничестве стран ШОС, в свою очередь, может оказаться продуктивным для отношений ШОС с исламским миром, прежде всего через ОИК, а также благодаря связям с исламскими организациями, действующими в разных странах. Как государство, которое прошло свой пик исламского экстремизма (даже несмотря на победу консерваторов) Иран в условиях развития политической ситуации в любой из стран ШОС по исламскому варианту, может оказать влияние на снижение экстремизма в исламском проекте. Достаточно напомнить, что Иран боролся с талибами, поддерживал Россию в ситуации в Чечне. Опыт прошедшего десятилетия достаточно отчетливо показал, что в воздействии Ирана на регион преобладали стабилизирующие ситуацию факторы. Иран способен конструктивно участвовать в урегулировании региональных конфликтов.

В области обеспечения безопасности Иран имеет богатый опыт в борьбе с наркотиками, которые вывозятся из Афганистана. Возможно, что идея создания «Касфор» с привлечением Ирана может явиться альтернативой предложенной и финансируемой США программе «Инициатива по охране Каспия», реализация которой повышает уровень милитаризации каспийского региона.

Конечно, участие Ирана в ШОС может иметь самые разнонаправленные последствия. С одной стороны, как было показано выше, для стран ШОС он представляет интерес точки зрения использования его военно-экономического потенциала, важным является то, что цели его региональной политики по многим параметрам совпадают с задачами ШОС. Необходимо отметить и совпадение тенденций экономического развития. Иран с начала 90-х годов развивает свою экономику на рыночных основах, проводит политику привлечения иностранных инвестиций, что также не противоречит идеи создания общего рынка как в рамках ШОС, так и стран Центральной Азии.

С другой стороны, присутствие Ирана в ШОС, даже в качестве наблюдателя, может усилить антиамериканскую направленность организации, придать элемент конфронтационности в отношениях ШОС как с отдельными странами, так и международными организациями, особенно по мере обострения отношений Ирана с США. Обновленная версия «Стратегии национальной безопасности США», подписанная в марте 2006 г., предусматривает возможность, как и в доктрине превентивного удара 2002 г., нанести для США первыми удары по террористическим группировкам,

получившим доступ к ядерному оружию, или целым государствам. А к числу стран, представляющих угрозу национальной безопасности США, отнесен в том числе и Иран.¹⁶ Говоря о ситуации в регионе, граничащем со странами ШОС, следует отметить, что соседняя с Ираном Турция является членом НАТО, а Азербайджан и Грузия заявляют о своем стремлении вступить в него. Страны ССПЗ, несмотря на то, что Иран сумел наладить с ними в последние годы отношения, не рассматривают Иран в качестве союзника. Следует отметить, что хотя наличие территориальных разногласий Ирана с эмиратами не затрагивает напрямую интересов стран ШОС, и является вялотекущей проблемой, но это одна из проблем, которая возникнет и перед некоторыми странами ШОС в случае напряженной обстановки в Персидском заливе, через который поступает четверть всей нефти на мировой рынок.

Присутствие Ирана в составе ШОС может усилить предпринимаемые США меры по ее развалу. Но и иранское участие, в свою очередь может использоваться странами ШОС в качестве средства давления на США. США отдают себе отчет в том, что, несмотря на противостояние с США, Иран играл (на определенных этапах и может сыграть в будущем) роль, сдерживающую сепаратистские движения в Афганистане и Ираке, которые оказывают дестабилизирующее влияние на весь регион.

Наиболее болезненный вопрос для роли Ирана в ШОС — иранская ядерная программа. Однако это проблема, главным образом, для США (и Израиля), а не для ШОС, в которой и члены и наблюдатели (из наблюдателей только Иран, кстати, как и члены ШОС — участник ДНЯО) почти все являются обладателями ядерных технологий или атомной энергетики. Позиция стран ШОС может оказать влияние и на возможность продолжения ядерной программы. В сделанном в конце октября 2006 г. докладе главы МАГАТЭ указывается, что убедительных свидетельств того, что иранская программа имеет исключительно мирный характер, нет. Впрочем, нет столь же убедительных доказательств и обратного. Ситуация патовая, решение ее во многом будет зависеть от позиции России и Китая.

Иран надеется с помощью участия в ШОС снизить негативное влияние американских санкций, ограничивающих приток иностранных инвестиций в энергетику. 1.10.2006 г. президент США подписал Акт о поддержке свободы в Иране, принятый обеими палатами Конгресса. Это — модификация закона ILSA, больше известного как закон Дамато, который вводил с 1996 г. санкции против Ливии и Ирана сроком на 10 лет. Ливия, которая пошла на сотрудничество с США, была выведена из-под действия закона. Новый закон продлил действие предыдущего еще на пять лет, до декабря 2011 г. В новой интерпретации закона говорится, что Иран из-за отказа прекратить программу обогащения урана, представляет угро-

зу, поэтому все введенные по предыдущему закону санкции сохраняются. По новому закону президенту США разрешается вводить санкции против зарубежных компаний и лиц, которые своими инвестициями вносят вклад в развитие нефтегазового комплекса Ирана. Многие отечественные и даже американские аналитики расценили этот закон как рычаг давления на Россию. Лидер сенатского большинства Билл Фрист заявил, что «появилась замечательная возможность использовать все рычаги давления на Россию, чтобы добиться ее поддержки для многосторонних санкций против Ирана».¹⁷

В свете прогнозируемой неизбежности сохранения в ближайшей и среднесрочной перспективе экономической экспансии Китая в регионе, Иран в своей региональной политике все большее внимание стал уделять китайскому направлению — как через двусторонние связи, так и через ШОС. Для Китая Иран — прежде всего источник энергетического сырья (он занимает второе место после Саудовской Аравии по поставкам нефти в Китай). В конце 2004 г. с Ираном был подписан договор сроком на 25 лет, который предусматривает поставки сжиженного газа с месторождения «Южный Парс». Китай участвует в разработке нефтяного месторождения «Заваре Кашан», ведутся переговоры о участии в разработке месторождений «Южный Парс», «Северный Азадеган» и «Ядавалан». Китайские компании прочно обосновались на иранском рынке. В 2004 г. товарооборот между КНР и ИРИ составил 5,5 млрд.долл., при этом иранский экспорт — 3,2 млрд.долл. Китай получил контракт на строительство алюминиевого завода мощностью 300тыс.тонн, участвует в строительстве медеплавильного завода в остане Керман. В стадии проработки находится проект запуска совместного многоцелевого спутника связи. Проект по достройке железнодорожной ветки Исфаган—Шираз (503 км) стоимостью 600 млн. долл. финансируется Китаем. Укрепление экономических позиций Китая в Иране снижает вероятность поддержки Ираном исламских группировок в Сирии. Иран рассматривает Китай (как и Россию) в качестве фактора, сдерживающего влияние США в регионе, который Китай включает в зону своей ответственности.

Для России, являющейся членом ШОС, после распада СССР Иран стал одним из важнейших политических и экономических партнеров, который строил отношения именно на партнерских условиях, а не требовал льгот, как многие из бывших республик СССР. В марте 2001 года был подписан Договор об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества (вступил в силу 5 апреля 2002 г.), и другие важные документы, предусматривавшие расширение контактов, связей и сотрудничества по многим направлениям. Объем торгового товарооборота Ирана и России в 2005 г. превысил 2 млрд.долл.(без доходов от нефтяных

своп-делок и транзита товаров). Наиболее важные объекты российско-иранского сотрудничества — это ТК «Север—Юг» (Иран, Россия и Индия) для транспортировки грузов из Южной и Юго-Восточной Азии через Оманский и Персидский заливы, Иран, Каспийское море, Россию в североевропейские страны. Перспективным для двух стран является сотрудничество в космической сфере (создание и запуск спутника «Зохре» (Венера), подготовка к запуску еще двух спутников). Хотя и с трудностями, но завершается строительство АЭС в Бушере. Россия, ведущая строительство АЭС в Бушере, оказалась в сложном положении. Россия настаивает на том, чтобы ядерная программа Ирана находилась под контролем МАГАТЕ. Поддерживая Иран в реализации ядерной программы, она неизбежно противопоставляет себя Европе и США. Наиболее оптимальный для России вариант — попытаться вернуть ситуацию в состояние, оговоренное достигнутыми соглашениями и с МАГАТЕ (о контроле за военными объектами) и с Минатомом России (о возврате топлива). Российско-иранское военно-техническое сотрудничество, как и сотрудничество в атомной энергетике, развивается в строгом соответствии с действующими международно-правовыми нормами. Работает Совместная российско-иранская комиссия по ВТС. При этом Россия и Иран неуклонно развивают взаимодействие в сфере контроля за экспортом товаров и технологий двойного применения.

Российские компании (Газпром, Татнефть, Лукойл) расширяют свое присутствие в нефтегазовой промышленности, в энергетике, вместе с иранской стороной участвуя в региональном проекте по строительству Сангтудинской ГЭС в Таджикистане. Иран в целом разделяет политику России в регионе, учитывая ее прагматические интересы, но рассматривает ее не столько в качестве экономического партнера, сколько в качестве противовеса США.

Россия и государства ШОС заинтересованы в том, чтобы не допустить военного вмешательства в Иран. С весьма большой долей вероятности военный вариант развития отношений Ирана и США приведет к развитию национальных сепаратистских движений в регионе. В свою очередь это может оказаться катализатором подобных движений практически во всех странах ШОС, в т.ч. на Северном Кавказе. Поэтому задачей российской дипломатии является сохранение Ирана как единого государства, как выгодного политического и экономического партнера.

Однако, для России Запад и США являются также важными экономическими партнерами, поэтому поддержка Ирана не должна стать препятствием для наращивания отношений с Западом, Россия не должна из-за интересов Ирана лишаться своих собственных. В условиях исламского правления в Иране России удалось найти во взаимоотношениях

с Ираном необходимый баланс, при котором соблюдены политические и экономические интересы России. В случае изменения характера власти в Иране и усиления в нем позиций США, эти интересы могут быть значительно потеснены.

¹ IRNA. 5.07.2005

² IRNA.5.07.2005.

³ IRNA. 6.07.2005.

⁴ IRNA.6. 07. 2005.

⁵ IRNA. 26.08.2005.

⁶ IRNA. 6.07.2005.

⁷ IRNA. 2006

⁸ А.Ю.Умнов. Вызов с Юга. Ислам и национализм на границах России и СНГ. М. 2005. С.38.

⁹ WE Outlook. Aug.2005. P.75. Доля Саудовской Аравии в мировых запасах нефти — 22,1%, Ирана — 11,1%, Ирака — 9,7%, Кувейта — 8,3%, ОАЭ — 8,2%, Венесуэлы — 6,5%, России — 6,0%.

¹⁰ Соглашение о МТК «Север-Юг» было подписано правительствами России, Ирана и Индии 12.09.2000 г. в Санкт-Петербурге. Контейнерные перевозки по этому маршруту сокращаются (по расстоянию) в три раза, а по времени на 40% по сравнению с перевозками через Суэцкий канал.

¹¹ Аму-Дарья. Тегеран. 2005. №18. С.129.

¹² www.worldbank.org. 2006. P.294.

¹³ Ю.Боронец. Основы сотрудничества Ирана и Китая. www.iimes. 2005. 18–05.

¹⁴ www.Iran.Ru. 11.10.2006.

¹⁵ Иранский воздушный флот включает в себя 7 российских самолетов «Ту», 7 американских «Боингов» (производства до 1979 г.), 28 европейских аэробусов, 2 «фоккера» пакистанского производства. В октябре 2006 г. несмотря на санкции США в отношении Ирана, электротехническая американская компания General Electric Co получила разрешение от министерства финансов на поставку в Иран авиаоборудования. По словам представителя Госдепа разрешение было дано из-за того, что «США не станут рисковать жизнью мирных иранцев, и безопасность населения — один из главных приоритетов нашей страны». США таким образом, сохранил свои позиции на иранском рынке. Поставляться будут двигатели (и части к ним) «Боингов, которыми оснащены 6 французских аэробусов (А-310), принадлежащих авиакомпании «Иран Эйр». Французские аэробусы не поставлялись на иранский рынок только из-за запрета поставок продукции «Боинг».

Руководитель Организации гражданской авиации ИРИ А. Резаи выразил надежду, что данное решение станет первым шагом для налаживания полномасштабного сотрудничества по поставкам в Иран частей и оборудования для других классов французских самолетов «Аэробус».

www.Iran.ru. 12.10.2006.

¹⁶ www.Iran.ru. 22.03.2006.

¹⁷ «Коммерсант». 2.10.2006.

2. Иран и ОЭС: взаимодействие или воздействие

Е. В. Дунаева

В современном мире сформировалась сложная система связей и взаимоотношений между государствами, образующими политические и экономические конгломераты на международном, региональном или иных уровнях. Объединения создаются как промышленно развитыми государствами, так и странами, стоящими на более низких ступенях развития, для осуществления определенных целей в мировой и региональной политике. Возникающие межгосударственные образования характеризуются определенным раскладом сил и влияний, которые отражают реальный политический и хозяйственный потенциал входящих в него партнеров, их амбиции и интересы. Немаловажно и то, что в своем большинстве структуры, объединяющие соседние государства, ставят перед собой не только национальные или региональные задачи, но и выражают намерения противостоять миру транснационального капитала. Такая направленность их деятельности представляется естественной, поскольку развивающиеся страны стремятся преодолеть сложившийся статус и выйти на авансцену мировой политики в качестве активных игроков. В этих целях они прилагают активные усилия стать ядром региональной структуры, увлекая партнеров риторикой национального величия, перспективой процветания, религиозной и культурной общностью, борьбой за законные права и пр. Их активность на этом поприще обусловлена тем, что они обладают знанием путей и материальными возможностями, которые можно мобилизовать на реализацию далеко идущих планов, если они возглавят интеграционные процессы в своей зоне и получат своего рода агриман на влияние в ее пределах.

В этом с достаточной четкостью прослеживается намерение поддерживать взаимодействие в регионе, и в рамках этой конкретной региональной структуры, через это взаимодействие оказывать воздействие на различные процессы с тем, чтобы они развивались и направлялись в интересах главным образом государства-лидера.

Видимо, с этой позиции можно всего рассматривать политику Ирана на обширных прилегающих к нему пространствах, многие районы которых в последние десятилетия приобрели большое значение для глобального сообщества.

Активизация иранской внешней политики в последние два года проявляется и в стремлении ИРИ укрепить свои позиции в региональных межгосударственных организациях и стать членом новых объединений. Руководство ИРИ еще в начале 90-х годов увидело во внутрирегиональных структурах возможность создания определенного полюса силы в новой геополитической системе мира и выступило инициатором

формирования регионального союза, намереваясь в будущем превратить его в блок исламских государств. С 1992 г. Организация экономического сотрудничества (ОЭС) включает 10 государств: Иран, Пакистан, Турцию, Афганистан, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан с населением более 300 млн. человек и площадью 7,2 млн. кв. км и по охвату территории и количеству населения является вторым региональным объединением в мире.

В начале 90-х годов, способствуя привлечению в члены уже существующего регионального объединения семи новых государств, Иран стремился приобрести политический капитал, укрепить свой статус на международной арене и выйти из международной изоляции, в которой он находился предыдущее десятилетие. Тегеран рассматривал систему регионального сотрудничества (ОЭС) не только как экономическое объединение, но и как возможный союз исламских государств, противостоящий Западу или прообраз организации, ставящей своей целью обеспечение региональной безопасности. Руководство ИРИ, активизируя свою деятельность в рамках ОЭС, стремилось, таким образом, закрепить свои лидерские позиции в регионе.

За прошедшие 15 лет внешнеполитические приоритеты ИРИ несколько изменились, и Иран перешел от преимущественной ориентации на союз с соседними исламскими государствами к развитию широких связей со всем миром, прежде всего, государствами Запада. Однако расширению региональной интеграции, которая могла бы способствовать вхождению государства в мировой рынок, постоянно уделялось должное внимание. Несомненно, что руководство ИРИ со второй половины 90-х годов отказалось от планов превращения ОЭС в своеобразный полюс силы или содружество исламских государств, но продолжало рассматривать эту организацию как гаранта региональной безопасности.

С приходом в правительство в 2005 г. группировки исламских радикалов во главе с президентом М. Ахмадинежадом развитие отношений с соседними мусульманскими государствами вновь стало приоритетным направлением внешней политики страны, поскольку на повестку дня была поставлена задача усиления роли ИРИ в регионе. Одним из путей достижения этой цели становится активизация деятельности Организации экономического сотрудничества как потенциально весьма влиятельной на Среднем Востоке и в Центральной Азии.

Несмотря на то, что до сих пор ОЭС существует только как сообщество соседних государств и не представляет собой единой системы, внутри которой входящие в нее члены могли бы в полной мере обеспечить потребности друг друга, Иран продолжает оставаться самым активным членом организации, побуждая ее к дальнейшему развитию. Он участвует во всех ее структурах, оказывает постоянную поддержку работе высших органов

ОЭС и выступает с многочисленными инициативами, направленными на совершенствование ее работы. Штаб-квартира организации и Институт культуры ОЭС базируются в Тегеране. Президент страны, выступая на 9-ом саммите ОЭС в Баку в мае 2006 г., высказался за активизацию деятельности организации и призвал ее членов «воспрепятствовать вмешательству третьих сил во внутрорегиональные проблемы, что может привести к усилению нестабильности, закреплению отсталости и разграблению природных богатств региона». Он также подчеркнул необходимость более широкого участия ОЭС в международных делах.¹

За прошедший после расширения организации период была сформирована структура, выработаны приоритетные направления ее деятельности и определена стратегия экономического развития. Несмотря на то, что намеченные экономические проекты достаточно перспективны, их осуществление сталкивается с большими трудностями. Различие в уровнях экономического развития входящих в ОЭС государств, отсутствие достаточных финансовых средств у большинства из них, слабость рыночных механизмов и неразвитость частного сектора в экономической системе ряда стран-членов организации, единообразие экспортно-импортной продукции, излишние бюрократические проволочки, постоянно проводящиеся структурные изменения в аппарате ОЭС тормозят процесс экономической интеграции. Препятствием на пути укрепления экономических связей и регионального единства выступают и различия в политической ориентации государств ОЭС. Генеральный секретарь организации А.Т. Оразбей, выступая на пресс-конференции в январе 2006 г., низкий уровень экономического партнерства объяснил тем, что «государства ОЭС членство в организации увязывают с достижением своих политических целей», и отметил, что «трудно развивать сотрудничество между 10 государствами с различными экономическими системами и находящимися на разных уровнях развития: Турция готовится стать членом ЕС, экономика Афганистана полностью разрушена в ходе 25-летней гражданской войны, а новые независимые государства заняты решением своих внутренних проблем». Однако он подчеркнул, что «несмотря на слабость интеграционных связей, никто из членов не призывает к роспуску организации»².

Все члены ОЭС осознают, что нынешний этап регионального сотрудничества можно охарактеризовать лишь как самый низкий уровень интеграции, но они видят возможности ее развития и продолжают искать пути совершенствования деятельности организации. В условиях процесса глобализации и либерализации торговли организация пытается найти свое достойное место в мировой экономической системе, чтобы противостоять возможным вызовам «посредством укрепления национальных и региональных экономик, повышения уровня духовности,

развития производства культурной продукции и защиты суверенитета и независимости государств»³.

В Душанбинской декларации, принятой на 8 саммите ОЭС в сентябре 2004 г., была провозглашена задача превращения ОЭС в ведущую экономическую организацию региона и подготовки концепции развития ОЭС в XXI в. Такой документ, названный «Взгляд на ОЭС в 2015 г.», определяющий деятельность организации на ближайшие 10 лет, был одобрен на 15-ой сессии Совета министров организации в октябре 2005 г. и утвержден на 9-ом саммите. В новом концептуальном документе подчеркивается, что основная цель деятельности ОЭС в условиях усиления процессов глобализации – углубление внутрирегионального сотрудничества и содействие интеграции стран-членов в мировую экономику, что будет способствовать социально-экономическому развитию региона и росту уровня жизни его населения.

Для достижения этих целей первоочередной задачей было названо создание зоны свободной торговли в регионе стран ОЭС к 2015 г. путем постепенного снятия торговых барьеров, отмены некоторых видов тарифов и нетарифных ограничений, что даст возможность поднять уровень внутрирегиональной торговли с 6% до 20%.⁴ Нужно отметить, что еще в 2000 г. министры торговли некоторых стран ОЭС подписали Соглашение по торговому сотрудничеству (ЕСОТА), направленное на последовательное снижение экспортных и импортных тарифов в регионе. Среди них – Иран, Турция, Пакистан, Таджикистан, Узбекистан. Другие государства пока не спешат примкнуть к этому проекту, что создает серьезные препятствия на пути упрощения внутрирегиональной торговли. ОЭС планирует создать на первом этапе зону свободной торговли на территории пяти государств, с тем, чтобы к ней постепенно смогли присоединиться и другие.

На сегодня остаются нератифицированными такие важные документы, как уже согласованные Рамочное соглашение по транзиту и торговле и Соглашение об упрощении визового режима для предпринимателей стран-членов ОЭС. Департамент по торговле ОЭС предпринимает меры по привлечению всех членов к подписанным соглашениям по торговому сотрудничеству, налаживанию взаимодействия между таможенными органами, принятию мер по защите инвестиций, созданию информационного банка данных по торговым операциям и инвестиционным проектам. В сентябре 2006 г. в Тегеране прошла Первая встреча экспертов по упрощению визового режима для бизнесменов стран ОЭС, в ходе которой разрабатывался План действий по унификации визовых сборов, разработке единой визовой анкеты и предоставлению возможности получения визы для бизнесменов в упрощенном порядке сроком на один год. Рассматривался также вопрос об установлении в ближайшее время безвизового режима для дипломатов и владельцев служебных паспортов

и полной отмены визового режима к 2015 г. на всей территории ОЭС. Несмотря на усилия, прилагаемые ОЭС по развитию торговых связей, за прошедшее десятилетие не удалось добиться каких-либо устойчивых сдвигов в этой области. Объем внутрирегиональной торговли в 2003 и в 2004 гг. составлял не более 4–5% всего торгового объема государств-членов. Сохраняется значительный дисбаланс между странами-учредителями ОЭС и новыми членами. Так, в совокупном торговом обороте ОЭС доля Турции и Ирана составляет более 50%.⁵

В торговом обороте ИРИ за 2005 г. доля государств ОЭС без учета нефти и газа составила 13,5 %. Если сравнить эту цифру с данными за 2002 и 2003 гг., когда доля ОЭС не превышала 6–7 %, то можно говорить о наметившейся за два прошедших года тенденции к возрастанию объемов торговли с этой группой стран.⁶ Однако углеводороды занимают большую долю в торговом балансе страны, и с учетом их поставок экспорт из ИРИ в страны ОЭС составляет 22,9% совокупного экспорта страны.

Основным торговым партнером ИРИ по ОЭС выступает Турция. В 2006 г. товарооборот двух стран по сравнению с 2005 г. вырос на 52,5% и составил 6,681 млрд. долл (1,22 млрд. — импорт Ирана и 3,88 млрд. — экспорт). Эта страна занимает 4 место среди торговых партнеров ИРИ, и на ее долю составляет 5,3% всего товарооборота Ирана. Однако 70% иранского экспорта в Турцию приходится на нефть и газ. Основные статьи импорта — текстиль, автозапчасти, химические товары.⁷

Важным торговым партнером ИРИ по ОЭС является Казахстан. За последние годы товарооборот двух стран растет быстрыми темпами. Так, только в 2004 г. произошло его увеличение на 58%. Этот прирост был достигнут за счет увеличения экспорта из Казахстана, в виде металлопродукции и нефти. В 2005 г. товарооборот двух стран превысил 900 млн. долл.⁸

В последние два года активно развивается торговля Ирана с Афганистаном. Доля остальных членов ОЭС в торговом обороте ИРИ незначительна.⁹

Своей стороны, Иран в целях развития торговых связей расширяет рынки приграничной торговли, организует свободные экономические зоны. В планах правительства — создание специальной экономической зоны вокруг порта Бендер Энзели на побережье Каспийского моря для активизации экономических связей со странами региона.

Основными ограничителями дальнейшего расширения торговли в странах ОЭС, по мнению экспертов, можно назвать существование нетарифных барьеров, большие задержки при растаможивании, трудности проведения платежных операций, нестабильность и неконвертируемость некоторых национальных валют, неразвитость банковского обслуживания торговых операций, высокие транспортные издержки, единообразие производимых товаров, слабое развитие транспортной сети¹⁰.

Вторым приоритетным направлением деятельности организации на десятилетие было названо развитие транспортной и коммуникационной инфраструктуры. Задача связать все страны-члены организации между собой и обеспечить странам, не имеющим прямого выхода к морю, выход к свободным морям была поставлена еще в конце 90-х годов, когда и началось осуществление программы развития транспорта в регионе (принята в Ашхабаде в 1998 г.). В планах организации особый акцент был сделан на развитие транспортных коридоров «Восток—Запад» и «Север—Юг», позволяющих связать Центральную Азию и Пакистан с Европой. За прошедший период был конкретизирован список объектов, которые необходимо построить для объединения транспортных сетей региона, завершено строительство некоторых из них. На повестку дня поставлен вопрос налаживания контейнерных и пассажирских перевозок по маршруту Алма-Ата—Стамбул, приведение автодорожной сети в соответствие с международными стандартами, упрощение режимов прохождения пограничного контроля.

Иран проявляет особую заинтересованность в продвижении транспортных проектов, так как видит в их реализации для себя возможность превращения в крупный транспортный узел региона. Он прилагает усилия для активизации строительства международного транспортного коридора «Север—Юг» и привлечения дополнительных грузопотоков к этому коридору, а также проекта транспортного пути из порта Чабахар на Персидском заливе через Афганистан в Центральную Азию. В мае 2005 г. была введена в строй железнодорожная магистраль Бафк—Мешхед — отрезок транспортного коридора «Север—Юг». Ее протяженность составляет около 1 тысячи км, что сокращает путь из Средней Азии до Персидского залива более чем на 800 км и сроки прохождения составов на два дня. Строительство этого участка осуществлялось согласно утвержденным ОЭС программам Декады транспорта и коммуникаций (1998—2007). Представители Ирана также проинформировали секретариат ОЭС о том, что в рамках вышеупомянутой программы началось строительство железной дороги Арак—Керманшах и участка магистрали Керманшах—Хосрови, который свяжет железнодорожные сети Ирана и Ирака.¹¹ В настоящее время внимание руководство ОЭС приковано к проблеме быстрейшего строительства недостающих участков международных транспортных коридоров, и всем государствам рекомендовано включить их создание в свои национальные планы.

Третьим приоритетным направлением сотрудничества в рамках ОЭС была названа энергетика. В документе «Взгляд на ОЭС в 2015 г.» поставлена задача «связать энергосистемы всех стран-членов организации с тем, чтобы, создав единую энергосеть, добиться улучшения показателей в производстве и продаже электроэнергии, развивать сети газо- и

нефтепроводов региона для полного обеспечения его энергетических потребностей и совершенствования связей с международными рынками, активизировать использование новых и возобновляемых энергоресурсов и оптимизировать эффективность производства и использования энергии».¹²

И в этой сфере сотрудничества Иран проявляет особую активность. Осуществление проектов в области транспортировки электроэнергии уже начато между Ираном и Турцией, Ираном и Туркменистаном, Туркменистаном, Таджикистаном и северными районами Афганистана, Ираном и Азербайджаном. Ведутся работы по соединению энергосетей Ирана и Афганистана. В 2006 г. подписано соглашение о намерениях транспортировки 1000 мегаватт электроэнергии из Ирана в Пакистан. Проводятся подготовительные работы по расширению поставок иранской электроэнергии в пограничные районы Афганистана. Между ИРИ и Азербайджаном осуществляется проект обмена электроэнергией: в летнее время Иран импортирует энергию от своего северного соседа, а в зимние месяцы становится ее экспортером. Территория Ирана используется для транзита электроэнергии из Туркменистана в Турцию.¹³ Сегодня энергетика выступает одним из наиболее активных и перспективных направлений сотрудничества государств ОЭС, задействованные схемы сотрудничества включают большинство ее членов.

Иран проявляет большой интерес и к обеспечению транзита углеводородов из Центральной Азии через свою территорию. Несмотря на то, что энергетический фактор в регионе до сих пор в большей степени выступает в качестве деструктивного и попытки государств ОЭС скоординировать свою политику в нефтегазовой области не увенчались успехом, ИРИ стремится расширить сотрудничество в этой области со всеми странами региона как на двусторонней, так и на многосторонней основе. Иранской стороной ведется строительство нефте- и газопроводов, нефтеперерабатывающих заводов, терминалов на побережье Каспийского моря, осуществляются поставки нефти центральноазиатских государств на мировые рынки на условиях замещения через порты Персидского залива. Иран не только поставляет газ в Турцию и Азербайджан (Нахичеванская область), но и обеспечивает транспортные пути для поставок туркменского газа в Турцию, проявляет интерес к сотрудничеству с Узбекистаном в этой области.

Одобренный ОЭС документ предусматривает координацию усилий всех стран региона для стимулирования развития промышленности с тем, чтобы создать стабильный, конкурентноспособный промышленный регион стран ОЭС. Для достижения поставленной цели предусматривается проведение политики привлечения иностранных инвестиций и улучшение инвестиционного климата, расширение процесса приватизации,

продвижение сектора мелких и средних предприятий, развитие технологий. В 2004 г. в Тегеране прошла Первая встреча министров промышленности государств ОЭС, которая образовала экспертную группу для подготовки Долгосрочной стратегии сотрудничества в области промышленности. На Второй встрече, прошедшей в ноябре 2005 г. в Стамбуле, особый акцент был сделан на необходимость проведения политики либерализации, поскольку, как отмечалось, частный сектор призван стать основным инструментом регионального сотрудничества в сфере производства. Рассматривались возможности кооперации в таких областях, как нефтехимия, добыча минерального сырья, текстильная и пищевая промышленность. На встрече был одобрен План действий ОЭС в области приватизации. На встрече министров стран ОЭС, посвященной вопросам приватизации, проходившей в апреле 2007 г., представитель ИРИ внес предложение о создании специального информационного центра в рамках организации по различным проблемам приватизации и обобщению опыта ее проведения среди государств-членов.

Руководство ОЭС осознает, что для активизации внутрирегиональной экономической интеграции и привлечения инвестиций необходимо развивать финансовые институты. Банк торговли и развития ОЭС, решение о создании которого было принято еще в 1993 г., банк начал свою деятельность лишь в конце 2006 г, однако не все государства ОЭС принимают участие в его работе. По словам Генерального секретаря ОЭС, первоначальный капитал составляет 87 млн. долл., который равными частями вносят Иран, Турция и Пакистан»¹⁴. Деятельность банка должна стимулировать участие частного сектора в торговле и инвестиционных проектах. Для обеспечения защиты инвестиций, активизации деятельности иностранных частных компаний на внутренних рынках и движения капиталов ИРИ предлагает подписать соглашение о продвижении и защите инвестиций.

Большое значение придается членами ОЭС обеспечению к 2015 г. продовольственной безопасности региона путем координации усилий в деле увеличения производства продуктов питания, предотвращения потерь на стадиях производства и переработки продовольственных ресурсов, применения новых технологий, более эффективного использования природных ресурсов, в первую очередь, водных источников. Налаживается взаимодействие стран ОЭС в сфере защиты окружающей среды. В 2002 г. был принят План действий на 2003–2004 г., а в 2004 г. подписана Стамбульская декларация о сотрудничестве в области охраны окружающей среды.

Улучшение социальных, образовательных стандартов жизни и здоровья населения, борьба с бедностью и голодом в регионе также названы в числе направлений возможного взаимодействия всех членов организации.

Новый документ ОЭС предусматривает дальнейшую координацию усилий государств-членов ОЭС и их сотрудничество с международными структурами в борьбе с распространением наркотиков, организованной преступностью и терроризмом. Этой сфере придается большое значение, поскольку Афганистан остается одним из основных производителей наркотиков, а регион ОЭС — наиболее активным направлением мирового наркотрафика. По некоторым данным, почти 40% наркотиков из Афганистана транспортируются через территорию Ирана, что вызывает сильное беспокойство руководства ИРИ. Оно ведет жесткую борьбу с наркотрафиком на границе и оказывает значительную помощь Афганистану в этой области, однако осознает, что его усилий недостаточно. По предложениям ИРИ еще в 1998 г. в рамках секретариата ОЭС был создан Координационный совет по контролю за наркотиками, возглавивший всю деятельность на этом направлении. Усилия ОЭС в этой сфере были отмечены специальной премией ООН. В декабре 2005 г. в Турции прошла Первая встреча по проблеме борьбы с наркотиками на уровне министров стран-членов ОЭС, на которой были внесены дополнения в План действий организации по контролю над наркотиками и рекомендовано преобразовать существующий Координационный комитет в Региональный центр по борьбе с наркотиками и организованной преступностью. Особо подчеркивалась необходимость изыскания возможностей для совместной подготовки специалистов этой сферы и расширения обмена информацией по соответствующей тематике.

В конце октября 2006 г. в Тегеране проходила Первая встреча глав МВД 10 стран-членов ОЭС под лозунгом «Безопасность, стабильность и устойчивое развитие». Министры высказались за дальнейшее укрепление сотрудничества в области обеспечения безопасности и стабильность в регионе. В одобренной всеми участниками резолюции была отмечена необходимость усиления координации действий и сотрудничества стран-членов ОЭС в борьбе против терроризма, наркотрафика и организованной преступности в регионе. Кроме того, подчеркивается необходимость укрепления безопасности и стабильности как основ экономического развития и прогресса стран, дальнейшего укрепления сотрудничества между странами-членами ОЭС во всех сферах.

Расширение культурных связей, изучение и сохранение общего исторического и духовного наследия, развитие туризма, сотрудничество в области образования продолжают оставаться в центре внимания ОЭС. Эти задачи должен выполнять институт культуры ОЭС, действующий в Тегеране. Под эгидой этого центра проводятся фестивали культуры народов региона, издаются литературные произведения на различных языках, проводятся исторические и этнографические исследования. Институт издает несколько журналов на английском, персидском и русском языках : Cultural Magazine, Newsletter, Persian monthly journal. Культурная

деятельность координируется с программами ЮНЕСКО. Среди проектов, намеченных на ближайшее время, организация радиовещания и открытие общего информационного агентства, подготовка энциклопедии государств ОЭС, проведение первой туристической выставки.

Важное направление деятельности ОЭС — расширение международных связей. Организация поддерживает контакты с рядом международных организаций, имеет статус наблюдателя при ООН, активно сотрудничает с ее структурами. ОЭС проводит консультации с другими региональными организациями — ЕС, АСЕАН, СААРК. Только за первую половину 2006 г. секретариат и департаменты ОЭС организовали рабочие совещания с участием представителей ФАО, Всемирного банка, Исламского банка развития, Азиатского банка развития, ЮНЕСКАП. Руководство ОЭС полагает, что пропаганда целей и задач организации, широкое информирование международных структур о ходе ее деятельности будут способствовать росту ее авторитета и привлечению средств международных финансовых институтов для осуществления ее проектов.

За последние три года важным направлением деятельности организации стало оказание помощи в восстановлении экономики Афганистана. В конце 2002 г. страны ОЭС выработали План действий по участию в реконструкции Афганистана, в 2003 г. открыли специальный фонд, в который Турция, Пакистан и Иран внесли значительные суммы. За прошедшие три года в Афганистане в рамках международного транспортного проекта ТРАСЕКА в 2005 г. был построен участок автотрассы Догарун—Герат как один из маршрутов Великого шелкового пути. Идет строительство отрезка региональной трассы Чабакхар—Центральная Азия, соединяющего иранскую транспортную сеть с афганской. Уже завершено строительство на участке Милак—Зарандж, где был построен мост через пограничную реку Гильменд. В ходе осуществления и другие транспортные проекты. Значительная помощь оказывается Афганистану и в области энергетики: строятся линии электропередач, подстанции. Проведены работы по соединению энергосистемы Ирана с некоторыми приграничными провинциями Афганистан. Иранская сторона стала основным инвестором этих проектов.¹⁵

Одним из проектов, в котором принимают участие все члены ОЭС, стало строительство, по просьбе афганских властей, общественного парка Дех Мазанг, который называют «ЕСО Park» и Кабульского зоопарка. Каждая страна возведет в этом парке свой павильон, где будут демонстрироваться ее достижения в области экономики, культуры, социальной сферы, проводиться выставки экспортных товаров. На осуществление этого проекта ОЭС выделила 1,8 млрд долларов.

ОЭС выступил координатором международной помощи на восстановление Афганистана. Необходимо отметить, что с началом

антитеррористической операции в этой стране роль региона стран ОЭС резко возросла, что, в определенной степени, стало стимулом для активизации механизмов регионального сотрудничества. Усилилось и понимание всеми государствами-членами организации необходимости экономической интеграции как основы укрепления региональной безопасности. Если первые годы после расширения ее состава прошли в эйфории ожидания немедленных успехов, обсуждении будущих планов и выработки многочисленных программ, то в последующие годы на первый план вышли политические разногласия и экономические ограничители, узконациональные интересы превалировали над общерегиональными и в той или иной форме проявлялась неудовлетворенность результатами деятельности организации. Тем не менее за прошедший период ОЭС удалось выработать приоритеты своего будущего развития и наметить пути их достижения, установить контакты с международными организациями и финансовыми институтами. Как представляется, несмотря на различия в политической ориентации членов организации, в ней укрепилось осознание того, что такие общие для всех стран региона проблемы как создание транспортной инфраструктуры, добыча и экспорт энергоносителей, развитие торговых связей, борьба с терроризмом и наркотрафиком можно решить лишь в результате координации усилий всех ее членов. Постоянные усовершенствования в структуре организации можно оценить как попытки найти наиболее оптимальный механизм для достижения запланированных целей. Тенденции можно рассматривать как подтверждение возможностей дальнейшего укрепления региональной интеграции при обеспечении благоприятных внутри и внешнеполитических условий и помощи международных институтов.

Иран проявляет большую заинтересованность в дальнейшем развитии ОЭС, поскольку рассматривает ее как инструмент расширения своего экономического, политического и культурного присутствия в регионе. Прежде всего, Тегеран рассматривает ОЭС как организацию политического и экономического взаимодействия соседних государств, участвуя в проектах которой, он сможет превратиться в деловой центр региона, замкнуть на себя основные транспортные и энергетические коммуникации. ОЭС предоставляет Ирану более широкие возможности для установления контактов со странами Запада и участия в международных проектах. В то же время руководство ИРИ продолжает использовать ОЭС и как политическую трибуну. На последнем саммите президент Ирана искал поддержки соседних государств в вопросе дальнейшего развития своих ядерных технологий, поясняя, что достижения Ирана в этой области будут служить на пользу всех исламских государств. Вновь с иранской стороны активизировались попытки укрепить исламское единство государств, а также использовать ОЭС как гаранта региональной безопасности. Однако,

представляется, что такие устремления Ирана не найдут должного отклика, поскольку большинство членов ОЭС, участвуя в работе организации, пытаются дистанцироваться от обсуждения политических проблем и видят в ОЭС лишь один из механизмов экономической кооперации в регионе. Нельзя не учитывать и факт альтернативного сотрудничества большинства членов организации с другими региональными и межрегиональными структурами.

Тем не менее, кажется весьма вероятным, что Иран и впредь будет стремиться к тесному взаимодействию с государствами-членами ОЭС, невзирая на все проблемы, трудности и противоречия. ОЭС — великолепный инструмент для выработки регионального экономического и политического дискурса. Иран будет пытаться превратить ее в рупор своих устремлений в силу указанных причин. Он также будет прилагать усилия, по крайней мере при нынешнем руководстве, для того, чтобы стать системообразующим элементом этой структуры, обретя роль связующего звена между ее членами. Поэтому Тегеран и впредь будет будировать любые позитивные проекты, инициировать шаги, способствующие укреплению взаимодействия внутри ОЭС, подчеркивая, что региональное строительство — это достойный ответ на вызовы глобальной политики, генерируемой вовне и не отвечающей в своем главном аспекте истинным интересам региональных государств.

1. Iran Daily. 29.01. 2006.
2. ECO Vision 2015. www.ecosecretariat.org. 15-th Session of the Council of Ministers of ECO Countries.
3. Выступление Президента ИРИ М. Хатами на саммите ОЭС в Тегеране 10.6.2000. Третий взгляд, 73, 2000, с.5.
4. Рассчитано по данным: www.ecosecretariat.org/statistics
5. Рассчитано по данным : www.ecosecretariat.org/statistics
6. www.iran-export.com/statistics.
7. Tehran Times. 6.02.2007. www.polpred.com. Иран. Внешняя торговля.
8. www.iran-export.com, www.ecosecretariat.org, www.ecosecretariat.org/statistics
9. www.ecosecretariat.org Statistics. Intraregional Trade.
10. www.ecosecretariat.org Directorate of Trade & Investment.
11. Пресс-релиз ОЭС. Май 2005 г. — www.ecosecretariat.org.
12. ECO Vision 2015.
13. Iran Daily. 13.05.2007.
14. Iran-daily. 29.01.2006
15. Подробнее о восстановлении экономики Афганистана и иранской помощи см. В.Г. Коргун. Иран в Афганистане. — Иран. Культурно-историческая традиция и динамика развития. М. 2006, с.21—27.

3. ИРИ и каспийская проблема

Е. В. Дунаева

Каспийская проблема — одна из насущных задач, стоящих сегодня перед внешнеполитическим ведомством ИРИ. Она не сводится к вопросу добычи и транспортировки углеводородов, богатейшие запасы которых обнаружены на шельфе Каспийского моря и прибрежных территориях. В конце XX века Каспий стал зоной соперничества и противоборства различных государств и сил, стремящихся к осуществлению своих стратегических, экономических и политических интересов, подчас не совпадающих с интересами прибрежных государств. Особый интерес, проявляемый сегодня в мире к этому региону, объясняется его геостратегическим и геополитическим положением моста между Европой и Азией, перекрестка формирующихся международных транспортных коммуникаций «север—юг» и «запад—восток» и линии раздела сфер влияния трех мировых религий: ислама, христианства и буддизма. Кроме того, море является питомником для более 50 видов промысловых рыб, в том числе осетровых, и 90% мирового рынка черной икры обеспечивается за счет этого региона.

Исламская Республика Иран — один из основных игроков на каспийском поле, и ее позиция по проблемам, Каспийского региона, весьма важна для их решения.

В прошлые века море было объектом борьбы между Ираном и Российской империей за укрепление своего влияния. К концу XIX в результате войн, длительных переговоров и ряда соглашений Россия прочно закрепила на северном, западном и восточном берегах Каспия, южное побережье осталось во владении Ирана. В 20—40-е гг. XX в. между Ираном и СССР были достигнуты договоренности о правовом режиме и правилах судоходства. (Причем обе стороны считают, что и по сей день эти документы не утратили законную силу). Согласно этим документам на море не проводилось никаких разграничений, оно считалось объектом совместного использования и рассматривалось только как море советско-иранское. Практически же Каспий был поделен, и на море существовала охраняемая СССР как государственная граница линия, соединяющая противоположные точки сухопутной границы на побережье, то есть от Астары до Гасан-Кули (432,2 км).

В начале 90-х годов международно-правовая ситуация коренным образом изменилась, поскольку его побережье оказалось разделенным между пятью государствами. Азербайджан, Казахстан и Туркменистан заявили о необходимости пересмотра документов, регулирующих юридический статус моря, так как существовавшее положение «общего моря» их не устраивало. Особенно остро этот вопрос встал в 1994 г., когда Азербайджан

и Казахстан, подписав с международными нефтяными компаниями контракты о совместной эксплуатации нефтяных месторождений на шельфе, высказались за секторальный раздел моря. Иран в результате введения американских экономических санкций как государство, поддерживающее терроризм, оказался отстраненным как от участия в международных нефтяных консорциумах, созданных для разработки нефти в новых прикаспийских странах, так и от решения вопроса относительно путей экспорта каспийской нефти. Такое развитие событий не могло устроить Тегеран. Руководство страны осознавало, что разграничения на море в одностороннем порядке могут привести к обострению противоречий и даже развитию конфликтов между прикаспийскими странами, будут способствовать усилению влияния внерегиональных стран и приведут к дестабилизации обстановки, что создаст угрозу национальной безопасности страны. Иран выступил за сохранение существующего статуса Каспийского моря, то есть за сохранение водной поверхности, дна и природных ресурсов в общей собственности (кондоминимум). При этом за каждой стороной предусматривалось право на ведение экономической деятельности в прибрежных водах государств.

Повышенный интерес Ирана к Каспию едва ли определяется нефтяными интересами. Эта страна и так занимает четвертое место в мире по добыче и треть по экспорту нефти. Ее основные запасы расположены на юге — в районе Персидского залива, там же сосредоточена и экспортная инфраструктура, поэтому особого интереса к развитию нефтедобычи на Каспийском море у Ирана нет. Осуществление каких-либо крупных проектов по освоению этих месторождений не планируется, ведутся лишь разведочные работы, а нефть добывается в незначительных количествах на нескольких морских платформах. Руководство ИРИ выдвигает на первый план политический аспект данной проблемы, связанный с возрастающей угрозой усиления третьих стран в Каспийском регионе. Иран, претендующий на лидирующую роль в регионе, ищет возможности ограничить влияние США, которые объявили Каспий зоной своих жизненных интересов, и, расширяя политическое, экономическое и военное сотрудничество со странами региона, пытаются определять политику в вопросах транспортировки каспийских углеводородов, и, по возможности, изолировать и вытеснить Иран. Со второй половины 90-х годов Иран включился в конкурентную борьбу за право транспортировки углеводородных ресурсов и активно продвигает свой проект нефтепровода из порта Нека на Каспийском море до терминалов на побережье Персидского залива. Объективно оценивая ситуацию, можно отметить, что для международного экспорта это наиболее короткий, сравнительно безопасный и экономически эффективный маршрут. У Ирана есть и свои варианты решения проблемы транспортировки природного газа,

добываемого в Прикаспии, в Европу и Южную и Юго-Восточную Азию. При этом руководство ИРИ осознает, что в условиях острого соперничества в регионе оптимальным путем решения вопроса может стать диверсификация маршрутов транспортировки и поэтому поддерживает идею строительства нескольких трубопроводов.

Каспийский регион имеет серьезное значение для Ирана как транспортный коридор, предоставляющий ему выход по Волге и системе каналов России в Европу, а через железнодорожные магистрали Средней Азии — на Дальний Восток. К тому же, территория Ирана является удобным транзитным путем из Европы к Персидскому заливу и странам Южной Азии, именно этот путь и стал основой международного коридора «Север—Юг». Сегодня, когда формируются внутрорегиональные и межгосударственные транспортные потоки, ИРИ стремится принять в них максимальное участие, чтобы стать одним из мировых транспортных перекрестков.

Выше отмечалось, что Каспийский бассейн — источник ценных пород рыбы, особенно осетровых и икры. Сегодня он дает 90% их мирового улова. Для Ирана — это одна из основных статей экспорта. В последние годы происходит разрушение существовавшей у СССР и Ирана системы вылова ценных пород рыбы. В результате отсутствия должного надзора со стороны России и трех новых прикаспийских государств не соблюдаются квоты, расцветает браконьерство, не предпринимаются меры для увеличения воспроизводства. Бесконтрольно увеличивающийся вылов рыбы приводит к ухудшению ее качества и падению цен. Такое положение вызывает резкое недовольство иранской стороны, поскольку оборачивается для нее экономическими потерями. Тегеран активно выступает за скорейшее регламентирование всех вопросов, связанных с выловом рыбы и морепродуктов на Каспии.

Большое беспокойство у Ирана вызывает и ухудшение экологической ситуации в Каспийском регионе, связанное с расширением работ по разведке и добыче нефти и газа в северном и центральном секторах моря, промышленным и бытовым загрязнением вод, а также подъемом уровня моря. Отсутствие должного внимания к вопросам охраны окружающей среды может привести к разрушению экологической системы всего региона. Еще в 1992 г. Тегеран выступил с предложением о создании Организации сотрудничества прикаспийских государств. В ее рамках все прибрежные страны на основе равноправия смогли бы решать вопросы судоходства, рыбной ловли, использования природных ресурсов, экологии и др. Однако, хотя инициатива Ирана и была одобрена, механизм действия организации так и не был запущен.

В Тегеране понимают, что от решения всего комплекса каспийских проблем, начиная от определения правового статуса моря до защиты его

биоресурсов, зависит дальнейшее политическое будущее этого региона, уровень его экономического развития, перспективы отношений между государствами региона и их отношений со странами Запада. Приходит осознание и того, что искать решение нужно не только через призму углеводородных интересов, не милитаризацией моря, не опорой на третьи силы, а путем поддержания активных контактов со всеми прибрежными государствами, поиска компромиссов и достижения договоренностей.

Однако нельзя не заметить, что с нового тысячелетия подход ИРИ к определению правового статуса Каспийского моря все более расходится с подходами других прикаспийских государств. До конца 1997 г. позицию Ирана по вопросу сохранения моря в общей собственности разделяли Россия и Туркменистан. Однако в результате противодействия других прибрежных государств осуществить принцип кондоминиума не удалось. Подписав в 1998 г. с Казахстаном Соглашение о разграничении дна северной части моря, Россия перешла на позицию прагматизма и экономической выгоды и поддержала раздел моря на национальные секторы. Аналогичные соглашения были заключены между Азербайджаном и Казахстаном в 2001 г. и Россией и Азербайджаном в 2002 г. Эти документы предусматривали делимитацию дна по модифицированной срединной линии, водная поверхность разделу не подвергалась. Принцип разграничений на море был определен В.В. Путиным на Ашхабадском саммите прикаспийских стран в 2002 г. так: «Делим дно — вода общая». Осознав, что деление моря уже идет полным ходом, ИРИ выдвинула предложение о разделе Каспия на основе равных долей, объясняя эту позицию необходимостью защиты национальных интересов. Такой раздел (т.е. по 20% каждой стороне) может быть выгоден только Ирану, морской сектор которого, при условии раздела моря по срединной линии составляет 12–13% (российский сектор при таком делении составляет 17%, азербайджанский — 21%, казахстанский — 31%, туркменский — 18–19). Президент ИРИ Мохаммад Хатами, выступая на саммите прикаспийских государств в Ашхабаде в 2002 г, отметил, что его страна, уважая суверенитет и независимость прибрежных государств, будет считать действительными связанные с Каспием соглашения лишь в том случае, если они соответствуют консенсусному решению всех прикаспийских государств.¹ В основе решения правовых вопросов, по мнению иранской стороны, должны лежать принципы справедливости, и необходим учет интересов государств и различных факторов, в том числе и географических: протяженность и прохождение береговой линии, а также международной практики. Иранская сторона призывает прикаспийские страны до усовершенствования правового статуса Каспия воздержаться от деятельности на 20%-м участке, который она считает своей минимальной долей по недрам и поверхности моря. Специальный представитель президента ИРИ по Каспию М. Сафари не отрицает и возможность

вернуться к первоначальной позиции кондоминиума. Если же такой подход не встретит понимания всех сторон, то тогда делить нужно и водное пространство, и дно.² «В рамках данного подхода Иран считает для себя наилучшим вариант правового режима с полной демаркацией границ и определением зон использования водного пространства, так как только этот вариант мог бы гарантировать ему полную защищенность», — считает генеральный директор Международного института по исследованию Каспийского региона в Тегеране А. Малеки.

Три государства, подписывая совместный документ о разделе нефтяных и газовых месторождений в северной и центральной частях Каспийского моря в 2003 г., подчеркнули, что речь идет только о делимитации углеводородных ресурсов дна, установление каких-либо границ на поверхности моря не предусматривается (отметим, что определение государственных границ на море не отвечает интересам ни одного из прикаспийских государств, в первую очередь, России и Ирана, так как это разрушит единственный прямой путь, соединяющий два государства). Однако, несмотря на существующие разногласия, представители прикаспийских государств продолжают обсуждать проект Конвенции о правовом статусе моря. С 1996 действует Специальная рабочая группа по Каспию, в которую входят представители МИД пяти государств, периодически проходят встречи заместителей министров иностранных дел с целью обсуждения тех или иных аспектов проблемы. Весной 2004 г. стороны достигли соглашения по вопросам, касающимся торгового судоходства, механизмов урегулирования разногласий, а также направлений взаимного сотрудничества. Сегодня все страны осознали, что согласование Конвенции должно проходить поэтапно, и лишь на этой основе возможно дальнейшее сближение позиций всех государств.

На встрече министров иностранных дел прикаспийских государств, проходившей в июне 2007 г. в Тегеране, было принято Совместное заявление, в котором отмечалась озабоченность всех государств сохранением стабильности и безопасности региона и подчеркивалась важность решения правовых вопросов для стабилизации ситуации и расширения взаимовыгодного сотрудничества. Было принято решение о проведении 2-го саммита прикаспийских государств и согласован проект декларации, которая при условии полного одобрения президентами прикаспийских государств, может стать импульсом для активизации процесса выработки правового статуса Каспия.³

В настоящее время перед Ираном стоит задача проведения разграничений своего сектора моря с Азербайджаном и Туркменистаном на двусторонней основе. Переговорный процесс идет, о чем было заявлено в ходе визита министра иностранных дел Азербайджана в Иран в июне 2007 г. и визита президента ИРИ в Азербайджан в августе этого же года.

Представляется, что во имя долгосрочных интересов стороны смогут найти разумный компромисс на пути совместного использования спорных месторождений.

* * *

Сегодня интересы России и Ирана в Каспийском регионе во многом совпадают. Два государства являются историческими пользователями Каспийского моря. Обе стороны решают задачу обеспечения максимального контроля над транспортными потоками углеводородов, широкого участия в различных энергетических, трубопроводных и транспортных проектах в региональном масштабе. Несмотря на то, что сегодня энергетический фактор лишь увеличивает конкуренцию и осложняет внутрирегиональную ситуацию, способствуя росту напряженности, Иран и Россия осознают необходимость диверсификации маршрутов транспортировки энергоносителей и могут сотрудничать друг с другом, принимая активное участие в региональных и международных проектах. Так, с 2004 г. в Иране (пока в ограниченных масштабах) начал осуществляться проект Caspian Sea Republics oil Swap, министерство нефти ИРИ предполагает расширить его за счет участия российских нефтедобывающих компаний. Предполагается, что свои операции Ирана с Россией по этому проекту смогут составить 80 тыс. баррелей нефти в сутки. Уже активно развивается сотрудничество Ирана с компанией Лукойл, которая с 2003 г. начала поставки нефти в Иран с терминала Ильинка в Астраханской области. Россия и Иран занимают общую позицию в вопросе транскаспийских нефтепроводов. Две страны могут поддерживать друг друга, согласовывая свои действия на мировом энергетическом рынке.

Оба государства в последние годы координируют усилия в деле создания международных транспортных коридоров. Север—Юг — это пример их успешного взаимодействия в рамках международного проекта. Активное сотрудничество двух стран проявляется и в создании морских коридоров на Каспии.

Для эффективного решения экономических задач Иран и Россия заинтересованы в политической стабильности в регионе. Сегодня Каспийский регион является не столько объектом сотрудничества прибрежных государств, сколько объектом дипломатических распрей и конфронтаций. До сих пор не решены карабахский, абхазский, чеченский, географически более отдаленные афганский, иракский конфликты, сохраняется внутренняя политическая нестабильность в ряде государств Кавказа и Центральной Азии. Нестабильности региону добавляют рост религиозного экстремизма, терроризма и наркоторговли. Большую угрозу стабильности региона несут неурегулированные проблемы между самими прикаспийскими государствами и милитаризация региона. К факторам, осложняющим обстановку, следует отнести и отрицательное отношение международ-

ного общественного мнения к ядерной программе Ирана. По прогнозам американских аналитиков, к 2015 г. Каспий станет одним из самых нестабильных регионов мира. Еще в 90-е годы американцы объявили этот регион сферой своих жизненных интересов и значительно активизировали в нем свою деятельность. За последние два года европейское командование вооруженных сил США активно осуществляет план расширения военного присутствия в Каспийском регионе, известный как Каспийские стражи (Caspian Guards), на который выделяется 100 млн. долл. (План предусматривает активное участие американских военных в создании национальных флотов прикаспийских государств и создание станций радиоэлектронного слежения за воздушным пространством и акваторией моря). Реализация этой программы поставит под угрозу оборонные интересы прежде всего России и Ирана. Именно поэтому сегодня тема демилитаризации моря, которая еще в конце 90-х годов особенно активно поднималась ИРИ, полностью убрана с повестки дня совместных переговоров как не отвечающая современным реалиям. На обсуждении стоит вопрос недопущения присутствия вооруженных сил третьих стран и определения параметров «разумного и стабильного баланса вооружений» на Каспии. Россия, в условиях возможного появления на Каспии военных сил неприкаспийских государств, в начале 2005 г. выступила с инициативой создания системы каспийской безопасности и предложила координировать силы и средства прибрежных государств через единую структуру Касфор (группа оперативного взаимодействия в составе флотов каспийских стран). Российские военные предполагают, что это соединение могло бы обеспечивать скоординированную защиту водного пространства от проникновения террористов, наркоторговцев, браконьеров любых преступных структур и защищать экономические интересы пяти государств. Касфор не будет направлен против какого-либо государства. Участие в этом объединении предполагает как совместные действия на море, так и обмен информацией, отработку взаимодействия, создание координационных центров, контроль прибрежной зоны и судоходства. Однако в условиях доминирования флота России на Каспии инициатива Касфор не получила должного отклика. Некоторые эксперты прикаспийских государств увязывают возможность реализации проекта только с урегулированием всех правовых вопросов. Высказываются мнения о потенциальных угрозах для новых прикаспийских государств, якобы исходящих от России и Ирана, исторически доминировавших на море, тем более, что Иран в последние годы активно развивает свои военно-морские силы в регионе. Несомненно, что эта инициатива РФ направлена на оказание противодействия проникновению третьих сил, что может быть привлекательным для ИРИ.

Поскольку идея создания совместной группы оперативного взаимодействия не получила необходимой поддержки, Россия выдвинула

новую инициативу, связанную с оказанием противодействия американским планам. В условиях нагнетания истерии вокруг ядерной программы Ирана и стремления США под этим прикрытием создать систему ПРО у границ России на территории Польши и Чехии, российский президент выступил с предложением совместного использования РЭЛС в Габале российскими и американскими военными в качестве альтернативы американским планам.

Эта инициатива вызвала в Иране негативную реакцию, выразившуюся в несправедливых нападках на российское предложение и на всю ее позицию по отношению к Ирану. Москву обвинили в том, что она предает интересы Ирана и вопреки постоянным заявлениям о недопущении третьих сил в район Каспия способствует их укреплению в регионе. Однако это предложение ни в какой мере нельзя расценивать как враждебную акцию против Тегерана. При более пристальном рассмотрении вопроса можно сделать вывод о том, что российский подход прямо совпадает с интересами ИРИ в регионе. Если Тегеран стремится позиционировать себя в качестве стратегического партнера России, то ему следует принять во внимание, что существует общность интересов двух государств в обосновании собственной безопасности. Американский защитный барьер в Восточной Европе прямо угрожает России, и вполне естественно, что руководство страны ищет возможности снизить уровень угроз. Предлагая вариант Габалы, РФ в определенной мере сможет контролировать военное присутствие американцев на территории Азербайджана, которое уже активизировалось и будет расширяться в будущем независимо от позиции России или Ирана. В этой связи создание прецедентов взаимного сотрудничества уже само по себе снижает уровень концентрации угроз, направленных против ИРИ, что в нынешних условиях явно становится выгодным Тегерану.

Нельзя оставить без внимания и возможность Габалинской станции контролировать запуски всех ракет на территории Ирана, что в условиях возрастания опасений мирового сообщества по поводу производства ядерного оружия в этой стране сможет предоставить конкретные доказательства отсутствия каких-либо действий со стороны Ирана и тем самым исключить неблагоприятные последствия для иранских интересов в регионе, о чем и было заявлено С. Лавровым в интервью телеканалу Россия 21 сентября 2007 г.

Еще одним полем соприкосновения интересов двух государств и сферой, где уже развивается сотрудничество, является экология.

Экологическая система Каспия чрезвычайно уязвима, что связано с расширением работ по разведке, добыче и транспортировке углеводородов, промышленным и бытовым загрязнением вод, а также подъемом уровня моря из-за чего страдают нерестилища и падает улов. Отсутствие должного внимания к вопросам охраны окружающей среды может привести к разрушению экологической системы всего региона.

Надо отметить, что необходимость совместной защиты среды Каспия управления ею демонстрируют в большей или меньшей степени все прикаспийские государства. Их совместные усилия могут реально остановить ухудшение природной среды Каспийского региона и помочь его устойчивому развитию. В 1998 г. на совещании в Рамсаре была поддержана Каспийская Экологическая программа. В ходе ее первого этапа (1998–2002 гг.) основное внимание было сосредоточено на подготовке Рамочной конвенции по охране морской среды, а также Регионального плана сотрудничества в случае разлива нефти, оценки уровня загрязнения, региональной системы управления данными и информацией и др. Деятельность КЭП финансируется прикаспийскими государствами и международным сообществом через Глобальный экологический фонд Программы развития ООН, Всемирным банком и Европейским Союзом. В ноябре 2003 г. прикаспийские государства подписали Рамочную конвенцию по охране морской среды. Ее можно расценить как значительный шаг на пути к достижению общего согласия.

На очереди подготовка и осуществление национальных Каспийских планов действий всеми государствами и общего Стратегического плана Действий. Руководство Ирана постоянно и наиболее активно призывает к объединению всех прикаспийских государств в этом вопросе и прилагает усилия для стимулирования регионального сотрудничества в этой области.

Сегодня приоритеты России и Ирана в Каспийском регионе, превратившемся в один из важнейших геополитических узлов мировой политики, по многим параметрам совпадают. Они переплетаются как в энергетической области, так и в сфере транспортных проектов, безопасности, экологии. Две страны — традиционные пользователи моря, — защищая свои национальные интересы, могут расширять взаимодействие на двусторонней и многосторонней основе, что и позволит разрешить спорные вопросы на Каспии и создаст реальные предпосылки для обеспечения региональной безопасности.

От их позиций и степени сотрудничества во многом зависит эффективность мер по предотвращению конфликтов в этой зоне, сдерживанию дальнейшего расширения американского влияния в регионе, контролю за милитаризацией моря. Борьба с терроризмом, организованной преступностью, незаконным оборотом наркотиков также составляет существенный факт обоюдной деятельности. Учет национальных интересов всех государств при разделе природных ресурсов Каспийского моря, осуществление контроля за вывозом нефти и газа, обеспечение экологической безопасности региона — еще один блок важнейших проблем, которые нуждаются в самом серьезном отношении двух государств.

Учитывая сложность каспийской проблемы, ее многослойность и разнообразие составляющих аспектов, можно сделать вывод, что она, несомненно, является для Ирана одним из стратегических приоритетов в деле обеспечения своей национальной безопасности и жизнедеятельности и в этом качестве в немалой степени определяет внешнеполитический дискурс страны. Тегеран объективно заинтересован в том, чтобы использовать любые возможности и изобретать любые способы, которые могут отдалять принятие невыгодных для него решений и затянуть процесс урегулирования спорных вопросов. Очевидно, что Иран будет жестко отстаивать свою позицию по вопросу, стремясь максимально долго не идти на компромиссы и уступки, способные, по мнению его руководства, ослабить положение страны или ухудшить ситуацию вокруг нее. В то же время, ИРИ будет использовать любые возможности для расширения сотрудничества со всеми прикаспийскими государствами, в том числе по правовым вопросам, чтобы исключить неблагоприятные последствия для иранских интересов в регионе. Принимая у себя каспийский саммит в условиях усугубления международных санкций, он надеется на получение в первую очередь политических дивидендов.

¹ www.irna.com. 24.04.2002.

² www.iran.ru. 11.10.2002.

³ Джомхури-йе эслами. 21.06.2007.

Глава 4. Отношения Ирана с соседями по региону

1. Политика Ирана на Ближнем Востоке после иракской войны

*Л.М. Кулагина,
В.М. Ахмедов*

Война США и их союзников по коалиции в Ираке и последовавшие за ней события ознаменовали собой важную веху в историческом развитии государств Ближнего Востока и внесли серьезные коррективы в формирование элементов новой структуры международных отношений, как в регионе, так и в мире в целом. За 5 лет, прошедших после американского вторжения в Ирак, регион сильно изменился. США потерпели фиаско в Ираке, а Израиль в Ливане. Значительно окрепло, игравшее прежде маргинальную роль, движение шиитов. Активизировались выступления сторонников политического ислама, которые смогли прийти к власти в Палестине и ряде других стран региона. Одно из важных мест в развитии этих событий принадлежит Ирану. Иран не только смог выдержать давление США, но и повысил свое влияние в регионе Ближнего Востока. Сегодня Тегеран находится в центре всех важнейших событий на Ближнем Востоке. Иранское влияние ощутимо в Ираке, Ливане, Сирии, Персидском заливе. Сложно представить, как можно решить какую-либо из острых политических проблем без участия ИРИ.

Деятельность Ирана на Ближнем Востоке определяется рядом важных факторов, оказывающих существенное влияние на его внешнюю политику. Это — поддержка Ираном шиитской организации «Хизбалла», которую Иран использует для укрепления своего влияния в Ливане и как инструмент сдерживания Израиля. Иран вовлечен в межпалестинский и палестино-израильский конфликты. Палестинская проблема занимает одно из ключевых мест во внешней политике ИРИ. Иран рассматривает Палестину как часть исламской «уммы» и с этих позиций строит свою политику в отношении палестино-израильского конфликта. Война в Ливане летом 2006 г., окончившаяся с явным преимуществом исламского сопротивления не только укрепила позиции лояльных Ирану шиитских сил в самом Ливане, но и в регионе в целом. На этом фоне произошла дальнейшая активизация и консолидация движений политического ислама, в том числе суннитского толка, которые весьма ревниво отнеслись к успехам и популярности своих шиитских собратьев. Еще до событий в Ливане движение «Хамас» пришло к власти в Палестине. Война в Ливане помогла «Хамас» не только удержаться у власти, но и преодолеть моральный и политический бойкот со стороны ряда ведущих государств Арабского мира.

В Египте «братья-мусульмане» впервые получили на выборах в парламент более 20% мест, что давало им возможность в случае их политической легализации и организационного оформления в самостоятельную партию, выдвигать на будущих президентских выборах своего кандидата. Активность «братьев» заставила египетские власти провести серию арестов и ввести ряд политических и финансовых ограничений в отношении руководителей организации. В Ливане оппозиция, ядро которой составляли шиитские силы в лице «Хизбаллы» и «АМАЛЬ», пытаются навязать правительству свои правила игры и конвертировать военные успехи в политические преимущества.

Иран существенно укрепил свои связи с Сирией в различных областях и фактически добился установления стратегического союза с этой страной. Примечательным в этом плане явился визит президента ИРИ Ахмедиनेжада в Дамаск в конце января 2006 года. Одной из важных задач данного визита стало согласование позиций двух стран в условиях произошедших в регионе перемен со времени последнего визита Б. Асада в Тегеран осенью 2005 года. Важной целью переговоров двух лидеров стала отработка совместных действий в ответ на предпринимаемые США попытки изолировать обе страны на международной арене. Тегеран подтвердил свою поддержку режима Б. Асада и его политики. Такая позиция Ирана приобрела особое звучание для Сирии в условиях ведущегося международного расследования по делу Р. Харири. Иранская поддержка в какой-то степени способствовала локализации политико-пропагандистских последствий предательства бывшего вице-президента САР А. Хаддама, открыто выступившего за смену правящего в САР режима. А также представляла собой своеобразный ответ невнятной позиции по этим вопросам Египта и Саудовской Аравии. В ответ сирийский президент поддержал суверенное право Ирана разрабатывать собственную мирную атомную программу. По некоторым данным в ходе визита между Дамаском и Тегераном были заключены специальные соглашения на случай принятия международных санкций в отношении ИРИ и САР. Тегеран выразил готовность расширить рамки военно-технического сотрудничества с Дамаском, а также оказать необходимую финансовую и инвестиционную поддержку Сирии в целях преодоления негативных последствий экономического давления США для развития национальной сирийской экономики.¹ Сотрудничество между двумя странами в торгово-экономической и военно-технической сфере развивается давно, планомерно и успешно. Еще в феврале 2004 г. по итогам работы Высшей сирийско-иранской комиссии в Дамаске был подписан ряд важных документов в сфере торгово-экономического сотрудничества, создания зон свободной торговли, избежания двойного налогообложения. Сегодня Иран осуществляет несколько крупных инвестиционных проектов в Сирии. В частности, при участии иранского

капитала строится и реконструируется ряд крупных промышленных предприятий: по производству легковых автомобилей, тракторов, удобрений. Иранская программа модернизации тракторного завода «Аль-Фурат» призвана довести его производственную мощность до 2,5 тысяч тракторов в год. Иранские специалисты осуществляют проект технической модернизации металлургического комбината в г. Хама. Прорабатываются планы сооружения нефтегазопровода из Ирана через Ирак в Сирию и далее в Европу. Взаимодействие двух стран в сфере ВТС осуществляется в рамках действующей фактически на постоянной основе двусторонней комиссии, определяющей основные направления сотрудничества в сфере обороны, безопасности, отработки совместных войсковых операций. При этом акцент делается на совместные разработки в сфере оборонных исследований и военно-технических проектов. В ходе визита в Дамаск министра обороны ИРИ А. Шамхани в конце февраля 2004 г. Б. Асад заявил, что Сирия заинтересована в расширении сотрудничества с Ираном в оборонной сфере; активизации поставок ВВТ, разработки совместных оборонных проектов. Иранская сторона серьезно отнеслась к просьбам Дамаска. А. Шамхани провел инспекцию сирийских военных заводов и предприятий с целью определения перспектив совместного сотрудничества. Особый интерес Дамаск проявлял к модернизации и укреплению своего ракетного вооружения, рассчитывая в этом на помощь Тегерана. В основе сирийско-иранского сотрудничества лежали общность региональных интересов и схожесть позиций по ключевым проблемам Ближнего Востока. Ситуация в Ливане находилась в шкале приоритетов сирийских и иранских стратегических интересов в регионе. Это было особенно хорошо видно во время последней войны в Ливане. Подозревая, что истинной целью военной операции Израиля в Ливане является не столько уничтожение «Хизбаллы», сколько нанесение удара по Дамаску и придания конфликту регионального характера с вмешательством США, Иран был вынужден, открыто предупредить Израиль о серьезности последствий военных действий против Сирии. При поддержке Ирана Сирия рассчитывала ослабить международное давление на Дамаск по Ливану. Одновременно Сирия рассчитывала таким образом сохранить свое влияние на происходящие в этой стране процессы в условиях вывода сирийских войск. В свою очередь Иран надеялся на продолжение сирийской поддержки ливанской «Хизбаллы». Сирия и Иран рассматривали «Хизбаллу» и другие организации политического ислама («Хамас», «Исламский Джихад») как серьезный фактор противодействия попыткам США и Израиля укрепить свои позиции в Леванте в ущерб сирийско-иранским интересам в этом регионе. Поэтому игнорировать роль Ирана в сирийских и ливанских делах и его союзнические отношения с этими странами не представлялось возможным.²

Американская политика по противодействию Ирану на Ближнем Востоке не оправдала себя, а наоборот имела лишь обратный эффект и способствовала укреплению иранских позиций. Война в Афганистане и Ираке привела к значительному ослаблению региональных центров силы, которые США использовали для сдерживания политических амбиций ИРИ на Ближнем Востоке. Уничтожение сильного Ирака и правящего в нем светского по своему характеру режима С. Хусейна и движения Талибан в Афганистане, опиравшихся на поддержку ислама суннитского толка, привели к созданию вакуума силы на западных и восточных границах шиитского Ирана. В результате практически никто из соседей по Ближнему Востоку и Центральной Азии не мог бросать вызов Исламской республике или соперничать с ней в этом регионе. Провал американской политики по строительству нового безопасного демократического иракского государства лишь усилил проиранские силы в этой арабской стране и превратил Иран в региональную державу, способную оказать реальное влияние на политическую обстановку в Ираке. Влияние Ирана на события в Ираке расширилось в силу его отношений с шиитской общиной в этой стране. США со своей стороны не препятствовали укреплению во властных структурах Ирака ставленников Тегерана, усилению шиитской милиции, ее вооружению и поддержке.³ В 2005 г. США допустили подписание между Ираном и Ираком двух важных соглашений. Одно касалось обмена разведанными в целях обеспечения безопасности и сохранения стабильности. Другое соглашение затрагивало вопросы развития двусторонних торгово-экономического сотрудничества и расширения объемов иранского экспорта в Ирак.⁴ И теперь Америка весьма трудно борется с иранским влиянием в Ираке. Иранское руководство было удовлетворено победой на выборах в Ираке шиитского большинства. Оно выступает за сохранение нынешнего режима власти в Ираке, пытаясь таким образом укрепить там доминирующие позиции шиитских сил. Иран несомненно заинтересован в том, чтобы американские войска были вынуждены уйти из Ирака, после того как США, «надорвавшись» в ходе иракской компании, окончательно откажутся от идеи проведения подобной операции против Ирана. Сегодня Иран является единственной региональной силой, которая может оказать влияние на иракских шиитов (60% населения Ирака) или даже попытаться поставить под свой протекторат шиитское государство на юге Ирака, в случае, если таковое будет создано. Таким образом, Иран и без ядерного оружия может стать доминирующей державой в регионе. Но позиции Ирана в Ираке не так однозначны. Стремление Ирана укрепить свое влияние в Ираке наталкивается на раскол в среде иракских шиитов и их руководстве, многие из которых надеются, что после вывода американских войск им удастся установить шиитскую гегемонию в стране. Принимая иранскую помощь, эти силы не стремятся уйти под протекторат Ирана.

Однако Иран решительно противодействует любым попыткам ущемляющим его жизненные интересы. Политическое руководство ИРИ считает, что Иран должен наращивать свою оборонительную мощь для сдерживания внешних угроз и стремится распространить свое влияние в регионе. В связи с этим иранский посол в Багдаде в январе 2007 г. заявил о планах ИРИ значительно расширить военное и экономическое сотрудничество с Ираком. Иран планирует поставить правительственным силовым структурам Ирака дополнительное оборудование, направить своих советников и организовать подготовку бойцов иракских сил безопасности. В экономической области Иран готов взять на себя значительную часть восстановительных работ в Ираке. Посол также заявил, что Ирак собирается в ближайшее время открыть в Ираке отделение Иранского национального банка в Багдаде. Иран уже получил от иракских властей лицензию на открытие банка. Банк будет поддерживать развитие двусторонней торговли. Иран планирует открыть сельскохозяйственный банк, и ряд частных банков в Ираке. Ирак предложил поставлять в Ирак керосин и электроэнергию и участвовать в создании совместных сельскохозяйственных предприятий. В военном плане речь пока идет о повышении взаимодействия соответствующих служб Ирака и Ирана в деле совместной охраны границ и создании совместной комиссии по безопасности.⁵

Активная политика Ирана на Ближнем Востоке вызывает беспокойство арабских стран с большинством суннитского населения. Это, прежде всего, касается Саудовской Аравии, которая рассматривает себя в качестве одного из главных игроков в регионе и считает ближневосточную политику Ирана угрозой своему влиянию. В результате последовательной поддержки американской политики в регионе, будь то в ходе ирано-иракской войны 1980–1988 гг., войны в Персидском заливе 1990–1991 гг. или войны в Ираке 2003 г., королевство оказывается сегодня заложником ближневосточной политики США. В то же время Саудовская Аравия является колыбелью ислама, а саудовский король носит титул «хранителя двух святынь» (Мекки и Медины). Подобная ситуация неизбежно сказывается на внутренней и внешней политике королевства. Ислам является не просто идеологической основой государственной власти и общества, но краеугольным камнем, лежащим в основе самой саудовской государственности. Легитимность правящей семьи во многом определяется служением исламу и защитой интересов арабо-мусульманской уммы. С этой точки зрения становится объяснимой болезненная реакция руководства Саудовской Аравии на происходящие события в регионе и ту роль, которую стремиться играть в них Тегеран, воспринимаемый ваххабитским духовенством как антипод Эр-Рияду в мусульманском мире. Являясь одним из крупнейших нефтеэкспортеров, и владея одним из богатейших запасов

углеводородного сырья на планете, Эр-Рияд сочетает идеологические мотивы своей внешней политики с попытками доминирования во всех уголках мусульманского мира, включая даже страны, где местные последователи ислама составляют конфессиональное меньшинство. В то же время в правящих кругах Саудовской Аравии есть сторонники и более умеренных позиций в отношении Ирана, выступающие за диалог с Тегераном. Но многие в правящей королевской семье поддерживают политику жесткого противодействия иранской экспансии.

Взаимоотношения Ирана и Саудовской Аравии во многом определяются развитием внутривнутриполитических событий в двух странах и их политическим устройством. Политическая организация исламской республики полностью противоречит саудовской модели власти. В ИРИ многие высшие государственные посты занимают на основе деловых и личных качеств претендентов, избираемых на всеобщих выборах. В Саудовской Аравии принцип меритократии при выдвижении на руководящие должности не работает. Там по-прежнему делается упор на родоплеменную, клановую, земляческую общность и личную преданность и лояльность.

Стремление лидера иранской революции аятоллы Хомейни распространить иранскую модель на арабские государства Ближнего Востока надолго сформировало в правящей саудовской элите враждебный образ Ирана. Восточная провинция королевства не раз становилась свидетельницей экстремистских действий со стороны шиитских группировок, прежде всего проиранской «Организации исламской революции». Особую опасность Саудовская Аравия видит в возможности Ирана оказать влияние на шиитские движения в других арабских странах. Довольствовавшиеся ранее подчиненным местом в общественно-политической жизни арабских стран, сегодня шиитские общины стремятся получить доступ к управлению этими государствами по примеру Ирака. Но добиться успеха шиитские общины в арабских странах смогут только при поддержке Ирана. Именно различия между шиитским меньшинством и суннитским большинством в Арабском мире являются важным элементом, определяющим сегодня отношения арабов и иранцев.

Наиболее ярко саудовско-иранское соперничество проявляется в Ливане, Палестине и Ираке. В этих странах Эр-Рияд и Тегеран поддерживают стороны с разными интересами. Эр-Рияд опасается, что утрата власти суннитами в Ираке может привести к потере влияния королевства на эту страну. Поэтому Саудовская Аравия в начале весьма скептически отнеслась к выводам доклада американской исследовательской группы по Ираку Дж. Бейкера — Л. Гамильтона.

В Ливане Саудовская Аравия поддерживает правительство Ф. Синьоры и «коалицию 14 марта», которые считаются продолжателями

политики бывшего ливанского премьера Р. Харири, имевшего тесные связи с королевской семьей. Саудовская Аравия выступала против ливанской оппозиции и, прежде всего «Хизбаллы» и стремилась ослабить позиции Сирии в Ливане, подорвать сирийско-иранский союз. В Палестине в противовес Ирану, Саудовская Аравия поддерживала лидера палестинской национальной автономии М. Аббаса и до нескольких последних месяцев практически не контактировала с «Хамас». В последнее время Эр-Рияд предпринимал активные шаги с тем, чтобы не допустить усиления иранского влияния в регионе. С этой целью в ходе двусторонних контактов с сирийским руководством саудовские политики пытались убедить Дамаск в бесперспективности долговременного сотрудничества с Ираном, в условиях растущей международной изоляции Тегерана и сохраняющейся вероятности нанесения США и Израилем ракетно-бомбового удара по иранской территории. Одновременно в королевстве давали Дамаску понять, что с одной стороны Саудовская Аравия может способствовать возобновлению диалога Сирии с США, а с другой обеспечить интересы Дамаска в Ливане. Ливан играл ключевую роль в этих политических расчетах Эр-Рияда. Именно поэтому в последние несколько месяцев саудовские руководители сделали несколько важных шагов навстречу Сирии. Королевство активизировало поиски мирного решения сирийско-ливанского конфликта. Зимой 2006 г. министр иностранных дел Саудовской Аравии С. Аль-Фейсал выразил заинтересованность королевства в сближении с Дамаском, в том числе и по иракской проблеме. В тоже время саудовское посредничество в деле нормализации сирийско-ливанских отношений пока не принесло желаемых для Дамаска результатов. Эр-Рияд пока не смог убедить Дамаск в своей способности обеспечить сирийские интересы в Ливане. А вот союз с Тегераном позволил Дамаску реализовывать свою главную идею — удержания контроля над Ливаном с целью обеспечения собственной безопасности.

Саудовская Аравия настороженно относится к ядерной программе Ирана. В большинстве арабских монархий Персидского залива поддерживают планы замораживания иранской ядерной программы, будто в рамках международных усилий или односторонних действий США. В тоже время правящая элита королевства понимает, что американские силовые акции против ИРИ вряд ли будут отвечать интересам арабских государств с точки зрения сохранения безопасности в зоне Персидского залива. Большинство ближневосточных государств не поддерживает идею нанесения ударов по иранским объектам. К тому же растущая мощь и влияние ИРИ в регионе заставляют арабских лидеров больше считаться с Исламской республикой и учитывать ее интересы.

С другой стороны, активные демарши иранской дипломатии в последнее время были нацелены на то, чтобы убедить своих арабских

соседей в том, что Иран больше озабочен характером их внешней политики, нежели внутренним устройством и идеологическими воззрениями. А также были призваны продемонстрировать, что Исламская республика, прежде всего, заинтересована в решении чисто прагматических задач в регионе и с этих позиций выступает против разжигания религиозных противоречий на Ближнем Востоке. В результате у ряда арабских руководителей стал складываться более привлекательной образ Ирана как страны, с которой возможно наладить взаимовыгодные политические и экономические связи.

Война США в Ираке и ее последствия подорвали доверие к американской политике в глазах большинства лидеров арабских стран Персидского залива и усилили их стремление к проведению независимой внешней политики. Примером может служить изменение внешней политики Саудовской Аравии буквально в последние несколько месяцев. С конца 2006 г. королевство стало постепенно отходить от прежней политики невмешательства в разрешение острых региональных конфликтов. Показательным являются успешная саудовская инициатива на совещании в Мекке в феврале 2007 г. В результате саудовского посредничества сблизились позиции соперничающих палестинских группировок. Были достигнуты соглашения о создании нового палестинского правительства национального единства и намечены общие рамки взаимодействия представителей светских и религиозных сил в процессе государственного управления. Успехи саудовской дипломатии не оставили равнодушными и противоборствующие силы Ливана, которые также недавно решили обратиться за посреднической помощью к Эр-Рияду. Несмотря на свою внезапность визит иранского президента в Саудовскую Аравию в начале марта 2007 г. оказался в целом достаточно удачным, хотя бы в плане снятия напряженности в отношениях двух стран и взаимной договоренности о противодействии распространению религиозных противоречий в регионе Ближнего Востока за пределами Ирака.⁶ На этом фоне вполне логичным выглядело согласие Эр-Рияда на организацию на своей территории саммита ЛАГ 28–29 марта 2007 г. впервые за всю историю подобных форумов, приглашение принять участие в котором саудовский монарх с демонстративными почестями направил в числе первых президенту Сирии. Данные факты свидетельствуют, что Эр-Рияд намерен играть более активную, а главное самостоятельную роль в региональных делах, в том числе в выстраивании отношений с Ираном.

В тоже время, несмотря на ряд позитивных для Ирана перемен в отношении к нему со стороны арабо-мусульманских государств, Тегеран не может недооценивать всю мощь военно-политического и финансово-экономического потенциала США на Ближнем Востоке. Идущие на смену старшему поколению иранских политиков — «отцов» исламской революции, новые политические силы правой ориентации по разному

видят пути реализации задач внутренней и внешней политики страны через призму взаимоотношений Ирана с США на Ближнем Востоке.

По оценке ряда западных экспертов, одни из них наиболее радикальные считают, что выполнение миссии превращения Ирана в региональную державу лежит на путях конфронтации с США и безусловной поддержки всех антиамериканских сил на Ближнем Востоке на основе исламской солидарности. К ним относятся лидеры типа президента М. Ахмедиенежада, М. Резаи — заместителя командующего КСИР, Х. Самари — заместителя министра внутренних дел и ряд других. Они опираются на силовые структуры в лице КСИР и милицейских отрядов Басиджей. Эта группа пользуется поддержкой ряда исламских организаций наподобии «Союза за развитие исламского Ирана», «Исламской ассоциации инженеров», а также некоторых духовных лидеров, таких как Месбах-Язди.⁷ Убеждения этой группы сложились не столько в период исламской революции, а в основном во время войны с Ираком в 1980-1988 гг. По их мнению, США стали причиной всех бед Ирана, включая режим шаха и ирано-иракскую войну, тайно спровоцированную ЦРУ. Они полагают, что политика США на Ближнем Востоке достаточно ясно показала, что интересы Ирана нельзя защитить, опираясь исключительно на международное право и «консолидированное» мнение международного сообщества. Они твердо уверены в том, что Иран должен рассчитывать исключительно на свои собственные силы, и склонны рассматривать США как державу, которая утрачивает свои позиции на Ближнем Востоке. В тоже время они выступают против гражданской войны в Ираке и его расчленения, понимая, что это тупик в разрешении ближневосточного кризиса. С другой стороны, неспособность арабских лидеров противостоять Вашингтону делает их заложниками американской ближневосточной политики со всеми ее плюсами и минусами.

В условиях роста антиамериканских настроений в регионе среди масс арабского населения и значительной части ближневосточных элит усиливаются ожидания нового типа лидера, способного противостоять диктату Америки, обуздать Израиль и отстоять интересы широких слоев мусульманского населения. Поэтому было бы вряд ли уместным считать их фанатиками. Скорее они прагматики с ярко выраженной идеологической составляющей, стоящие на позициях исламского национализма. Не даром, как утверждают осведомленные иранцы, М. Ахмедиенежад одинаково высоко ценит имама Хомейни — духовного лидера исламской революции и Г. А. Насера, воплощающего собой символ арабского национализма. Отсюда резкие заявления иранского президента в адрес Израиля и США, которые провоцируют Америку на конфронтацию и способствуют сохранению отрицательного отношения к Ирану среди ведущих членов мирового сообщества. Возможно, такая тактика выглядит оправданной в

краткосрочном плане, особенно на этапе мобилизации всех внутренних сил страны в целях скорейшего выполнения ядерной программы Тегерана. Однако с точки зрения долгосрочных интересов Ирана как будущей супердержавы на Ближнем Востоке она скорее способна загоризонтировать решение поставленной задачи. С учетом же тупиковой ситуации, в которой оказались США в Ираке такая политика чревата большими рисками для нормального продвижения ядерной программы, без выполнения которой невозможно достигнуть амбициозных внешнеполитических целей ИРИ на Ближнем Востоке и в Центральной Азии.

Действительно, сегодня Иран нуждается в том, чтобы его внешняя политика лучше бы отвечала происходящим на Ближнем Востоке изменениям и более адекватно учитывала потенциальную роль Америки в грядущих переменах. В этой связи особый интерес представляет новая политическая группа, формирующаяся во властных иранских структурах в качестве самостоятельной политической силы. Как и Ахмединачад эта группа стоит на консервативных позициях и находится на правом спектре иранского политического поля. Однако, в отличие от самого президента и его сторонников, ее представители более прагматичны и стоят на позициях национального исламизма. То есть видят в исламе не цель, а средство для достижения сугубо национальных задач. К числу лидеров этой группы можно отнести — А. Лариджани главу Высшего совета национальной безопасности Ирана (ВСНБ), А. Мохтаджи — командующего ВМС ИРИ, Э. Зархани- главу иранской радиовещательной корпорации.⁸ По их мнению, если Иран хочет стать ведущей региональной державой на Ближнем Востоке, то ему придется сделать свою политику более прозрачной, а поведение более предсказуемым, отказаться от демонстрации своей силы и больше прислушиваться к мнению международного сообщества. За два последних года многие члены этой группы укрепили свои позиции в ВСНБ, разведке и армии. Они также связаны с высшим иранским духовенством, в том числе с верховным лидером ИРИ и стремятся оказывать все возрастающее влияние на формирование внешней политики Ирана. Поражение Ахмединачада и его сторонников на муниципальных выборах в декабре 2006 г. расширило социальную базу поддержки данной группы, поскольку означало не столько победу реформаторского движения, сколько разочарование части средних слоев и молодежи во внешней политике президента.

Политики этого направления полагают, что региональное господство ИРИ на Ближнем Востоке сегодня нельзя осуществить без нормализации отношений с США. По их мнению, несмотря на то, что Америка настроена явно враждебно по отношению к Ирану, это не означает, что надо отказываться от диалога с теми представителями политической и деловой американской элиты, которые выступают за налаживание отношений с Исламской республикой.

Как и Ахмединежад они также считают, что позиции США на Ближнем Востоке сегодня значительно ослабли. Но в отличие от идеологизированной группы президента стараются опираться на рациональный подход в оценке американских перспектив в регионе. Они справедливо полагают, что США достаточно сильны, чтобы суметь серьезно ограничить политическим или военным путем рост иранского влияния на Ближнем Востоке. Сторонников такого подхода вряд ли стоит уподоблять ливийскому полковнику Каддафи и рассчитывать на то, что Иран добровольно откажется от своей ядерной программы. Однако представители этой группы считают, что большая гибкость в отношениях с США способна помочь Ирану укрепить свое влияние в регионе и, возможно, продолжить реализацию иранской ядерной программы на определенных условиях.

В свою очередь и США приходится считаться с вновь формирующимися региональными реалиями на Ближнем Востоке. За последние 4 года пребывания в Ираке имперские амбиции американской администрации несколько поубавились. В американских политических кругах становятся все более заметными прагматичные подходы в отношении ИРИ и более реалистичные оценки событий, происходящих в этой мусульманской стране. В этой связи в некоторых субъектах внешнеполитической деятельности США усиливаются настроения в пользу нахождения возможностей для налаживания диалога с прагматичным крылом в иранском руководстве, что может позволить в конечном итоге попытаться восстановить дипломатические и экономические связи с Исламской республикой. В этом случае США могли бы более эффективно воздействовать на изменение внешней и внутренней политики ИРИ, увеличивая шансы «рационалистов» постепенно отстранить от власти в Исламской республике радикальные элементы. Ирак служит сегодня основным полем пробы силы и тестирования позиций различных политических групп, как в США, так и в Иране. Действительно, проблема урегулирования в Ираке является одним из важнейших аспектов ирано-американских отношений на Ближнем Востоке.

ВнекоторыхполитическихкругахИранаиСШАвсебольшеприходят к выводу, что американская оккупация Ирака препятствует политическому прогрессу в этой стране, и что единственным путем стабилизации в Ираке является вывод американских войск из этой арабской страны. Нынешний уровень иранского влияния в Ираке не позволяет игнорировать роль ИРИ в процессе иракского урегулирования. Несмотря на то, что Иран продолжает поддерживать своих сторонников шиитов в Ираке и вооружать их, а США пытаются активно этому противостоять, у Америки и Исламской республики есть и общие цели в Ираке. Как и США, Иран заинтересован в сохранении единства Ирака и недопущении эскалации там гражданской

войны. ИРИ полагает, что наиболее оптимальным путем для реализации иранских интересов в Ираке являются выборы, в результате которых, как надеются в Иране, позиции иракских шиитов в органах власти еще больше окрепнут. Дееспособное иракское государство сумеет нейтрализовать суннитское сопротивление и облегчит вывод американских войск. Ирано-американское сотрудничество будет способствовать стабилизации в Ираке и поможет обуздать дальнейшую эскалацию напряженности в Персидском заливе. Со своей стороны ряд влиятельных американских политиков считают, что как только США признают иранское влияние в Ираке и договорятся с ИРИ о рамках совместных действий по урегулированию ситуации в этой стране, США смогут более обоснованно выдвигать Ирану свои требования и более успешно добиваться их выполнения иранской стороной. Наиболее сложным аспектом в отношениях США и ИРИ является палестино-израильское урегулирование, в котором Иран явно поддерживает «Хамас» и те силы, которые американцы считают террористическими, и отказывается признать Израиль. Поддержка Ираном «Хамас» и «Хизбаллы» позволяет ему влиять на процесс арабо-израильского урегулирования. После войны в Ливане летом 2006 г. влияние Ирана на процесс ближневосточного урегулирования еще больше окрепло. Однако внешняя политика ИРИ никогда не была статичной и отличалась определенной гибкостью в зависимости от складывающейся внутриполитической обстановки и изменений на международной арене.

С учетом тупиковой ситуации, в которой сегодня оказался Иран в связи с продвижением своей ядерной программы, есть основания ожидать, что Тегеран может пойти на определенные размены с США в переговорах по Ираку и другим конфликтным точкам Ближнего Востока. Тем более что еще летом 2006 г. Тегеран дал ясно понять США и ЕС, что готов к долговременному сотрудничеству в вопросах безопасности в политических, экономических и энергетических сферах с целью достижения стабильности на Ближнем Востоке. Но тогда после недавней смены власти в Иране и прихода к управлению страной крайне радикального М. Ахмединежада соглашение не состоялось.

Сегодня того, пока кому пути пойдет дальнейшее развитие событий в Ираке во многом зависит ход событий в Ливане и Палестине. В случае если Вашингтону и Тегерану удастся нащупать пути к взаимопониманию по иракской проблеме, то им станет значительно проще искать общие знаменатели к проблеме урегулирования в Ливане и Палестине. Тегерану придется пересмотреть свой жесткий подход в отношении к мирному процессу на Ближнем Востоке и оказать определенное влияние на «Хамас» и «Хизбаллу» с тем, чтобы попытаться убедить их лидеров сыграть более конструктивную роль во внутриливанском диалоге и занять более гибкую позицию в отношении признания Израиля. США же со своей стороны

придется пересмотреть свой жесткий подход в отношении Сирии и начать играть более конструктивную роль в процессе арабо-израильского урегулирования, перестав удерживать Израиль от возобновления мирных переговоров с Сирией и признать «Хамас» и «Хизбаллу» в качестве субъектов политического процесса в Ливане и Палестине.

Состоявшаяся 10 марта 2007 г. в Багдаде международная мирная конференция по урегулированию в Ираке с участием США, Ирана, Сирии, других региональных соседей Ирака и постоянных членов СБ ООН это лишь пробный шар в деле налаживания американо-иранского диалога на Ближнем Востоке. Пока же Иран остается для США частью проблемы, а не решения ближневосточной головоломки. Иран же продолжает настроенно и враждебно относиться к действиям США в регионе, усматривая в них скрытую опасность и подвох для своих региональных интересов.

¹ Аль-Кифах Аль-Арабий, 21.01. 2006

² Ас-Сафир, 20.02.2006

³ Аль-Баян, 21.01.2006

⁴ Аль-Кифах Аль-Арабий, 20.02.2006

⁵ The New York Times, 29.01.2007

⁶ Аль-Джазира, 04.03.2007.

⁷ Foreign Affairs, March-April,2007

⁸ Там же.

2. Сирия—Иран: основные направления стратегического партнерства

*Л.М. Кулагина,
В.М. Ахмедов*

Сирийско-иранское сотрудничество продолжается уже свыше четверти века. В его основе лежит общность позиций по ключевым проблемам Ближнего Востока. Несмотря на внутривнутриполитические трансформации в обеих странах и изменения обстановки вокруг них, отношения между Дамаском и Тегераном только окрепли и приобрели партнерский, дружественный характер. Они базируются на основе общих арабо-мусульманских интересов в деле обеспечения собственной безопасности и стабильного развития в сложных политических условиях в регионе. Внешнеполитические позиции двух стран объединяет неприятие гегемонистских планов США по переустройству Ближнего Востока, противостояние израильской оккупации Палестины и других арабских территорий. Сирия и Иран имеют схожие позиции по важнейшим проблемам Ближнего Востока и путям их решения. Иран учитывает позицию Сирии в ходе любых переговоров о будущем Ливана. Обе страны готовы расширить сопротивление планам США и их союзников в Ираке, с тем, чтобы ускорить вывод американских войск из этой арабской страны. Важным элементом сирийско-иранских отношений служит обмен визитами на высоком уровне на постоянной основе. Подобная практика помогает укреплять взаимодействие по наиболее острым проблемам региона и своевременно корректировать возникающие вопросы в двусторонних отношениях. С другой стороны заявления, которые руководители двух стран делают во время подобных визитов, могут дать достаточно ясное представление о том, какими бы иранские и сирийские лидеры хотели бы представить своей и зарубежной общественности характер взаимоотношений Ирана и Сирии, их позиции и основные направления сотрудничества. Так, во время визита сирийского президента Асада в феврале 2007 г. В Тегеран, духовный лидер ИРИ А. Хаменеи заявил, что Иран и Сирия служат друг для друга «стратегической глубиной».¹ Стратегический характер двустороннего сотрудничества также был подчеркнут президентом ИРИ Ахмединежадом во время его встречи с премьер-министром Сирии Н. Отри в Иране в марте 2007 г. Тогда Ахмединежад заявил, что Ирак и Сирия имеют общих врагов, что предполагает хорошую координацию совместных действий по противодействию вражеским планам. Подобная координация, по словам иранского президента, достигается за счет максимального углубления двусторонних отношений.² Со своей стороны Асад заявил в феврале 2007 г. в Тегеране, что укрепление отношений между Тегераном и Дамаском

чрезвычайно важно для решения проблем исламского мира, а также для развития Ирана и Сирии.³ Более того 11 февраля 2007 на приеме по случаю годовщины исламской революции в посольстве ИРИ в Дамаске, премьер-министра САР Н. Отри подчеркнул, что стратегическое сотрудничество между Сирией и Ираном и координация действий двух стран служат единственным путем для того, чтобы справиться с давлением и нападками со стороны Запада.⁴

Близость отношений между САР и ИРИ особенно заметно прослеживалась во время последнего визита Ахмедибежада в Дамаск в июле 2007 года. За последние годы у иранского президента сложились доверительные отношения с сирийским президентом. Визит Ахмедибежада совпал с началом второго президентского срока Б. Асада. Особую значимость этому визиту придавало также и то обстоятельство, что он проходил в первую годовщину начала второй ливанской войны 2006 г. Во время этих событий Сирия и Иран выступили единым фронтом в поддержку ливанского сопротивления, сорвав, таким образом, планы США в использовании Израиля для решения силовым путем проблемы ливанской «Хизбаллы», палестинского «Хамаса», Сирии и Ирана. В совместном коммюнике по итогам переговоров президентов Сирии и Ирана обе стороны выразили удовлетворение высоким уровнем двусторонних отношений. Также было подчеркнуто, что складывающаяся ситуация на Ближнем Востоке потребует от САР и ИРИ большей координации действий в противостоянии планам США и Израиля, несмотря на разницу в подходах к решению ряда региональных проблем.⁵ Были также подтверждены все ранее достигнутые договоренности в вопросах двустороннего сотрудничества, в том числе и военно-технической сфере. Важным содержанием этой встречи стала совместная отработка методов и средств противодействия американско-израильским планам переустройства так называемого Большого Ближнего Востока — от Марокко до Афганистана с тем, чтобы сорвать их реализацию и не дать США возможности политически изолировать Сирию и Иран на Ближнем Востоке.

В основу сирийско-иранских переговоров на высшем уровне были положены оценки складывающейся в регионе ситуации и перспектив ее развития, сделанные рядом исследовательских центров Сирии и Ирана. Их суть сводится к тому, что дипломатический путь разрешения острых региональных проблем не приносит желаемых результатов в условиях жесткого политического и силового прессинга со стороны США и Израиля, а также внутренней слабости и нерешительности ряда арабских стран, подающихся американскому давлению. В итоге в регионе не удастся создать условий, которые смогли бы обеспечить в перспективе позитивные и качественные изменения в ближневосточном политическом процессе. Это, прежде всего, касается вопросов, связанных

с мирным разрешением иранской ядерной проблемы, урегулированием ситуации в Ираке, окончанием противоборства конфликтующих сторон в Ливане, созданием неразрывного палестинского государства. Особую озабоченность сирийского и иранского руководства вызывает ситуация в Ливане накануне предстоящих в сентябре выборов президента. Противостояние между правительством и парламентским большинством не только не ослабло, а, наоборот, усиливается по мере приближения сроков выборов. Французские посреднические усилия не приносят пока позитивных результатов. Это происходит в основном из-за позиции США, которые стремятся решить ливанский кризис исключительно в интересах, своих союзников в ливанском правительстве и парламенте. При этом американские представители в Бейруте открыто вмешиваются во внутриливанские политические дела, пытаются изолировать оппозицию и лишить ее права на участие в определении будущего политического устройства Ливана. Таким образом, эксперты двух стран приходят к выводу, что поскольку ситуация «ни войны, ни мира» долго длиться не может, а уходящая американская администрация не склонна к диалогу, а, наоборот, стремится усилить давление на Сирию и Иран, необходимо активизировать подготовку к возможному началу крупномасштабных военных действий на Ближнем Востоке с тем, чтобы оказать достойный отпор США и Израилю, а при случае попытаться использовать ситуацию в свою пользу. Визит Ахмединежада в САР, его переговоры с Асадом и встречи с руководством ливанской «Хизбаллы» и палестинского «Хамаса» опрокинули все расчеты на то, что Дамаск может начать отходить от Ирана или попытаться ослабить уровень своих отношений с Тегераном. Подобные соображения высказывались в ряде публикаций некоторых исследовательских центров США, Израиля и Саудовской Аравии.⁶

В тоже время в Сирии и Иране понимают, что такое тесное военно-политическое сотрудничество двух стран не подкрепленное адекватным уровнем развития экономических отношений не может быть достаточно устойчивыми, особенно в столь непростой региональной ситуации. Поэтому сирийские и иранские экономические ведомства в настоящее время разрабатывают ряд новых и важных проектов в ключевых отраслях экономики САР, направленных на расширение торгово-экономических связей Сирии и Ирана.

В отличие от сирийско-иранских политических отношений, которые активно развиваются с начала 1980-х гг., торгово-экономическое сотрудничество между Сирией и Ираном началось лишь в 1995 г. с ноты о взаимопонимании. На сегодняшний день по данным сирийского министерства экономики и торговли торгово-экономические связи двух стран регулируются более чем 40 отдельными договорами и

соглашениями, которые определяют порядок сотрудничества сирийских и иранских организаций и компаний в различных отраслях экономики, торговле, строительстве, транспорте, связи, туризма. Недавно подписаны соглашения о сотрудничестве в научно-технической, административной, таможенной, финансовой сферах, совместной разработке и добыче нефти в Сирии, сооружении энергетических проектов.⁷ По оценке ряда сирийских экономистов, такой широкий спектр развития экономических отношений между двумя странами стал возможным в результате экономических успехов, достигнутых в ИРИ. за последние два десятилетия. Действительно, за этот период Иран добился положительных сдвигов в развитии ряда ключевых секторов экономики: отраслей тяжелой промышленности, тонких технологических производств, энергетики, медицины, электронике, нефтехимии. После победы исламской революции иранское руководство стремилось осуществить качественный сдвиг в национальной экономике, которая строилась по принципу централизованного планирования и госрегулирования. Иранское правительство поддерживало цены на основные продукты питания и потребительские товары, чтобы избежать инфляции. В целях обеспечения продовольственной безопасности иранские власти уделяли много внимания развитию сельскохозяйственных производств, освоению новых посевных площадей, строительству плотин и водохранилищ. Это привело к увеличению доли сельского хозяйства в ВВП. С другой стороны, промышленное производство стало одним из основных секторов экономики. Особое внимание уделялось созданию собственной автомобильной промышленности и станкостроению, развитию экспортных производств, чтобы снизить зависимость от нефти и газа в структуре иранского экспорта, которая сегодня составляет 75%. В Сирии внимательно следят за развитием иранской экономики и учитывают иранский экономический опыт.⁸ Особое внимание Дамаск уделяет тому факту, что в результате проводимых в Иране экономических реформ многие иранские товары стали конкурентно способными. Дамаск также заинтересован в использовании некоторых иранских технологических разработок для развития собственной экономики. К тому же Иран готов открыть свои рынки для экспорта ряда наименований сирийских товаров, что может дать дополнительный толчок развитию местных сирийских производств. Пока речь идет в основном об экспорте некоторых видов сельскохозяйственной продукции САР, продукции ряда отраслей текстильной, бумажной, деревообрабатывающей промышленности. При условии необходимой поддержки со стороны государства эти сирийские товары могут быть вполне конкурентно способными на иранском рынке.

Однако, несмотря на то, что история торговых отношений между Ираном и Сирией восходит к временам «шелкового пути», географическую

близость двух стран, общность культур и социальных связей, обычаев и вкусов товарооборот двух стран по-прежнему остается весьма незначительным. Структура сирийского экспорта в Иран практически не меняется на протяжении последних десятилетий. Сирия ограничивается поставками в Иран в основном хлопка, скота, моющих препаратов, растительных масел и некоторых продуктов питания. В то же время иранский импорт в САР более диверсифицирован, а его состав значительно динамичнее. Иран экспортирует в Сирию широкую номенклатуру товаров, начиная от фисташек и заканчивая автомобилями. В структуре иранского экспорта достаточно велика доля техники, разнообразного промышленного оборудования.⁹ Двусторонние торговые отношения между Сирией и Ираном регулируются торговым соглашением, подписанным еще 16 марта 1996 г. и законом № 241 от ноября 1997 г. В начале 2006 г. Иран и Сирия подписали соглашение о предоставлении режима наибольшего благоприятствования в двусторонней торговле. Однако оно до сих пор не вступило в силу. Для того чтобы ускорить процесс вступления в действие этого соглашения во время визита сирийского премьер-министра в ИРИ в начале 2007 были подписаны ряд дополнительных документов, регламентирующих двустороннюю торговлю.¹⁰ Несмотря на это торговля с Ираном имеет для Сирии отрицательный баланс. Так если Иран экспортировал в САР в 2004 г. товаров на сумму в 55 млн. долл., то Сирия в ответ смогла поставить в Иран товаров на сумму около 3 млн. долл. Таким образом, сирийский импорт в Иран был в десятки раз меньше сирийского экспорта и составил 1% всего товарооборота САР.¹¹ По данным министерства экономики и торговли САР общий объем товарооборота двух стран в 2005 г составил 100 млн. долларов. В 2006 г. этот показатель удвоился и составил 200 млн. долларов. Такой значительный рост объясняется, прежде всего, увеличением размера иранских капиталовложений в сирийскую экономику и частичным осуществлением некоторых иранских проектов в Сирии. По мнению ряда сирийских экономистов, одной из причин слабости и разбалансированности торговли двух стран служит высокая стоимость транспортных расходов. Транспортировка значительной доли товаров осуществляется через турецкую территорию. По некоторым данным, стоимость провоза тонны товара составляет около 100 долл. В этой связи иранские и сирийские специалисты изучают возможность строительства железной дороги через территорию Ирака, которая свяжет Дамаск и Тегеран и поможет удешевить накладные расходы. Несмотря на это, в последние два года отмечается значительное оживление торгово-экономических связей между Сирией и Ираном, что связано с укреплением двусторонних политических связей и выведением их на уровень стратегических отношений. Так, в 2006 г. САР и ИРИ заявили о планах роста товарооборота до 500 млн. долл. и

увеличения объема иранских капиталовложений до 5 млрд. долл. до 2009 г. Для реализации этих планов была создана совместная сирийско-иранская комиссия под руководством министра экономики САРА. Лутфи и министра строительства ИРИ М. Саиди. Изучаются возможности создания зоны свободной торговли с Ираном. Иранская сторона добивается упрощения процедуры заключения контрактов с сирийскими партнерами и большей прозрачности в оформлении торговой документации. По мнению ряда иранских экспертов, большая ясность в оформлении документов финансового характера и порядка налогообложения ускорили бы реализацию совместных торговых проектов. Одновременно предлагается ускорить работы по упорядочиванию взаимного налогообложения. Предлагается также предоставить большую свободу частному сектору двух государств в вопросах развития торгово-экономического сотрудничества.

Общий объем иранских капиталовложений в сирийскую экономику составляет на сегодняшний день около 1 млрд. долларов. Особое внимание Иран уделяет инвестициям в такие отрасли сирийской экономики как энергетика, водоснабжение, добыча нефти и газа, транспорт и связь. Недавно Иран выдвинул ряд предложений по новым инвестиционным проектам в САР, которые представляют собой дополнительный шаг в расширении сирийско-иранского сотрудничества в различных областях экономики. Среди них строительство завода по производству цемента стоимостью 200 млн. долл. и производственной мощностью до 1 млн. тонн цемента в год. Начались работы по сооружению двух зернохранилищ в Хасаке, в рамках проекта создания 10 зернохранилищ емкостью до 100 тысяч тонн каждое. Ведутся работы по модернизации электростанции в Баньясе стоимостью 60 млн. долл. Среди новых иранских проектов строительство завода «Сиамок» по производству автомобилей стоимостью 60 млн. долл. В этом проекте участвуют государство и частный сектор. Ведутся работы по проекту сооружения другого автозавода в Хомсе. Готовится техническая документация на строительство крупнейшего на Ближнем Востоке стекольного завода. Разрабатываются проекты создания новых нефтеперерабатывающих заводов в САР. Стоимость подписанных контрактов на выполнение проектов в энергетической сфере достигает 150 млн. долл.¹² Разрабатываются также очень важные проекты строительства ниток нефтепроводов из Ирана в Сирию и линии электропередач через иракскую территорию. Однако, большинство этих проектов остается на бумаге и пока не находит практического воплощения. Основным препятствием скорейшей реализации этих проектов является задержка с окончательным изучением деталей их исполнения, недоконца разработанной законодательной базой, отсутствием внятных договоренностей по взаимовыгодным инвестиционным условиям. По мнению сирийской

стороны, успешное разрешение указанных вопросов могло бы быть достигнуто путем создания специальных технических комиссий, которые бы занялись поиском совместных решений возникающих разногласий. В Сирии также считают, что иранским партнерам следовало бы ускорить выполнение проектов по ранее заключенным контрактам и уделять больше внимания качеству выполняемых работ. Например, объем работ по строительству цементного завода в Хаме, открытие которого намечалось еще 2 года назад, выполнен сегодня только на 70%. Пробуксовывает и строительство первого автозавода в Сирии.¹³

В то же время, согласно официальным сирийским данным к июлю 2007 г. были выполнены ряд проектов. Удалось частично завершить строительство нефтеперегонного завода в Баньясе. Общая сумма выполненных работ составила 8 млн. долл. Построены электростанции в ряде сирийских городов на 20 млн. долларов. Завершен проект орошения полей в Халебе стоимостью 12 млн. долларов. Построен завод по переработке масел в провинции Дамаск на сумму 7 млн. долл. Из проектов находящихся в стадии выполнения можно упомянуть запуск новой электростанции в Баньясе и ее подсоединение к общей электросети. Общая стоимость этого проекта составляет 60 млн. долларов. Выполнен значительный объем работ по созданию трансформаторских подстанций высокого напряжения в ряде сирийских городов.¹⁴ Экономический советник посольства ИРИ в САР М. Муртада считает, что в ближайшие месяцы будет открыт завод по производству автомобилей «Сидико» в Хомсе стоимостью в 50 млн. долл. Это совместный проект частного сектора двух стран, в котором доля САР составляет 20%, а Ирана — 80%. В ближайшее время должно, наконец, состояться открытие цементного завода в г. Хаме. Сегодня ведутся переговоры о совместном проекте по сооружению на сумму 600 млн. долл. электростанции в Сувейде и строительстве сирийско-иранского завода по производству автозапчастей, строительстве нефтеперегонных установок, завода молочной продукции. Также обсуждаются проекты по строительству 10 зернохранилищ в Хасаке, Халебе, Хаме, провинции Дамаск, Раке на общую сумму в 208 млн. долл. Одним из важнейших проектов стоимостью в 30 млн. долларов, которому Сирия и Иран уделяют особое внимание является строительство водоканала для отвода воды из Маскене в южные районы Халеба для орошения больших сельскохозяйственных площадей. Ожидается, что этот проект будет выполнен в течение следующего года.¹⁵ Для Сирии этот проект особенно важен в условиях недавних перебоев с электроэнергией в северных районах страны. Дамаск обеспокоен нехваткой собственных водных ресурсов в связи с продолжающейся оккупацией Израилем Голанских высот и планам Турции по сооружению плотины Ататюрка в верховьях Тигра и Евфрата. Наряду с развитием

торгово-экономических связей между Ираном и Сирией расширяются и двусторонние контакты в области туризма. Богатая история и культура Сирии привлекает в эту арабскую страну множество иранских туристов. Ежегодно 500 тысяч иранцев посещает Сирию.¹⁶

Иран и Сирия развивают сотрудничество и в научной сфере. Во время визита в САР в июле 2007 г. иранский министр науки и технологий М. Захеди встретился с сирийским премьер-министром Н. Отри и обсудил пути расширения научного сотрудничества, проведение совместных исследований и обмена технологиями.¹⁷ М. Захеди также встретился с президентом Дамасского государственного университета (ДГУ) В. Муалла и выразил готовность иранской стороны оказать помощь ДГУ во всех областях науки и технологии. Захеди объявил о планах создания иранского университета в САР, как международного филиала Тегеранского университета, где будут преподавать иранские и сирийские ученые.¹⁸

Политические и экономические отношения между Сирией и Ираном и их стратегическое сотрудничество способствуют развитию разносторонних связей между двумя государствами. Наряду с целым пакетом соглашений в торгово-экономических, культурных, научно-технических областях, большое значение имеет материальная и техническая поддержка Ираном военного потенциала Сирии, как своего главного партнера и союзника на Ближнем Востоке.

Наряду с обменом визитами на высшем уровне в последнее время участились контакты представителей военных ведомств двух стран. В ходе неоднократных встреч военных делегаций САР и ИРИ были достигнуты соглашения по вопросу углублению военно-технического сотрудничества (ВТС) и подписаны ряд соответствующих протоколов.* В подписанном Сирией и Ираном в 2006 г. соглашении шла речь о финансировании Ираном закупок Сирией оружия в России, Китае, Украине и об обучении сирийских офицеров в Иране. В ответ Дамаск обещал продолжить предоставлять свою территорию в качестве транзита для поставок оружия из Ирана «Хизбалле» в Ливане. Иран выразил готовность профинансировать закупку у России современных истребителей и ряда необходимых компонентов для укрепления сирийские средства ПВО. САР также заключила контракт с ИРИ о развитии системы ракетного оружия дальнего радиуса действия, обладающего возможностью поражать цели на израильской территории.¹⁹ В марте 2007 г. Сирию посетила военная делегация из Ирана во главе с министром обороны Неджаром. Во время визита был подписан протокол о

* Проблема сирийско-иранского ВТС периодически поднимается на страницах израильских СМИ и арабоязычных печатных изданий выходящих как в странах Арабского мира, так и за его пределами. Однако авторы данной статьи не берутся подтвердить или опровергнуть точность и объективность приводимых в них данных.

военном сотрудничестве, согласно которому предполагалось предпринять дополнительные меры по развитию и укреплению сотрудничества в сфере совместной обороны и безопасности для поддержания региональной стабильности в интересах двух стран.²⁰ Во время визита Неджар заявил, что Иран готов предоставить все свои оборонительные возможности в распоряжение САР, а также окажет помощь в сфере производства вооружений и укреплении оборонительных возможностей Сирии. Неджар также ознакомился с военными и промышленными объектами Сирии.²¹ Министр обороны САР Х. Туркмани подчеркнул, что отношения двух стран носят стратегический характер и их действия направлены на развитие сотрудничества двух армий и укрепление оборонительных возможностей, чтобы сорвать заговоры врагов, направленные на подрыв позиций Ирана и Сирии в регионе.²² В апреле 2007 г. военная делегация Сирии провела переговоры с министром обороны ИРИ и командующим КСИР. В декабре 2006 г. в арабоязычной прессе появилась информация о планах создания в Сирии базы КСИР.²³ Делегация посетила также военные базы на территории ИРИ и ознакомилась с военными возможностями Ирана.²⁴

Действительно Сирия и Иран заинтересованы в укреплении двусторонних связей. Поскольку любое их ослабление может отрицательно сказаться на сирийско-иранских позициях на Ближнем Востоке, так как может лишить их контроля над такими организациями как «Хизбалла», «Хамас», «Исламский джихад», являющимися важными козырями в региональной политике САР и ИРИ. Во время последнего визита иранского президента в САР в июле 2007 г., о котором говорилось выше, его сопровождала высокопоставленная военная делегация во главе с министром обороны ИРИ М. Неджаром, в состав которой входили более 20 офицеров иранского Генштаба и КСИР.²⁵ Во время этого визита Ахмединежад и Асад подписали протокол об укреплении стратегического сотрудничества между Ираном и Сирией. На совместной пресс-конференции Ахмединежад заявил, что Иран и Сирия были, есть и всегда будут союзниками и партнерами. Они представляют мощный объединенный фронт против США и Израиля, — подчеркнул иранский президент.²⁶

Таким образом, в последнее время сотрудничество между Сирией и Ираном существенно окрепло и расширилось в различных областях, включая ВТС, безопасность, экономику и научно-техническую сферу. Сирийско-иранские отношения являются важным компонентом современной политической ситуации на Ближнем Востоке и без их учета вряд ли возможно прогнозировать перспективы развития межгосударственных отношений в регионе и создания системы безопасности на Ближнем Востоке.

¹ Кейхан, 19.02.2007.

² IRNA. 19.07.2007

- ³ Teheran Times, 18.02. 2007
- ⁴ Тишрин, 12.02.2007
- ⁵ САНА, Reiter's, 19.07.2007
- ⁶ САНА, 19.07. 2007
- ⁷ Тишрин, 12.07.2007
- ⁸ САНА, 19.07. 2007
- ⁹ Тишрин, 12.07.2007
- ¹⁰ САНА, 19. 02. 2007
- ¹¹ Nobelnews, 17-19. 07. 2007
- ¹² Там же
- ¹³ Там же
- ¹⁴ САНА, 19.07.2007
- ¹⁵ Там же
- ¹⁶ Там же
- ¹⁷ IRNA, 10.07.2007
- ¹⁸ САНА, 10.07.2007
- ¹⁹ Ар-рая Аль-катарийя, 01.08. 2007
- ²⁰ IRNA, 12.03.2007
- ²¹ Тишрин, 13.03.2007
- ²² Ан-Нахар, 11.03. 2007
- ²³ Аш-Шарк Аль-Аусат, 22.12.2006
- ²⁴ IRNA,21.04.2007
- ²⁵ Al-Markaziya News Agency, 23.07.2007
- ²⁶ Mehr, 20.07.2007

3. Отношения между государствами-членами ССАГЗ и Ираном

Е.С. Мелкумян

Для государств-членов Совета сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ) отношения с Ираном представляют особое значение. Это обстоятельство определяется тем, что это государство, обладающее значительной численностью населения, большими запасами энергетического сырья, и влиянием в мусульманском мире в качестве государства с исламской формой правления, занимает одно из ключевых мест в регионе Персидского залива.

Зона Персидского залива традиционно была полем противоборства трех ведущих региональных держав — Ирана, Ирака и Саудовской Аравии. После свершения Исламской революции и провозглашения Исламской республики Иран (ИРИ) соседние арабские страны — члены региональной организации Совет сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ) стали объектом курса ИРИ, направленного на «экспорт исламской революции». Положение было еще более обострено в ходе восьмилетней ирано-иракской войны (1980–1988 гг.), когда некоторые страны-члены (Саудовская Аравия и Кувейт) оказали большую финансовую и политическую поддержку Ираку. Однако государства Совета сотрудничества стремились к прекращению войны, которая была источником региональной нестабильности, и предпринимали посреднические шаги, направленные на достижение этой цели.

Осуждение Ираном агрессии, совершенной Ираком в 1990 г. против Кувейта, способствовало нормализации обстановки в регионе и урегулированию ряда противоречий, существовавших между Ираном и Саудовской Аравией, а также членами возглавляемого ею ССАГЗ. Страны Совета сотрудничества установили с Ираном добрососедские связи после того, как их позиции были сближены общим противостоянием Ираку.

Тем не менее, между Ираном и Саудовской Аравией традиционно существовали сложные отношения. Эти два государства продолжают оставаться соперниками не только в борьбе за региональное лидерство, но и за ведущие позиции в мусульманском мире. Кризис в ирано-саудовских отношениях наступил летом 1987 г., когда произошли кровавые столкновения во время хаджа в Мекке между иранскими паломниками и силами безопасности Саудовской Аравии. Эти столкновения привели к многочисленным человеческим жертвам. Эр-Рияд установил квоты для всех государств, участвующих в хадже. Это вызвало резкие протесты Ирана. В 1988 г. Иран бойкотировал участие в паломничестве из-за несогласия с выделенной ему квотой. В марте 1988 г. дипломатические отношения

между Ираном и Саудовской Аравией были разорваны из-за осложнений, связанных с организацией хаджа. Они были восстановлены только после кризиса 1990–1991 гг.

В 1990 г. иранские власти неоднократно выражали пожелание упрочить связи с Эр-Риядом. Саудовская Аравия, со своей стороны, делала определенные шаги навстречу Ирану. В 1999 г. состоялся официальный визит иранского президента Хатами, избранного в мае 1997 г., в Саудовскую Аравию. Саудовское руководство приветствовало укрепление отношений с Ираном. Министр иностранных дел королевства принц Сауд Аль-Фейсал в интервью, опубликованном в саудовской прессе, заявил, что «обе стороны будут и дальше прилагать усилия к тому, чтобы ликвидировать все препятствия, стоящие на пути созидания образцовых отношений между Ираном и других государств региона, потому что мы разделяем общую судьбу».¹

Другие государства ССАГЗ также были заинтересованы в развитии отношений с Ираном. На совещании глав государств Совета сотрудничества, состоявшегося в декабре 1997 г. в Кувейте, лидеры входящих в ССАГЗ стран подчеркнули, что они надеются на то, что будут свидетелями позитивного развития отношений между их странами и Ираном, направленного на создание атмосферы взаимного доверия и укрепления связей на прочной основе, обеспечивающей безопасность и стабильность в регионе.² В то же время они продолжали считать иранскую политику недостаточно последовательной и предсказуемой.

Принципиально новая ситуация возникла после военной операции коалиционных сил под эгидой США в Ираке и падения режима С. Хусейна. Хотя и Иран, и арабские страны Персидского залива поддержали смену режима, их отношения к действиям коалиционных сил было различным. Антиамериканская политика Ирана лежала в основе его более критического отношения в этом вопросе, хотя позиции Ирана и государств-членов ССАГЗ по вопросу будущего развития Ирака совпадали. Обе стороны поддерживали возвращение независимости и суверенитета Ираку и восстановления его активной роли в качестве участника региональных отношений. Государственные деятели и официальные представители Ирана и государств ССАГЗ подчеркивали свою солидарность с иракским народом в решении им собственной судьбы. Министр иностранных дел Саудовской Аравии принц Сауд Аль-Фейсал выразил отношение всех стран-членов Совета сотрудничества, заявив: «Мы поддерживаем необходимость сохранения единства Ирака, уважения его суверенитета и независимости, а также право иракского народа самому определить свою судьбу и политическое будущее. Страны региона подтверждают свою готовность предпринять любые дипломатические и политические усилия, чтобы добиться ожидаемых целей и создать условия, необходимые

для того, чтобы Ирак играл соответствующую роль, как активный член международного сообщества и строил конструктивные отношения со своими соседями на основе международной законности и международных договоренностей».³

На позиции государств Залива огромное влияние оказал характер предшествующего режима и его региональная политика, результатом которой была восьмилетняя война с Ираном, оккупация соседнего Кувейта и угрозы в адрес Саудовской Аравии и других соседних стран.

Иран совместно с другими государствами региона участвовал в «совещаниях соседей Ирака», которые были призваны оказать помощь процессу нормализации в этой стране. Первое совещание министров иностранных дел соседних с Ираком государств состоялось 18-19 апреля 2003 г. в Эр-Рияде. Оно было посвящено решению проблем региональной безопасности и стабильности, которые обострились в связи с происходившими в Ираке событиями и в дальнейшем требовали совместных действий всех участников региональных отношений. Выступая на совещании, саудовский министр иностранных дел Сауд Аль-Фейсал заявил о необходимости учета той ситуации, которую создала война. Он также подчеркнул, что надо стремиться к тому, чтобы «война в Ираке стала последним актом насилия в регионе». Страны-соседи Ирака выразили свою полную готовность «участвовать в международных усилиях по оказанию гуманитарной помощи народу Ирака, а также в его восстановлении».⁴

Все государства региона Персидского залива (как Иран, так и арабские страны) тесно взаимодействовали с целью обеспечения стабильности в Ираке, которая непосредственным образом сказывалась на региональной ситуации. Однако государства Совета сотрудничества не могут не учитывать объективную заинтересованность Ирана в поддержке политических сил, представляющих интересы шиитской общины Ирака. Например, после проведения 30 января 2005 г. выборов в Ираке специальный представитель министерства иностранных дел Ирана заявил, что «иранские ответственные лица надеются на победу списка шиитских партий, которые пользуются поддержкой со стороны духовного шиитского лидера аятоллы Али Ас-Систани» (Этот список возглавлял Абдель Азиз Аль-Хаким, председатель Верховного совета Исламской революции в Ираке). Цитируемое заявление было опубликовано в издающейся в Лондоне саудовской газете «Аш-Шарк Аль-Аусат», в комментариях которой подчеркивалось, что Верховный совет Исламской революции в Ираке в период правления режима С. Хусейна пользовался политической, финансовой и даже военной поддержкой со стороны Ирана.⁵

На внеочередном саммите ССАГЗ, проходившем в Эр-Рияде 6 мая 2006 г., министр иностранных дел ОАЭ Абдалла бен Заид заявил о том, что никто не должен вмешиваться во внутренние дела иракцев, и подобное

вмешательство возможно только с целью сблизить точки зрения различных политических сил Ирака и добиться их единства. Он также подтвердил, что между Ираном, США и странами Совета сотрудничества были контакты, направленные на улучшение ситуации в Ираке.⁶ Саудовская газета «Аш-Шарк Аль Аусат», которая опубликовала отчет о совещании глав государств Совета сотрудничества, на котором прозвучало это выступление, никак его не комментировала. Но, вполне обоснованно выглядит предположение о том, что Совет сотрудничества выступил в качестве посредника между США и Ираном, пытаясь смягчить позицию США, касающуюся иранского ядерного досье. Такую роль Совет сотрудничества вполне мог бы взять на себя, учитывая важность успешного продвижения политического процесса в Ираке для государств-членов этой организации, которые с момента создания новых органов власти в Ираке оказывали им поддержку, и которые заинтересованы в региональной безопасности, в значительной степени зависящей сегодня от положения в этой стране.

Официальные иранские лица неизменно подчеркивали свою приверженность принципу сохранения единства Ирака и консолидации его населения вне зависимости от национальной или конфессиональной принадлежности. Как подчеркивал бывший президент ИРИ М. Хатами: «Углубление этнических, национальных, конфессиональных и внутривластных разногласий ведет к возникновению проблем в ряде стран». Он также выразил свое удовлетворение тем, что «мусульманские богословы, и сунниты, и шииты заняли единую позицию в отношении Ирака».⁷

Для Ирана принципиально важно установить нормальные добрососедские отношения с Ираком, чтобы избежать возобновления конфликтных отношений, существовавших между ними ранее и сохранить статус-кво в регионе.

На развитие отношений между Ираном и соседними арабскими государствами существенное влияние оказывает еще ряд факторов. Прежде всего, это территориальный спор между Ираном и Объединенными Арабскими Эмиратами (ОАЭ) в отношении принадлежности трех островов в Персидском заливе — Большого и Малого Томба и Абу-Муса. Эти небольшие острова стратегически важны в силу того, что они расположены на стыке морских путей. Официальная точка зрения ОАЭ состоит в том, что Большой и Малый Томб исторически принадлежали входящим в федерацию ОАЭ эмирату Рас-аль-Хейма, а Абу-Муса — эмирату Шарджа. Иран же заявляет о собственных правах на эти острова, считая, что Великобритания в одностороннем порядке отторгла их у него и передала двум эмиратам Договора Омана, составившим затем ОАЭ.

Под давлением Ирана Великобритания предприняла меры, направленные на подписание меморандума между Ираном и Шарджей,

в котором определялась юрисдикция острова Абу-Муса. В соответствии с этим меморандумом Шарджа согласилась на признание юрисдикции Ирана над севером острова при условии, что остальная часть его территории оставалась бы под юрисдикцией этого эмирата. Обе стороны признали 12-мильную зону территориальных вод, окружающих остров.⁸ Однако Ирану не удалось достичь подобного же соглашения с эмиратом Рас-аль-Хейма в отношении островов Большой и Малый Томб. 30 ноября 1971 г. туда были направлены иранские войска, оккупировавшие оба острова. ОАЭ стремились не осложнять отношений с Ираном, надеясь, что в дальнейшем удастся разрешить проблему островов путем переговоров. В 1980-х гг. Ираном на острове Абу-Муса был построен аэропорт и другие военные объекты.

На своем совещании в верхах в декабре 2006 г. страны ССАГЗ призвали Иран признать суверенитет ОАЭ над этими островами, над его воздушным и морским пространством и прилегающей к ним экономической зоной. Страны-члены ССАГЗ выразили свое сожаление по поводу того, что не был достигнут прогресс в решении этой проблемы, которая, по мнению государств-членов ССАГЗ, препятствует укреплению безопасности и стабильности в регионе. Подобная постановка вопроса впервые прозвучала в заявлениях Совета сотрудничества.

Страны ССАГЗ считают необходимым получить согласие Ирана на разрешение этой проблемы мирным путем, на основе двусторонних переговоров.

Другая проблема, волнующая руководителей государств-членов ССАГЗ, связана с возможностью поддержки действующим в регионе Залива террористическим организациям. При этом нужно отметить, что члены Совета сотрудничества редко прибегают к прямым обвинениям в адрес Ирана. Помимо нежелания осложнять отношения с Ираном, эти государства, по-видимому, принимают в расчет и опасность солидаризироваться с США, обосновывающими необходимость бойкота Ирана обвинениями его в поддержке международного терроризма. К примеру, Саудовская Аравия не поддержала стремления Соединенных Штатов обвинить Иран в организации взрыва казармы американских военнослужащих на территории Саудовской Аравии в ноябре 1996 г. Руководители ССАГЗ были также очень осторожны в своих оценках иранского участия в беспорядках, периодически происходивших в 1990-е гг. на Бахрейне. В начале 1995 г. на Бахрейне произошли серьезные беспорядки, закончившиеся человеческими жертвами. Власти возложили вину за это на некую экстремистскую организацию, якобы, поддерживаемую из-за границы. Иран в этой связи не был назван прямо, однако, бахрейнский посол в Иране был отозван для консультаций. Беспорядки на Бахрейне не прекращались. В июне 1996 г. бахрейнские власти обвинили Иран в том, что он поддерживает организацию «Хизбалла — Бахрейн», которая

стремится свергнуть правящий режим. Прямые обвинения в адрес Ирана привели к резкому обострению в ирано-байхрейских отношениях, что вызвало беспокойство соседних государств. Члены ССАГЗ предприняли усилия к их нормализации, поскольку не были заинтересованы в усилении региональной напряженности.

Фактором, влияющим на отношения к Ирану арабских стран зоны Персидского залива, является усиление военного потенциала Ирана. Иран выделял все более значительные средства на производство и закупку современных видов вооружения и военной техники. В 1995 г. ассигнования Ирана на развитие вооруженных сил составили 5% бюджета страны.⁹

Иран расширяет собственную военную промышленность. Он наладил производство многих видов вооружения и военной техники, в том числе ракет, танков и бронетанковой техники. Оснащение ВМС Ирана подводными лодками вызвало особую озабоченность соседних арабских государств-членов ССАГПЗ, которые их не имеют и поэтому считают их поставки в Иран нарушением сложившегося в регионе военно-стратегического баланса сил.

Государства ССАГЗ высказывали опасения и в отношении того, что Иран начал производство баллистических ракет дальнего действия. По утверждению его военных специалистов, «Иран обладает самыми мощными баллистическими ракетами на Ближнем Востоке».¹⁰ Этот факт непосредственным образом связан с тем беспокойством, которое государства ССАГЗ высказывают в отношении иранской ядерной программы. В этой связи члены ССАГЗ неоднократно призывали превратить Ближний Восток, включая и регион Персидского залива, в зону, свободную от всех видов оружия массового поражения, в том числе и ядерного.¹¹

На совещании министров иностранных дел, на котором была подготовлена повестка дня саммита ССАГЗ, состоявшегося в Абу-Даби в январе 2005 г., потенциальная угроза со стороны Ирана была подвергнута его участниками детальному обсуждению. По проблеме иранского ядерного досье мнения участников совещания разделились. Представители некоторых стран считали необходимым включить эту проблему в повестку саммита, другие предлагали заключить соглашение между всеми государствами региона Персидского залива, включая Йемен, о превращении его в зону, свободную от оружия массового поражения. Однако это предложение не было поддержано большинством участников совещания в верхах. В заключительном коммюнике саммита содержался традиционный призыв к объявлению всего Ближнего Востока зоной свободной от оружия массового поражения, что означало, прежде всего, требование к Израилю присоединиться к договору о нераспространении ядерного оружия. В текст заключительного коммюнике также не было включено предложение ОАЭ о том, чтобы потребовать от Ирана гарантий

в обеспечении безопасности соседних стран в связи с введением в эксплуатацию ядерных реакторов в Бушере. В то же время эта проблема не снята окончательно с повестки дня.¹² Так, Генеральный секретарь ССАГЗ Абдель Рахман Аль-Атыйя подтвердил в своем заявлении от 4 декабря 2005 г., что «региону Залива угрожают потенциальные вызовы, связанные с тем, что можно назвать «иранским ядерным упорством», тем более что он находится в нескольких километрах от наших границ».¹³

Для государств-членов ССАГЗ проблема ядерной программы Ирана заключается и с точки зрения безопасности работы атомных электростанций в непосредственной близости от их границ. Они рассматривают реализацию программы атомной энергетики как стремление к региональной гегемонии.

Для государств-членов Совета сотрудничества ситуация, сложившаяся сегодня в отношении ядерной программы Ирана, весьма невыгодна. Из-за нее отношения этой региональной организации с США и странами Европейского Сообщества (ЕС) осложняются, и в случае дальнейшей эскалации напряженности они должны будут занять какую-то определенную позицию.

Разумеется, страны ССАГЗ не будут выступать защитниками Ирана, хотя бы потому, они зависят от США и ЕС в экономическом отношении, и в вопросах поддержания региональной стабильности. Они хотели бы избежать ситуации, когда им надо было бы вставать на сторону США или Ирана. Поэтому министр иностранных дел ОАЭ Абдалла бен Заид охарактеризовал ядерную проблему Ирана, как «вызывающую их тревогу». «Мы смотрим на Иран как на мусульманского соседа. Между нами развиваются, — говорил он, — экономические и политические отношения. Мы прилагаем максимум усилий для того, чтобы упрочить эти отношения. Мы хотим разъяснить, что страны Совета сотрудничества заинтересованы в стабильности Ирана, которая непосредственным образом связана со стабильностью региона Залива».¹⁴

Члены Совета сотрудничества надеются на то, что иранский ядерный кризис будет разрешен путем мирного диалога. Как заявил генеральный секретарь этой организации: «Мы считаем, основываясь на заявлениях официальных лиц Ирана, что ядерные разработки ведутся там в мирных целях. Мы также надеемся, что Иран, как он официально об этом заявил, будет сотрудничать с МАГАТЭ».¹⁵ Руководители Совета сотрудничества проявляют крайнюю осторожность в отношении Ирана. Они хотели бы избежать военного вмешательства со стороны США и всеми способами пытаются воздействовать на Иран для смягчения его позиции.

В заключительном коммюнике саммита ССАГЗ, проходившего в Эр-Рияде в декабре 2006 г., по поводу ядерной проблемы Ирана было заявлено: «У ССАГЗ есть твердые принципы уважения международной

законности и решения всех спорных проблем мирными средствами».¹⁶ Главы Совета сотрудничества вновь подтвердили свой призыв к Ирану решить эту проблему мирным путем. Для этого, по их мнению, Иран должен продолжить переговоры на международном уровне и проявить полную готовность к сотрудничеству с МАГАТЭ.

На Эр-Риядском саммите ССАГЗ также прозвучал призыв к международному сообществу усилить давление на Израиль, чтобы заставить его следовать требованиям международного сообщества в этой области. Должно быть подтверждено правого государств региона на ядерные разработки в мирных целях. Этим правом должны иметь возможность воспользоваться все государства, путем заключения соответствующих международных соглашений. Государства ССАГЗ, обеспокоенные ядерными разработками Ирана, выдвигая идею о превращении всего региона Ближнего Востока в зону свободную от оружия массового уничтожения, по всей вероятности, рассчитывают на поддержку со стороны Лиги арабских государств (ЛАГ), которая рассматривает проблему Ирана в тесной увязке с требованиями к Израилю.

Высший совет выдвинул инициативу провести совместное исследование силами всех стран-членов Совета сотрудничества с целью разработки совместной программы ядерных исследований в мирных целях, в соответствии с международными правилами. Решение этой группы государств начать ядерные разработки, конечно же, связано непосредственным образом с действиями Ирана в этой области. Обладание ядерными технологиями со стороны значительного числа стран Ближнего Востока, несомненно, будет способствовать присоединению к их числу все новых государств и усилению напряженности и нестабильности в регионе.

Сложность в отношениях с Ираном может вызвать и концептуальный подход ССАГЗ к проблеме обеспечения безопасности в регионе, т.к. он основывается на необходимости развивать собственные вооруженные силы, так и укреплять сотрудничество в военной области с внешними, внерегиональными союзниками

На основе единой оборонной стратегии были созданы совместные вооруженные силы ССАГЗ «Щит полуострова». В то же время, учитывая слабость военных возможностей государств-членов организации, были подписаны оборонные соглашения с большинством постоянных членов Совета Безопасности ООН. Наиболее активно страны ССАГЗ развивают военные связи с США и странами Западной Европы, которые являются их традиционными партнерами.

Иран категорически выступает против какого-либо участия внешних сил в процессе обеспечения региональной безопасности

После урегулирования ситуации в Ираке и его активного подключения к участию в решении региональных вопросов можно

предположить, что позиции Ирана в регионе будут ослаблены, так как Ирак, по всей вероятности, будет солидаризироваться по всем региональным вопросам с другими арабскими государствами. Однако Ирану, учитывая его сложное международное положение, крайне важно наладить прочные контакты с государствами региона и развивать с ними сотрудничество в различных сферах, не обостряя существующих противоречий, а, пытаясь найти пути для их разрешения. Как отмечал бывший министр иностранных дел Ирана Харрази, «сотрудничество и участие региональных государств в обеспечении региональной безопасности являются целью иранской внешней политики. Разрядка, доверительные отношения и участие являются нашими основными механизмами осуществления нашей внешней политики в последние годы, что дает положительные результаты».¹⁷ Внешняя политика нового кабинета министров также нацелена на укрепление региональной безопасности. Поэтому логично предположить, что Иран будет стремиться наладить конструктивные отношения со своими соседями по Персидскому заливу.

Kuwait Times, Kuwait, 14.11.1999.

² Аль-Биляд, Абу-Даби, 23.12.1997.

³ Ministry of Foreign Affairs, Riyadh — <http://mofa.gov.sa>. 25 Feb. 2004.

⁴ Аш-Шарк Аль-Аусат, Л. Здесь и далее это издание цит. по его электронной версии. — <http://www.asharqalawsat.com>. 19.04.2003

⁵ Аш-Шарк Аль Аусат, 03.02.2005.

⁶ Аш-Шарк Аль-Аусат, 07.05.2006.

⁷ Elaph Publication, <http://www.elaph.com>. 15.03.2004.

⁸ Hassan Hamdan Al-Alkim. The GCC states in an unstable world. Foreign Policy Dilemmas of Small States, L., 1994, p. 112.

⁹ Зарубежное военное обозрение, М., № 5 1996, с. 157.

¹⁰ Kuwait Times, 14.11.1999.

¹¹ Аль-Биляд, Абу-Даби, 23.12.1997.

¹² Аль-Хайят, Л. Здесь и далее это издание цит. по его электронной версии — <http://www.daralhayat.com>., 28.12.2005.

¹³ Там же.

¹⁴ Аш-Шарк Аль-Аусат, 07.05. 2006.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Здесь и далее текст заключительного коммюнике Эр-Риядского саммита ССАГЗ цит. по: Насс аль-байян аль-хитамий (Текст заключительного коммюнике). — Аш-Шарк Аль-Аусат, 11 декабря 2006.

¹⁷ Seminar of the Iranian Ambassadors to the Persian Gulf Countries // The Iranian Journal of International Affairs N1–2, Spring-Summer 2003, Tehran, p. 28.

4. Пакистан и Иран: актуальные проблемы взаимоотношений (середина первого десятилетия XXI в.)

Р. Мукимджанова

Укрепление добрососедских отношений с Ираном — традиционно одна из приоритетных задач внешней политики Пакистана. Изначально стабильность на западном фланге была важным фактором укрепления геополитического положения Пакистана, в особенности вследствие почти непрерывной напряженности его отношений с Индией. Значение иранского вектора внешней политики Пакистана для его геополитических интересов сохранилось и на современном этапе.

По территории и вдоль морского побережья Ирана пролегают сухопутные и водные коммуникации, связывающие Пакистан со странами Юго-Западной Азии и Турцией (и далее — с Европой). Пакистан и Иран имеют взаимные экономические интересы, участвуют в Организации экономического сотрудничества (ОЭС).

Фактор обоюдного притяжения Пакистана и Ирана — конфессиональная общность: ислам играет огромную роль во внутривнутриполитической жизни обеих стран, его влияние ощутимо и во внешней политике Пакистана, хотя и в значительно меньшей степени по сравнению с деятельностью Ирана на международной арене. Пакистан и Иран взаимодействуют, в частности, в рамках Организации исламская конференция. Существенное и неоднозначное влияние на пакистано-иранские отношения оказывает наличие в Пакистане многочисленной шиитской общины. Шииты составляют в пределах 20% населения страны и имеют немалых политический и экономический вес. Иран, в свою очередь, обладает рычагами влияния на шиитскую общину Пакистана.

В отношениях добрососедства и сотрудничества с Пакистаном нуждается и Иран, внешнеполитическое положение которого на протяжении более двух десятилетий осложнено противостоянием с США, столкновением геополитических интересов с Саудовской Аравией, разногласиями с рядом других арабских стран.

Для иранской стороны важное значение имеет то, что Пакистан, проводя курс на укрепление контактов с Саудовской Аравией и другими странами-участниками Совета сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ), традиционно дистанцируется от ирано-арабских противоречий.

В то же время курс Исламабада на иранском направлении преломляется через призму его стратегических интересов, определяющих, в частности, активизацию военно-политического сотрудничества Пакистана с США. Пакистан входит в группу государств, признанных Вашингтоном ключевыми союзниками Соединенных Штатов вне рамок НАТО в борьбе

с международным терроризмом.¹ Конгресс США утвердил рассчитанную на 5 лет программу оказания экономической и военной помощи Пакистану в объеме 3 млрд. долл., начиная с 2005/06 ф.г.² Нарастают поставки американской военной техники Пакистану на льготных условиях. Так, стоимость контракта о продаже Пакистану первой крупной партии самолетов «Ф-16» оценивается в пределах 1,5 млрд. долл. Тегеран не может не беспокоить то, что активизация американо-пакистанского военно-политического сотрудничества происходит в условиях жесткого американо-иранского противостояния.

Курс на урегулирование двусторонних проблем пакистано-иранских отношений

Одна из сфер взаимодействия Исламабада и Тегерана — обеспечение стабильности на пакистано-иранской границе протяженностью более 900 км. Актуальность решения этой задачи, в частности, для пакистанской стороны во многом определяется тем, что граница с Ираном пролегает вдоль территории одной из наиболее неспокойных в политическом плане провинций страны — Белуджистана, отделяя друг от друга белуджские племена.

Беспокойство властей двух государств вызывает поток нелегальных мигрантов — в основном граждан Пакистана (а также Афганистана), использующих территорию Ирана как транзитный коридор для последующего проникновения в монархии Персидского залива, а также в страны Европы, в поисках работы. Среди нарушителей фактически не демаркированной пакистано-иранской границы также немало преступных элементов, ищущих убежища на территории соседнего государства.

Для властей Пакистана взаимодействие с иранской стороной в борьбе с нелегальной миграцией приобрело особую актуальность в нынешнем десятилетии из-за осложнения внутривосточной ситуации в Белуджистане, в немалой степени связанного с активизацией борьбы местной племенной верхушки за доступ к доходам, извлекаемым центральной властью от использования богатых природных ресурсов провинции.³ В сложившейся в Белуджистане политической обстановке Исламабад стремится перекрыть каналы поступления извне оружия и другой помощи белуджским националистам и, в первую очередь, от их соплеменников, проживающих на иранской территории.⁴ В укреплении общей границы с Пакистаном заинтересована и иранская сторона, стремящаяся нейтрализовать попытки западных и, в первую очередь американских, спецслужб осуществлять подрывную деятельность против ИРИ с территории соседних с ней государств.

Органы внутренних дел Пакистана и Ирана активизируют сотрудничество в сфере борьбы с терроризмом и другими угрозами

безопасности и стабильности своих стран. В августе 2006 г., после трехлетнего перерыва, возобновила свою деятельность совместная пакистано-иранская группа по вопросам взаимодействия в сфере обеспечения безопасности, включающая высокопоставленных представителей органов внутренних дел. На заседаниях, состоявшихся в Тегеране, стороны обсудили вопросы борьбы с терроризмом, незаконным пересечением границы между двумя странами, контрабандой наркотиков и другими угрозами национальной безопасности Пакистана и Ирана. Важное значение для Исламабада имеет принятое на себя иранской стороной обязательство не предоставлять политическое убежище участникам запрещенной в Пакистане «Армии освобождения Белуджистана».⁵ На заседании рабочей группы также была достигнута договоренность о том, что встречи руководителей соответствующих ведомств двух стран по вопросам борьбы с угрозами безопасности будут проходить регулярно.

Однако, несмотря на попытки властей двух стран усилить взаимодействие в сфере укрепления общей границы, нелегальная трансграничная миграция продолжается. Ситуация усугубляется тем, что среди нарушителей пакистано-иранской границы немало афганцев, спасающихся от разрухи и неутрахающей междоусобицы в своей стране и использующих пакистанскую территорию для проникновения в Иран.⁶ Задержанные иранскими постами нарушители границы передаются пакистанской стороне для проведения соответствующего расследования. Однако пограничным службам двух стран удается задержать лишь часть нарушителей границы.

Одна из актуальных проблем в пакистано-иранских отношениях, — борьба с контрабандой наркотиков, преимущественно афганского происхождения. В отличие от иранской стороны, пакистанские власти оказались не в состоянии полностью перекрыть каналы доставки наркотиков из Афганистана; кроме того, выросло производство наркотических средств и на территории Пакистана — в зоне племен.

Отмеченная выше заинтересованность иранских властей в сотрудничестве с пакистанской стороной в пресечении попыток западных спецслужб дестабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию в ИРИ вызвана, в частности, необходимостью пресечь подрывную деятельность суннитской военизированной организации «Джандулла», имеющей базы в пустынном районе на стыке государственных границ Ирана, Афганистана и Пакистана. Эта группировка, по версии иранской стороны, финансируемая западными (в основном американскими) спецслужбами, поддерживает контакты с экстремистскими пакистанскими организациями. За последние годы жертвами ее террористической деятельности на территории ИРИ стали около 400 военнослужащих.⁷

После террористических актов, совершенных членами организации «Джандулла» в феврале 2007 г. в Захедане — центре провинции Белуджистан и Систан, посол Пакистана был приглашен в министерство иностранных дел ИРИ для обсуждения сложившейся ситуации. Стороны достигли договоренности о создании совместной структуры для выработки действенных мер по укреплению режима общей границы двух стран.⁸

Потенциальная опасность негативного влияния религиозного экстремизма на пакистано-иранские отношения таится и в таком негативном явлении общественно-политической жизни Пакистана, как суннитско-шиитская рознь. Начатая более тридцати лет тому назад тогдашним военным режимом исламизация общественно-политической жизни и основ экономики Пакистана на базе суннитских законов и традиций нарушила хрупкое равновесие в отношениях между приверженцами суннитской и шиитской общин.⁹ Раздуваемая радикальными партиями и организациями Пакистана, представляющими две основные ветви ислама, суннитско-шиитская рознь выливается в кровопролитные конфликты, дестабилизирующие внутривнутриполитическую ситуацию в стране и чреватые серьезным осложнением ее отношений с Ираном.

Еще в начале нынешнего десятилетия пакистанские власти ввели запрет на деятельность ряда экстремистских суннитских и шиитских организаций и группировок. В их число вошли, в частности, суннитская организация «Сипах-и Сахаба-и Пакистан» («Пакистанская армия сподвижников пророка») и отколовшаяся от нее экстремистская военизированная группировка «Лашкар-и Джангви», причастная к террористическим актам против шиитов и членов немногочисленной общины местных христиан, и шиитские организации и группировки «Техрик-и Нифаз-и фикх-и Джафариа» («Движение за джафарийский фикх») и другие.

Однако радикалы из обеих основных религиозных общин Пакистана смогли перегруппироваться, и в середине десятилетия межсектантская рознь вспыхнула с новой силой. Так, в сентябре 2005 г. взрыв, осуществленный смертником в шиитской мечети в г. Сиалкоте, лишил жизни 25 человек, более 50 прихожан-шиитов были ранены. Менее чем через неделю прогремел ответный, еще более мощный, взрыв в г. Мултане, погибло более 40 мусульман-суннитов, число раненых превысило 100 человек.

Пакистанские власти предпринимают меры по обеспечению правопорядка в особенности в дни религиозных праздников, в том числе накануне дня Ашура — траурной даты, широко отмечаемой шиитами в память о мученической смерти Хусейна — внука пророка Мухаммада. Однако суннитско-шиитские столкновения продолжаются. В частности, в

феврале 2006 г. террористические акты, осуществленные против участников траурной процессии в одном из округов Северо-Западной приграничной провинции, спровоцировали массовые беспорядки, жертвами которых стали несколько десятков представителей обеих общин.¹⁰

В 2007 г. — в день Ашура (29 января) и последующие месяцы — жесткие меры, осуществленные пакистанскими властями, позволили избежать массовых беспорядков на религиозно-сектантской почве в трех провинциях станы — Белуджистане, Синде и Пенджабе. Вместе с тем террористические акты и другие инциденты, связанные с религиозно-общинной рознью, не затихают в Северо-Западной пограничной провинции, где политическая обстановка осложнена влиянием продолжающихся военных действий в соседнем Афганистане. Ожесточенные столкновения между членами суннитской и шиитской общин имели место также в административном районе на северо-западе Пакистана, расположенном вдоль пакистано-афганской границы. В частности, в апреле 2007 г. в политическом агентстве Куррам в результате межконфессионального столкновения погибло более 60 чел. и около 200 чел. было ранено.

Суннитско-шиитская рознь в соседней стране вызывает беспокойство в Иране. Вместе с тем реакция официальных кругов ИРИ на происходящие в Пакистане события в целом достаточно сдержанна. Очевидно, что иранская сторона учитывает как сложность урегулирования этой проблемы, унаследованной от недавнего прошлого, так и осуществляемые властями Пакистана меры по ослаблению внутриконфессиональной розни в стране.

Пакистан и ядерная программа Ирана

Одна из актуальных проблем в отношениях Пакистана с Ираном — поиск путей урегулирования конфликтной ситуации вокруг иранской ядерной программы. Перерастание конфронтации между США и ИРИ в связи с ядерной программой Тегерана в вооруженный конфликт чревато серьезными негативными последствиями и для Пакистана, в первую очередь, осложнением внутривнутриполитической обстановки в стране, и в целом ситуации на Ближнем и Среднем Востоке; весомый ущерб был бы нанесен также внешнеэкономическим интересам Пакистана. Отстаиваемая Исламабадом на международной арене позиция относительно мирных целей ядерной программы Тегерана стала важным фактором укрепления пакистано-иранских отношений в середине первого десятилетия XXI века.

После того, как в начале 2005 г. президент США Дж. Буш заявил о том, что Вашингтон не исключает осуществления военной акции против Ирана для противодействия созданию им ядерного оружия, Исламабад и Тегеран существенно активизировали двусторонние контакты, сосредоточив усилия на поиске путей предупреждения такого опасного развития событий.

Так, эта проблема находилась в центре внимания сторон во время встречи премьер-министра Пакистана Ш. Азиза с министром иностранных дел ИРИ К. Харрази в конце января 2005 г. в Давосе. (Ш. Азиз и К. Харрази участвовали в работе Международного экономического форума). Глава пакистанского правительства сообщил высокопоставленному иранскому дипломату о том, что Исламабад готов оказать содействие урегулированию ирано-американских разногласий по ядерной проблеме.¹¹

В конце февраля того же года состоялся официальный визит Ш. Азиза в Иран. Во время пребывания премьер-министра Пакистана в ИРИ, наряду с обсуждением международной ситуации, сложившейся вокруг иранской ядерной программы, рассматривались также проблемы расширения экономических связей между двумя странами, в том числе перспективы строительства газопровода, берущего начало на иранском месторождении «Южный Парс» и пролегающего по территории Пакистана до его границы с Индией. Ш. Азиз был принят также духовным главой ИРИ аятоллой А.Х. Хаменеи; состоявшаяся между ними беседа по широкому кругу наиболее актуальных для двух стран проблем отразила заинтересованность иранской стороны в укреплении отношений с Пакистаном.¹²

Вскоре после визита Ш. Азиза в ИРИ официальный представитель МИД Пакистана выступил с заявлением о том, что его страна не позволит использовать свою территорию как плацдарм для нападения на Иран. Впоследствии эта позиция неоднократно подтверждалась пакистанской стороной, в том числе во время первых контактов высших государственных деятелей Пакистана с представителем нового руководства ИРИ — Секретарем Высшего Совета по национальной безопасности А. Лариджани, посетившим Исламабад в начале сентября 2005 г.¹³

В сентябре же 2005 г. состоялась встреча президентов Пакистана и Ирана П. Мушаррафа и М. Ахмадинеджата в Нью-Йорке, где они участвовали в работе сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Стороны заявили о заинтересованности в продолжении процесса укрепления взаимоотношений своих стран. Подчеркнув, что Пакистан выступает против силового варианта решения конфликта, связанного с иранской ядерной программой, П. Мушарраф заявил о твердом намерении Исламабада продолжать оказывать моральную и дипломатическую поддержку Ирану.¹⁴

Ситуация, сложившаяся вокруг Ирана в связи с его ядерной программой, находилась в центре внимания сторон и во время последующих пакистано-иранских контактов.¹⁵

Оказывая политико-дипломатическую поддержку Тегерану в его противостоянии американскому давлению, Исламабад стремится упредить и милитаризацию иранской ядерной программы. Эта линия четко проявилась во время активных пакистано-иранских контактов

на протяжении 2006 — первой половины 2007 г. В частности, опасная ситуация, сложившаяся в связи с ядерной программой Ирана, находилась в центре внимания сторон во время визитов министра иностранных дел ИРИ М. Моттаки, других высокопоставленных иранских государственных деятелей в Пакистан.

Исламабад стремится привлечь внимание международной общественности к опасной ситуации, созданной американо-иранским противостоянием. Так, выступая на конференции руководителей стран-членов группировки «Д-8», состоявшейся в Индонезии в мае 2006 г., глава правительства Пакистана Ш. Азиз подчеркнул, что Иран, имея право использовать ядерную энергию в мирных целях, вместе с тем не должен создавать ядерное оружие или вступать в гонку вооружений в регионе.¹⁶ Проблема предотвращения возможного использования США военной силы против Ирана находится в фокусе внимания Исламабада и на современном этапе.

Исходной позицией Исламабада при оказании политико-дипломатической поддержки Тегерану в его противостоянии давлению со стороны Вашингтона было и остается признание мирных целей иранской ядерной программы и необходимости урегулировать связанный с ней конфликт посредством переговоров в рамках МАГАТЭ, исключая применение военной силы.

Основные аспекты торгово-экономического сотрудничества

Важная особенность пакистано-иранских отношений на современном этапе — тенденция к ослаблению традиционного преобладания политических интересов сторон в ущерб развитию торгово-экономических связей. Эта линия региональной политики Исламабада и Тегерана четко проявилась во время визита президента ИРИ С.М. Хатами в Исламабад в конце декабря 2002 г. (впервые после прихода к власти в Пакистане военных во главе с генералом П. Мушаррафом в октябре 1999 г.). Во время трехдневного пребывания главы Ирана в Пакистане были подписаны три соглашения и меморандум о взаимопонимании по вопросам сотрудничества в таких областях, как автомобильное и железнодорожное сообщение, новейшие технологии, энергетика, образование и некоторых других. Особое внимание стороны уделили строительству газопровода Иран-Пакистан-Индия протяженностью 1400 км. Совместное заявление глав двух государств, подписанное по завершении визита С.М. Хатами, также было посвящено, в основном, взаимодействию Пакистана и Ирана в экономической сфере. Стороны подчеркнули намерение сотрудничать и в восстановлении разрушенной войной экономики Афганистана. В то же время в совместном заявлении были опущены острые региональные проблемы, в том числе кашмирская.¹⁷

Однако, несмотря на активизацию политико-дипломатических контактов Исламабада и Тегерана, охватывающая также сферу экономических связей, объем товарооборота Пакистана с Ираном пока еще невелик: в пределах 400 млн.долл., при этом пакистанская сторона имеет хронический дефицит.¹⁸ Основная статья импорта Пакистана из Ирана — нефть и нефтепродукты (более 2/3 общего объема ввоза). Пакистан ввозит также ковры, изделия из кожи, некоторые виды химикатов продовольственные товары (чай, сухофрукты, специи и др.) Традиционные статьи пакистанского экспорта в соседнюю страну — рис, пшеница, фрукты и другие виды продовольствия, строительные материалы, продукция легкой промышленности (включая хлопчатобумажные изделия) и др.

Реальные масштабы торговли между двумя странами существенно превышают официальные показатели. Так, по оценке иранской стороны, объем нелегальных торговых операций между Ираном и Пакистаном достигает 1500 млн.долл. в год. (Эта цифра была названа, в частности, послом ИРИ в Пакистане на семинаре представителей деловых кругов двух стран, состоявшемся в Лахоре в феврале 2006 г.)¹⁹

Огромная разница между приведенными выше показателями официальной статистики и фактическими масштабами пакистано-иранской торговли создана несколькими причинами. Это, в частности, ставшие по существу регулярными запреты, вводимые иранской стороной на ввоз тех или иных видов сельскохозяйственной продукции вследствие ее несоответствия требованиям карантинной инспекции Ирана. В то же время слабо налаженный контроль на границе двух государств создает благоприятные условия для контрабандной торговли.

Иранский рынок привлекателен для пакистанских экспортеров, при этом учитывается сопредельность территорий двух государств, поскольку перевозка товаров по наземным коммуникациям позволяет существенно снизить транспортные расходы. Однако перспективы увеличения пакистанского экспорта в Иран в масштабах, обеспечивающих возможность сбалансировать товарооборот, ликвидировав хронический торговый дефицит, неясны. Выбор пакистанских товаров, пользующихся спросом иранской стороны, ограничен. В тех же товарах, поставку которых Исламабад мог бы нарастить, Тегеран не заинтересован.

Во время визита премьер-министра Пакистана Ш. Азиза в Иран в феврале 2005 г. стороны дополнили ранее подписанное торговое соглашение протоколом о преференциях, вступившим в силу в 2005/2006 фин.г. В соответствии с протоколом иранская сторона предоставила льготы на импорт пакистанских товаров более чем 300 наименований (в том числе на ввозимые в Иран морепродукты, фрукты, овощи, рис, некоторые виды строительных материалов, текстильные товары, фармацевтическую

продукцию и др.) В свою очередь, Пакистан согласился распространить преференции на ввозимые иранские товары почти 500 наименований (включая компьютеры и другое новейшее технологическое оборудования персонального и производственного назначения).²⁰

Перспективная сфера пакистано-иранского экономического сотрудничества — развитие системы коммуникаций, связывающих территории двух стран. Строительство шоссе, прилегающего к Макранскому побережью и связывающего два главных порта Пакистана — Карачи и Гвадар, (расположенного в относительной близости к иранской территории), создает благоприятные условия для увеличения товаропотоков между Пакистаном и Ираном.

Иран снабжает электроэнергией ряд населенных пунктов, пакистанской провинции Белуджистан. Растущие потребности строящегося крупного морского порта Гвадар в значительной мере удовлетворяются также за счет поставок электроэнергии из Ирана. В соответствии с пакистано-иранским соглашением, подписанным в 2006 г., объем поставок электроэнергии в Гвадар возрастет до 100 млн. мегаватт в год. Составной частью проекта является строительство 70-километровой линии электропередачи из иранского населенного пункта Полан (провинция Белуджистан и Систан) через границу двух государств.²¹

Крупный проект, реализации которого Пакистан и Иран придают важное значение, — строительство мощного газопровода, берущего начало на иранском месторождении «Южный Парс» и пролегающего по территории трех государств, включая Индию; предполагаемая протяженность газопровода составляет 1400–1600 км. Исламабад заинтересован реализации проекта по нескольким причинам. Во-первых, пакистанские власти стремятся ослабить нехватку природного газа в стране. (Правда, согласно прогнозам некоторых пакистанских специалистов, со временем потребности страны в углеводородном сырье могут быть обеспечены за счет внутренних ресурсов, в том числе благодаря вводу в эксплуатацию новых месторождений природного газа). Заинтересованность Исламабада в реализации проекта определяется и таким важным фактором, как расчеты на получение значительных доходов от транзита иранского газа в Индию. (По предварительным оценкам, эти доходы могут составить от 400 до 600–700 млн. долл. в год).²²

* * *

В пакистано-иранских отношениях существуют и острые проблемы связанные как с отмеченным выше курсом Исламабада на сотрудничество с США в военно-политической и других сферах в условиях американо-иранского противостояния, так и с несовпадением интересов сторон по ряду региональных проблем на региональной арене. Вместе с тем сохранение

сложившегося уровня взаимоотношений добрососедства и сотрудничества отвечает интересам Пакистана и Ирана.

¹ Nation, 19.03.04.

² Dawn, 12.06.06. Администрация Дж. Буша также списала значительную часть долга Пакистана соединенным Штатам (1 млрд.долл.)

³ См. подробнее: М.Ю. Морозова. Природные ресурсы Белуджистана: борьба за передел собственности. Пакистан в современном мире. М., 2006, с. 311-314.

⁴ Pakistan Observer, 10.08.2006.

⁵ Nation, 09.08.2006.

⁶ Newline. February, 2006, p. 33.

⁷ Nation, 28.02.2006

⁸ News International, 19.02.2007.

⁹ Herald. March 2006, p.p. 50–52.

¹⁰ News International, 14.02.2006.

¹¹ News International, 01.02.2005

¹² Pakistan Observer, 23, 24.02.2005.

¹³ Nation, 09.09.2005.

¹⁴ Daily Times, 19.09.2005.

¹⁵ News International, 22.03.2006, Nation, 15.05.2006.

¹⁶ Ibid, 08.02.2006.

¹⁷ News International, 30.12.2002.

¹⁸ Nation, 01.09.2005

¹⁹ Ibid, 28.02.2006.

²⁰ The News International, 01.09.2006.

²¹ Dawn, 22.08.2006; News International, 03.02, 11.2006.

²² The News International, 18.07.2006; Nation, 12.11.2006, 06.02.2007

5. Турецко-иранские отношения на современном этапе

И. Свистунова

В качестве двух крупнейших государств своего региона Турция и Иран обладают огромным потенциалом для плодотворного сотрудничества во многих сферах. Однако, различия во внутривнутриполитическом строе и внешнеполитических установках наряду с соперничеством за региональное влияние нередко оказывают негативное воздействие на турецко-иранские отношения. Вместе с тем, в последние годы на развитие турецко-иранских отношений существенное влияние оказывают иракский фактор и иранская ядерная проблема.

Под влиянием иракского фактора с 2002 года начался новый этап сближения Турции и Ирана, причиной которого послужило намерение США напасть на Ирак после завершения военной кампании в Афганистане. Руководство обеих стран негативно относилось к планам Америки, выступая категорически против создания независимого Курдистана, которое могло стать последствием военного вмешательства в Ирак. Аналитики в разных странах прогнозировали возможность распада Ирака на три части: шиитскую, суннитскую и курдскую, что воспринималось соседями Ирака как угроза дестабилизации региона. При этом каждая из сторон имела еще дополнительные основания для тревоги: Турции предстояли тяжелые переговоры со своим давним стратегическим союзником — США, ждавшими от нее поддержки, а Иран опасался стать следующей мишенью американцев, поэтому, несмотря на антагонизм с режимом С.Хусейна, ничуть не желал, чтобы его свергли США и заменили на прозападное правительство. К тому же крупнейшие месторождения иранской нефти и газа и основные нефтегазоносные экспортные терминалы расположены недалеко от ирано-иракской границы, что усиливало беспокойство Ирана, связанное возможной военной операцией США. И Турцию, и Иран более всего тревожил вопрос сохранения территориальной целостности Ирака, в этой сфере они проявляли полное единодушие и выступали с совместными заявлениями.

Парламентские выборы в Турции в ноябре 2002 года, приведшие к власти «Партию справедливости и развития», не изменили вектора развития турецко-иранских отношений и подхода к ситуации в регионе. 30 ноября 2002 года состоялся телефонный разговор первого вице-президента Ирана М.Арефа с новым премьер-министром Турции А.Пюлем, в ходе которого стороны заявили о намерении продолжать всестороннее развитие отношений и выразили заинтересованность в проведении консультаций, играющих важную роль в укреплении региональной безопасности в нынешних сложных условиях.¹

Померетого, как решимость США начать войну в Ираке становилась все более очевидной, активизировались усилия турецкой дипломатии, направленные на консолидацию с соседями по региону. В начале января 2003 года премьер-министр Турции А.Гюль совершил поездку по странам Ближнего Востока с целью обсуждения ситуации вокруг Ирака. 12 января А.Гюль прибыл в Тегеран, где встретился с президентом М.Хатами. В условиях углублявшегося кризиса взаимопонимание с Ираном приобрело для Турции особую актуальность, тем более, что незадолго до А.Гюля в Тегеран приезжали М.Барзани и Д.Талабани, стремившиеся убедить иранское руководство в том, что они не ставят своей целью раскол Ирака, и заручиться нейтралитетом Ирана в отношении попыток курдов захватить Мосул и Киркук, против чего выступала Турция. Иран не хотел распада Ирака и образования независимого Курдистана, тем не менее, он не относился к перспективе полного перехода Мосула в руки курдов столь же болезненно, как Турция. Помимо этого, Тегеран по-прежнему беспокоили опасения, что Турция сама имеет притязания на Мосул и Киркук и может попытаться реализовать их, поэтому Иран не собирался отказываться от сотрудничества с иракскими курдами. К тому же в Турции звучали голоса, призывавшие в случае кризиса ввести турецкие войска в северный Ирак для установления контроля над ситуацией.

На встрече с премьер-министром Турции М.Хатами высказался за необходимость проведения консультаций и согласился на участие Ирана в саммите министров иностранных дел шести ближневосточных государств, который состоялся 23 января в Стамбуле по инициативе Турции. Саммит был организован с целью поиска путей мирного разрешения иракского кризиса, однако его итогом стал лишь очередной призыв к руководству Ирака выполнять резолюции ООН и сотрудничать с инспекторами ООН, чтобы не дать повода к началу боевых действий.

И все же руководство Ирана положительно оценило проведенную встречу, отдавая должное инициативе Турции. Накануне войны в Ираке иранское правительство стало проявлять повышенную заинтересованность в сближении с Турцией, которое могло продемонстрировать Вашингтону, что у Ирана прочные позиции в регионе. В конце января иранский посол в Турции Ф.Девлетабади дал интервью турецкой газете «Миллийет», в котором отметил, что в случае вторжения в Ирак, США задержатся там надолго, превратившись в «нового соседа» Ирана и Турции. «Мы любим своих соседей, но только легитимных», — добавил посол. Адресованным США можно считать и заявление Ф.Девлетабади о том, что дальнейшее сотрудничество Ирана и Турции, включая военное, будет ядром обеспечения безопасности и стабильности в регионе.²

В последующий период представители руководства двух стран неоднократно заявляли о наличии у них общей позиции по поводу сохранения

территориальной целостности Ирака и укрепления двустороннего сотрудничества. Начало военной операции США в Ираке только усилило взаимное тяготение Турции и Ирана. Турция, не позволившая США открыть второй фронт, воспользовавшись ее территорией, переживала кризис в отношениях со своим заокеанским союзником и испытывала потребность в укреплении региональных позиций. Иран стремился к тому же, чтобы предотвратить возможность повторения иракского сценария в применении к себе.

Заявление министра иностранных дел Ирана К.Харрази, переданное по турецкому телевидению накануне войны, свидетельствует о том, насколько значимо для Ирана было сотрудничество с Турцией в тот момент. Отметив необходимость выработать общую тактику и поддерживать постоянные контакты, К.Харрази подчеркнул, что «Иран не согласен с вводом турецких войск в населенные курдами приграничные районы Ирака, однако с пониманием относится к соображениям, исходя из которых Турция намеревается предпринять подобный шаг».³ Очевидно, что ради сохранения согласия с Турцией по важнейшим вопросам, руководство Ирана готово было пойти на некоторые уступки.

А в Турции, общественное мнение которой не так давно осуждало Иран за поддержку ПКК, после американской интервенции в Ирак распространились совсем другие настроения. «Америка наш стратегический партнер, и мы хотим вступить в ЕС... Но успех Турции на этих направлениях зависит от прочных отношений с Ираном и Ближним Востоком», — писали турецкие газеты.⁴

Сближение Турции и Ирана никак не устраивало Вашингтон, предпочитавший видеть Иран в изоляции, а Турцию в роли своего послушного вассала. Кроме того, США тревожило влияние шиитского Ирана на арабов-шиитов, составляющих крупнейшую группу населения в оккупированном Ираке. По этой причине, а также с целью посеять раздор между Турцией и Ираном, представители США заговорили о том, что светская прозападная Турция может стать «моделью» для постсадамовского Ирака и принять активное участие в его переустройстве. Осенью 2003 года предложение США включить турецкие войска в состав международного миротворческого контингента в Ираке вызвало беспокойство иракских шиитов, обратившихся к Ирану с просьбой о покровительстве, утверждая, что правительство Турции поддерживает суннитов, поэтому присутствие турецкой армии нарушит равновесие между шиитами и суннитами.

Поскольку Турция так и не отправила своих солдат в Ирак, турецко-иранские отношения избежали кризиса, который мог бы в них произойти в результате соперничества за региональное влияние. К тому же нестабильная обстановка в соседнем Ираке служила для обеих стран стимулом к сохранению единства перед лицом общей проблемы.

Турция стремившаяся к нормализации с США, тем не менее, осознавала, что в отношении Ирака у нее больше общих интересов с Ираном, чем с Соединенными Штатами, действия которых часто возбуждали подозрения в «двойной игре».

В ходе затянувшегося процесса определения основ послевоенного устройства Ирака руководители Турции и Ирана неоднократно выражали негативное отношение к идее федерализма, предполагающей, что северный Ирак станет курдским субъектом федерации, а также высказывались за необходимость скорейшего вывода из Ирака иностранных войск и предоставление иракскому народу права самому определять свою судьбу. Однако реалии обстановки на севере Ирака, где де факто существует курдское государство, пост руководителя которого занимает лидер ДПК М.Барзани, ставят и Турцию, и Иран перед необходимостью смириться с федеративным устройством Ирака, против которого они резко выступали раньше, и вести активные поиски новой политической линии в отношении иракских курдов.

Развитие событий в послевоенном Ираке дает все основания полагать, что заинтересованность Турции и Ирана в согласовании своих позиций сохранится и даже усилится. Избрание президентом Ирака лидера ПСК Д.Талабани создало новую ситуацию в турецко-иракских и ирано-иракских отношениях. Турция прежде всего озабочена тем, что идея курдского сепаратизма может выйти на более высокий уровень. А Иран старается в полной мере воспользоваться внезапно открывшейся возможностью наладить торгово-экономические связи с Ираком и даже предоставил ему безвозмездный кредит в размере 10 млн. долларов.⁵

В подходе обеих стран к проблеме Ирака по-прежнему переплетаются внутривнутриполитические (нерешенность собственного курдского вопроса, потребность в экономическом развитии) и внешнеполитические составляющие (отношения с США, баланс сил в регионе, положение на международной арене). Диалог по всему комплексу направлений объективно отвечает интересам Турции и Ирана. Поэтому можно предположить, что сложная обстановка в Ираке и неоднозначные вопросы о будущем этой страны будут способствовать дальнейшей интенсификации отношений Турецкой Республики с Ираном.

Стоит отметить, что турецко-иранское сближение, причиной которого послужили события вокруг Ирака, не ограничилось совместными политическими декларациями, но нашло отражение и в других областях сотрудничества. В 2003 году объем товарооборота двух стран вырос на пятьдесят процентов и продолжал увеличиваться в 2004 и 2005 гг. Взаимное снижение таможенных пошлин способствовало развитию приграничной торговли, а в турецком приграничном поселке Капкык был создан совместный турецко-иранский центр беспошлинной торговли. В мае 2004

года Турция и Иран подписали соглашение по приграничным вопросам, предусматривавшее совместные меры по охране границы и регулярные консультации погранслужб. Для Турции данное соглашение представляло особую важность с точки зрения предотвращения перехода границы боевиками ПКК. В июле 2004 года Турция и Иран договорились об осуществлении проекта транзита иранского газа в Европу через территорию Турции, несмотря на предупреждения Вашингтона о нежелательности сотрудничества с Ираном в энергетической сфере и угрозы сокращения торгово-экономических отношений с американскими компаниями. В том же году получили детальную проработку проекты турецко-иранского консорциума сотовой связи и запуска новой железной дороги по маршруту Стамбул—Тегеран для пассажирских и транзитных перевозок. К удовлетворению Турции в 2004 году Иран объявил о намерении бороться с боевиками «Конгра-Гель» (новое название ПКК).

Заслуживает внимания, что позитивная динамика в развитии турецко-иранских отношений приходится на тот период, когда США усилили давление на международное сообщество с целью изоляции Ирана, обвиняя его руководство в разработке ядерного оружия. В этой ситуации подход Турции к развитию связей с Ираном, с одной стороны, свидетельствует о ее решимости проводить региональную политику, руководствуясь собственными интересами, а с другой стороны, демонстрирует небывалый уровень сближения с Ираном, достигнутый под влиянием иракского кризиса 2003 года. Возможность того, что Иран превратится в ядерную державу, нежелательна для Турции и вызывает опасения очередного международного конфликта по соседству с ней, но, несмотря на идеологические трения и региональное соперничество, представители турецкого МИДа заявляют, что при современном состоянии турецко-иранских отношений Турция не может рассматривать ядерный Иран в качестве непосредственной угрозы.⁶ Турция признает право Ирана на развитие мирной атомной энергетики и одновременно призывает руководство Ирана не отказываться от конструктивного диалога со странами Запада.

Приход к власти в Иране президента М.Ахмадинежада, занявшего конфронтационную позицию на международных переговорах по иранской ядерной программе, поставил руководство Турции перед необходимостью выработать четкую линию в отношении «ядерной проблемы», не ограничиваясь одними заявлениями общего характера. Действительно, Турция является одной из тех стран, которых более других беспокоит перспектива разрастания иранского кризиса. Возможность введения эмбарго против Ирана вызывает опасения серьезного экономического ущерба, а если реализуется наихудший сценарий, и США нападут на Иран, Турция окажется в тяжелой ситуации, когда ей снова придется

выбирать между своими региональными интересами и отношениями с США. И скорее всего сделать этот выбор будет еще сложнее, чем во время иракского кризиса 2003 года, поскольку собственные интересы Турции в регионе все дальше расходятся с американскими. В то же время, вероятность превращения Ирана в ядерную державу означает беспрецедентный рост его военной мощи, а, следовательно, и его регионального влияния, что совсем не устраивает Турцию. По выражению одного турецкого дипломата, «как ни крути, а эта проблема доставит Турции еще много неприятностей».⁷

В последнее время международное сообщество обсуждает вопрос о том, что Турция может последовать примеру Ирана и начать развитие собственной ядерной программы, преследующей далеко идущие цели. Правительство Турции стремится развеять опасения на сей счет, однако избегает категоричных заявлений, оставляя себе «свободу для маневра», позволяющую использовать ядерную тематику для укрепления международного положения Турции. Так, премьер-министр Турции Р.Т.Эрдоган в интервью американскому журналу “Wall Street Journal” в ответ на вопрос о том, боится ли Турция ядерного Ирана, сказал, что в годы холодной войны Турция не боялась ядерного Советского Союза, чувствуя себя в безопасности под ядерным зонтиком НАТО, который защищает ее и по сей день.⁸

Несмотря на то, что турецкое руководство официальных заявлениях опровергает возможность «ядерного соревнования», Турция заметно активизировала исследования в области развития атомной энергетики, способной удовлетворить растущие энергетические потребности страны. На 2012 год запланировано строительство АЭС в Турции, причем глава МАГАТЭ М.ЭльБарадеи заявил о готовности оказать поддержку этому проекту, в том числе техническую, а Россия, США и Франция предложили стать партнерами Турции в создании ядерной энергетики. Не вызывает сомнения, что активность международного сообщества в данном направлении связана с иранской ядерной проблемой. По мнению М.ЭльБарадеи, в сложившейся ситуации Турция — единственная страна, которая может оказать содействие поддержанию диалога с Ираном.⁹ С учетом позитивной атмосферы в турецко-иранских отношениях, пример Турции, осуществляющей мирную ядерную программу при помощи и под контролем международного сообщества, может быть принят во внимание иранским руководством.

В свою очередь Иран пригласил турецких специалистов присоединиться к иранскому ядерному проекту. Посол Ирана в Турции Ф.Девлетабади отметил, что «если какая-то часть ядерной программы будет осуществляться на территории Турции, это положительно отразится на Иране».¹⁰ Однако Россия, играющая важную роль в процессе поиска выхода из иранского ядерного кризиса, считает неприемлемым предложение Ирана о проведении части работ по обогащению урана на территории

Турции, но, надеясь на смягчение жесткой линии иранского руководства, пригласила Турцию участвовать в проекте по обогащению урана для Ирана на своей территории.¹¹

Очевидно, что подобная ситуация создает для Турции благоприятную возможность совершить прорыв в обеспечении своих энергетических потребностей, построив АЭС при помощи развитых стран с их передовыми технологиями, и одновременно внести вклад в усилия по выходу из кризиса вокруг иранской ядерной программы. В целом, можно сказать, что иранская ядерная проблема повысила значение турецко-иранских отношений до международного уровня. В настоящий момент имеются предпосылки для дальнейшего развития и углубления турецко-иранского взаимодействия по целому комплексу направлений, отвечающих долгосрочным интересам каждой из сторон.

<http://www.iran.ru> 02.12.2002

² “Milliyet”, 30.01.2003

³ <http://www.iran.ru> 19.03.2003

⁴ “Milliyet”, 07.04.2003

⁵ “Milliyet”, 20.11.2005

⁶ “Milliyet”, 25.08.2004

⁷ “Milliyet”, 17.01.2006

⁸ “Milliyet”, 22.03.2006

⁹ <http://www.turtsia.ru> 09.03.2006

⁰ <http://www.turtsia.ru> 06.03.2006

¹ <http://www.rusya.ru> 10.03.2006

6. Афганская политика ИРИ

М.Р. Арунова

В условиях, когда находящаяся под постоянным психологическим прессингом Вашингтона Исламская Республика Иран (ИРИ) граничит с государствами, на территории которых расположены воинские контингенты США и их союзников, в том числе стран НАТО, тегеранское руководство использует разноплановые возможности, направленные на развитие отношений с Кабулом, предусматривая при этом прежде всего предупреждение превращения афганской территории в плацдарм для недружественных акций в отношении Ирана. Так, в частности (что, кстати, не имеет precedентов), в Тегеране функционирует специальный Штаб по Афганистану, координирующий действия различных иранских ведомств на афганском направлении. В состав штаба входят представители канцелярии Верховного лидера страны А. Хаменеи, министерств иностранных и внутренних дел, обороны, информации и Корпуса стражей исламской революции. ИРИ, особенно в последнее время, предпринимает шаги с целью развития контактов со своим восточным соседом в двустороннем, трехстороннем (Иран—Афганистан—Таджикистан и Иран—Афганистан—Узбекистан) и многостороннем (по линии международных организаций) форматах.

Что касается Кабула, то его руководители в определенных пределах идут на сотрудничество с Ираном в вопросах восстановления разрушенной войной афганской экономики. Именно названные проблемы обсуждались во время официального визита в 2006 г. в Тегеран президента Х. Карзая. Об этом же шла речь на заседаниях глав государств Организации экономического сотрудничества (ОЭС) в Баку (май 2006 г.), саммите ШОС в Шанхае (июнь 2006 г.), встрече президентов персоязычных стран в Душанбе (июль 2006 г.), во время сессии ГА ООН в Нью-Йорке (сентябрь 2006 г.).

В последнее время между странами заметно активизировался и обмен правительственными делегациями, участились контакты представителей деловых кругов, имели место связи по линии парламентов, в том числе в рамках проходившей в Тегеране в 2006 г. седьмой сессии Ассамблеи азиатских парламентов, когда спикер меджлиса ИРИ принимал председателей обеих палат афганского парламента, где обсуждались пути интенсификации сотрудничества между законодательными органами обеих стран.

Учитывая, что зависимость Кабула от США и их противодействие ирано-афганским контактам серьезно ограничивают развитие отношений между двумя странами, Тегеран предпринимает меры по расширению в первую очередь экономического, а также культурного присутствия в Афганистане.

В течение 2006 г. Иран завершил строительство железнодорожной ветки Хаф—Герат, предусматривающей для Афганистана доступ не только

к портам ИРИ в Персидском заливе, но и к магистралям, ведущим в Туркмению и далее. Из транспортных проектов, сооруженных при содействии ИРИ, следует назвать уже введенное в эксплуатацию шоссе, соединяющее Догарун (ИРИ) и Герат (ИРА). Реализуются также положения подписанного ранее трехстороннего соглашения (Иран—Узбекистан—Афганистан) о создании трансафганского коридора Термез—Мазари—Шариф—Герат с последующим выходом на иранские порты.

Используя интересы Кабула в содействии сооружению электро-энергетических проектов, Иран в феврале 2006 г. заключил соглашение с Афганистаном и Таджикистаном о строительстве 500-киловольтной линии электропередачи. Кроме того, руководство ИРИ обязалось выделить Афганистану в качестве помощи 500 и 80 млн долл. на строительство двух ТЭЦ, что было позитивно встречено в Кабуле.

Одним из немаловажных факторов, позволяющим Ирану в определенной степени оказывать влияние на развитие отношений между странами, являются общая граница и регулярные караваны наркоторговцев, контрабандистов и нелегальных мигрантов. Это позволяет иранцам налаживать контакты с афганскими правоохранительными органами и службами пограничного контроля. По некоторым данным, в течение 2006 г. представители иранского МВД провели серию переговоров со своими афганскими коллегами. В Иране, по всей видимости, полагают, что усиление контроля на границе афганскими пограничниками может усложнить проникновение на его территорию из Афганистана нежелательных элементов.

Что касается взаимодействия Ирана и Афганистана в борьбе с транспортировкой в Иран наркотических средств, то сотрудничество в этой области стало обретать конкретные формы после того, как в 2006 г. страну посетила афганская делегация в составе министра по борьбе с наркотиками Х. Кадери, его заместителя, начальников некоторых управлений этого министерства и МВД. Делегация посетила Тегеран и Мешхед, а также несколько пограничных постов в провинции Хорасан.

В январе с.г. отношения Ирана и Афганистана в вопросе сотрудничества в пограничной области перешли в практическую плоскость. В ходе визита в ИРА делегации во главе с командующим силами охраны правопорядка МВД Ирана бригадного генерала М. Мокаддама было подписано соглашение о сотрудничестве, в соответствии с которым предполагалось в течение года установить совместные посты и контрольно-пропускные пункты в провинциях Герат, Фарах и Нимруз.

В результате переговоров по итогам данного визита и предложений делегации кабинет министров Афганистана заявил о намерении подготовить двустороннее соглашение о взаимной экстрадиции криминальных элементов, задержанных за контрабанду наркотиков или тяжкие преступления, подготовить специальный документ, предусматривающий обмен

информацией о деятельности криминальных группировок, занимающихся наркобизнесом, а также создать совместную рабочую группу для оперативного обмена этой информацией. Помимо этого планировалось создание ирано-афганской рабочей группы по линии МВД двух стран для совместных усилий по противодействию контрабанде наркотиков. К тому же иранской стороне было разрешено открыть в Кандагаре представительство Штаба по борьбе с наркотиками дополнительно к уже функционирующим аналогичным представительствам в Кабуле и Герате. Афганское руководство позитивно отнеслось к предложению Ирана оказывать финансовую поддержку семьям афганских пограничников, погибших в столкновениях с наркоконтрабандистами в районе афгано-иранской границы.

Совместно с министерствами сельского хозяйства и здравоохранения предполагается создать ирано-афганские организации и центры, ставящие своей целью разработку мер, предусматривающих замену выращивания опиумного мака на другие сельскохозяйственные культуры, а также лечение граждан Афганистана от наркотической зависимости.

Стороны обсудили вопрос о проведении трехсторонней встречи на уровне заинтересованных ведомств соответствующих министерств Ирана, Афганистана и Пакистана для улучшения координации борьбы с незаконным оборотом наркотиков.

В Тегеране осознают, что для установления контактов с Афганистаном целесообразно активизировать торговые связи. Кроме товаров, необходимых для реализации различных совместных проектов, в структуре иранского экспорта присутствуют продовольствие, одежда, ткани, медикаменты, строительные материалы, продукты нефтепереработки, прежде всего бензин. В 2006 г. компания ИРИ “Ходроу” начала экспорт своей продукции в Афганистан, наметив поставить на рынок 3000 легковых автомобилей, 1000 грузовиков и автобусов. Осенью того же 2006 г. в Тегеране начал действовать Союз предпринимателей и инвесторов Афганистана, поставивший своей целью развитие двустороннего торгово-экономического сотрудничества в целом, в том числе и путем рекламы афганского рынка среди иранских предпринимателей, оказания содействия в проведении в афганских городах специализированных торговых выставок, маркетинговых исследований в решении организационных вопросов при реализации коммерческих проектов.

Объем двусторонней торговли Ирана и Афганистана невелик и составляет, по разным данным, от 200 до 400 млн долл. в год. Нельзя обойти вниманием и тот факт, что импорт иранских товаров в десятки раз превышает экспорт из Афганистана.

Рассматривая возможные пути расширения своего присутствия в Афганистане, Иран оказывает ощутимую финансовую помощь стране

в области культуры, выделяя средства на восстановление разрушенных и строительство новых школ, библиотек, типографий, других объектов образовательного, религиозного и культурного назначения. Так, например, в октябре 2006 г. в Герате был открыт культурно-образовательный центр, средства на создание которого (220 тыс. долл.) выделил Штаб по Афганистану. С целью наращивания своего культурного присутствия в стране по инициативе ИРИ проводятся научные семинары, конференции и выставки, направляются преподаватели в афганские учебные заведения, издаются учебно-методические материалы.

Некоторых успехов иранцы достигли в области подготовки специалистов связи и информационных технологий: Международный союз электросвязи (МСЭ) и правительство Ирана совместно с руководством ИРА подписали соглашение о создании в Кабуле современного Института связи и информационных технологий. В рамках данной программы Министерство связи Афганистана получило право на собственность земельного участка под строительство административных, учебных и жилых корпусов нового учебного заведения, подрядчиками из числа афганских компаний уже начаты строительные работы. Основная часть денежных средств на реализацию проекта в размере 4 млн долл. выделена правительством ИРИ. Кроме того, иранская сторона планирует дополнительно предоставить на эти цели 1,3 млн долл.

На фоне реализации совместных торгово-экономических и культурных проектов существует ряд факторов, оказывающих негативное влияние на развитие двусторонних отношений. В первую очередь, это касается проблемы афганских беженцев, численность которых, по официальным данным ООН, в настоящее время составляет около 950 тыс. человек.

Согласно заключенному ранее соглашению между Ираном, Афганистаном и Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев, их репатриация должна была завершиться в 2006 г. Однако этот срок был пролонгирован до 2010 г.

Необходимо отметить, что США противодействуют развитию афгано-иранских отношений. Так, американскими усилиями были сорваны визит Х. Карзая в Тегеран на инаугурацию иранского президента, ряд соглашений по экономическим вопросам, произошло сокращение объема приграничной торговли между приграничными районами Ирана и Гератской провинцией и многое другое. Обо всем этом открыто заявляют представители иранской стороны, считающие, что ирано-афганские отношения имеют значительно больший потенциал. Влияние Вашингтона на Кабул также ограничивает возможности ирано-афганского сотрудничества по другим направлениям, в первую очередь в области обеспечения безопасности в регионе и борьбы с экстремистскими и террористическими группировками.

С учетом противодействия со стороны США иранцам на данном этапе не удастся в полной мере реализовать свои стратегические задачи по вовлечению Афганистана в сферу своего влияния. В этой связи дальнейшие перспективы ирано-афганских отношений во многом будут зависеть от того, как долго американцы смогут сохранять свое военное присутствие в ИРА и контролировать политические процессы в этой стране.

7. Иран и Афганистан: экономическое сотрудничество на современном этапе

И. Меркулова

После проведения антитеррористической операции в Афганистане и свержения режима талибов в истории Афганистана начался новый период. Страна пребывала в состоянии войны 23 года, и не удивительно, что важнейшей задачей после достижения относительной политической стабилизации стало восстановление экономики страны. В то время многие страны направили свою помощь Кабулу на эти нужды, однако результаты оказались не особенно воодушевляющими. Одной из немногих стран, чья помощь оказалась относительно более эффективной, был Иран. Интерес мирового сообщества к Афганистану постепенно угасал, и Кабулу все больше приходилось рассчитывать на свои собственные силы и на помощь ближайших соседей — не в последнюю очередь Ирана.

Прежде чем анализировать экономическое сотрудничество двух стран на современном этапе, следует кратко остановиться на истории их экономических контактов в последнее столетие. На протяжении первой половины XX в. Иран не играл существенной роли ни в политической, ни в экономической жизни Афганистана, так как не располагал необходимыми для этого ресурсами. Со второй половины XX в. Афганистан опирался преимущественно на финансовую и материальную помощь со стороны великих держав, в первую очередь СССР. Однако с 1973 г. (с момента государственного переворота Мохаммада Дауда и провозглашения республики) Афганистан начал переориентацию своего внешнеполитического курса на соседний Иран и арабские государства Персидского залива, пытаясь обрести в их лице альтернативного экономического спонсора.

Иран к тому моменту обладал огромным запасом финансовых средств, получаемых от продажи нефти, а также пользовался поддержкой США и мог выступать реальным конкурентом СССР в регионе. В этих условиях начались ирано-афганские переговоры о планах экономического развития. Был урегулирован традиционный спорный вопрос о распределении вод реки Гильменд: согласно подписанному соглашению, Афганистан обязался на постоянной основе выпускать из своих водохранилищ в русло реки ежесекундно 26 куб. м воды. В октябре 1974 г. Иран пообещал предоставить Афганистану 10 млн долл. США на изучение ряда экономических проектов и еще 2 млрд долл. на их реализацию сроком на 10 лет.¹ В 1975 г. было обещано предоставить ещё 1,1 млрд долл. на строительство трансафганской железной дороги. Однако шах Мохаммад Реза Пехлеви не выполнил своих обещаний, что подорвало доверие между сторонами.

Апрельскую революцию 1978 г. шахский Иран не принял, не приняло ее и шиитское духовенство, пришедшее к власти в стране после ис-

ламской революции. Исламская Республика Иран активно поддерживала антиправительственные силы — моджахедов, в частности, партию шиитов-хазарейцев «Вахдат-е ислами».

С приходом к власти талибов экономические отношения между двумя странами были подорваны, однако Иран, для которого режим талибов представлял прямую угрозу безопасности, предпринимал попытки для оказания влияния на политическую ситуацию в Афганистане, проводя последовательную антиталибскую политику и поддерживая Объединенный фронт («Северный альянс»). Антитеррористическая операция, проведенная США, устранила в Афганистане режим талибов, что в Иране было воспринято позитивно, однако сам факт интервенции США и их союзников в соседнюю страну Тегеран не поддержал — это было бы отступлением от внешнеполитического курса ИРИ. Поэтому Иран акцентировал внимание на международном характере этой операции, делая упор на роли ООН.

С октября 2001 г. начался новый этап в развитии ирано-афганских отношений, важную роль в них стало играть экономическое сотрудничество. После свержения режима талибов Иран одним из первых выразил намерение оказать помощь в восстановлении разрушенной экономики Афганистана. Тегеран активно содействовал проведению Боннской конференции в декабре 2001 г. и подписанию «Соглашения о временных механизмах в Афганистане до восстановления постоянно действующих правительственных институтов», а также одним из первых признал временную администрацию во главе с Хамидом Карзаем. На международной конференции по содействию государственному и экономическому возрождению Афганистана, прошедшей в Токио в феврале 2002 г., Иран заявил о готовности предоставить Афганистану 500 млн долл. США безвозмездной помощи на восстановление экономики.

За четыре года после установления новой власти в Кабуле Иран сделал многое для восстановления Афганистана. Экономическую помощь, оказываемую ИРИ Афганистану, можно разделить на два направления — двустороннее сотрудничество и усилия Ирана по координации международной помощи стране-соседу.

В 2002—2004 гг. Иран предоставил Афганистану 381,9 млн долл. на восстановление экономики. В 2005—2006 гг. планировалось оказать помощь в размере 100 млн долл. Приоритетное внимание уделялось восстановлению и развитию наиболее важных отраслей экономики Афганистана — сельского хозяйства, энергетики, а также строительству дорог и коммуникаций.

Основой для сотрудничества в области сельского хозяйства стало соглашение, заключенное между министерствами сельского хозяйства двух стран, в соответствии с которым Иран обязался оказывать помощь в восстановлении ирригационных каналов и систем водоснабжения в западных провинциях Афганистана, а также предоставить сельскохозяйственный инвентарь, семена, удобрения. Соглашение предусматривает и подготовку специалистов. За

короткий срок были достигнуты весьма существенные результаты: налажено водоснабжение в западных провинциях страны, а также в Кабуле и Кандагаре; началось строительство центров механизации сельского хозяйства, был открыт оросительный канал длиной 1200 км в Герате.

Второй важной отраслью, на развитие которой Иран уже затратил 13,6 млн долл., стала энергетика. Финансируемые Ираном проекты предусматривали строительство двух ЛЭП: Тейебаг—Герат и Торбете—Джам—Герат. Первая ЛЭП введена в строй в 2003 г., вторая — в 2005 г., что во многом облегчило проблему энергоснабжения в западных провинциях Афганистана. С апреля 2003 г. были снижены цены на поставки в Афганистан электроэнергии из Ирана.

Одним из важнейших направлений двустороннего сотрудничества стала помощь в восстановлении путей сообщений. При содействии Ирана были построены дороги Герат-Эсламкала и Герат-Меймене. Крупнейшим событием стало открытие в 2005 г. шоссейной дороги Догарун — Герат длиной 123 км, которая соединила иранскую провинцию Хорасан с афганской провинцией Герат. До этого, в 2004 г., был открыт мост «Милак» на границе Ирана и Афганистана, который обошелся иранской стороне в 3 млн долл. Через два года планируется ввести в строй железную дорогу Торбете—Хедерие—Санган—Герат. В ноябре 2005 г. Тегеран и Кабул подписали Меморандум о взаимопонимании в дорожно-транспортной сфере, в соответствии с которым Иран принял на себя обязательства по оказанию Афганистану дальнейшей помощи в этой области.

Важным шагом в сотрудничестве двух стран стало создание Межправительственного комитета по торгово-экономическому сотрудничеству, который возглавили министр экономики и финансов ИРИ и министр финансов Афганистана (с марта 2005 г. — министр экономических отношений Афганистана). В текущем финансовом году (март 2005 — март 2006) Иран пообещал предоставить Афганистану 50 млн долл. в виде безвозмездной финансовой помощи⁸.

В декабре 2005 г. Иран и Афганистан подписали Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в сфере политики и экономики. В этом документе подведены итоги двустороннего сотрудничества и определены ориентиры для дальнейшей работы.

Каковы цели широкомасштабной экономической помощи Ирана Афганистану? В числе приоритетных — увеличение двустороннего товарооборота и развитие транзитной торговли. И успехи здесь вполне ощутимы: согласно иранским данным, товарооборот двух стран вырос значительно и составляет сегодня около 260 млн долл.⁹ На сегодняшний день Иран является одним из ведущих торговых партнеров Афганистана, заметно потеснив Пакистан. Наряду с этим, Тегеран заинтересован в налаживании и развитии региональной интеграция в различных отраслях. Подтверждением чему может служить заявление, сделанное Мохаммедом Мехди Камкарком, иранс-

ким представителем в Межправительственном комитете по торгово-экономическому сотрудничеству: «Иран в своих отношениях с Афганистаном не ограничивается только торговлей и экспортом товаров. Иран намеревается поставлять продукцию совместного ирано-афганского производства на рынки в третьи страны»¹⁰.

Основная часть иранской помощи направлялась в западные провинции Афганистана. Не следует объяснять это только стремлением оказать особую поддержку проирански настроенному губернатору провинции Герат Исмаил-хану или воспрепятствовать централизации страны под властью правительства Карзая. После снятия Исмаил-хана с поста губернатора иранская помощь продолжает поступать в Афганистан. Преимущественная направленность иранской помощи на запад страны-соседа объясняется давними историческими, культурными и экономическими связями между этим регионом Афганистана и Ираном: в западных провинциях, населенных в основном персоязычными таджиками, традиционно преобладало иранское влияние.

Помимо оказания помощи Афганистану в рамках двустороннего сотрудничества, Тегеран прилагает усилия по координации международной помощи, направляемой на восстановление афганской экономики. Нужно сказать, что основная доля помощи, оказанная Ираном Афганистану, направлялась через Организацию Экономического Сотрудничества (ОЭС), активным членом которой является ИРИ. В октябре 2002 г. в иранском городе Мешхеде была проведена международная выставка «Участие в восстановлении и развитии Афганистана», на которой были представлены 400 компаний из семи стран¹¹.

Многое делалось Ираном и для налаживания транзитной торговли в регионе. Так, в мае 2003 г. в ходе трёхсторонних ирано-афгано-индийских переговоров в иранской столице были подписаны два меморандума, существенно расширявшие торговлю и снижавшие таможенные пошлины в целях содействия транзиту по территории этих стран. В июне 2003 г. на саммите глав Ирана, Афганистана, Таджикистана и Узбекистана в Тегеране были заключены два многосторонних договора по вопросам транзита и развития торговли, которые предусматривали открытие магистрального сообщения между Узбекистаном и Афганистаном, а также между Таджикистаном и Афганистаном с перспективой выхода к Персидскому заливу (через иранские порты).¹²

И все же, несмотря на то, что экономическое сотрудничество между Ираном и Афганистаном развивается довольно успешно и динамично, на пути этого процесса имеется ряд препятствий, в числе которых: вопрос о распределении вод реки Гильменд, проблема трансграничного наркотрафика, проблема афганских беженцев в Иране, а также расхождение интересов в области газотранспортной политики.

Распределение вод реки Гильменд является многолетней пробле-

мой для двусторонних отношений. Как уже упоминалось, при Дауде этот вопрос был урегулирован, однако в 1999 г. талибы в одностороннем порядке нарушили соглашение, перекрыв доступ воды в Гильменд. В результате пограничным с Афганистаном иранским провинциям Белуджистан и Систан был нанесён огромный экономический ущерб.

В августе 2002 г. шлюзы водохранилища были открыты, однако затем неоднократно перекрывались афганской стороной вновь (возможно, под давлением США). Таким образом, проблема реки Гильменд остается и еще подлежит урегулированию.

Фактором, серьезно омрачающим двусторонние отношения, является непрекращающийся поток наркотиков по всей линии ирано-афганской границы, протяженность которой составляет 900 км. После свержения талибов Афганистан вернул себе титул крупнейшей страны-производителя наркотиков, поставив в 2002 г. на мировые рынки 3400 т наркотических веществ¹³. В 2005 г. эта цифра выросла до 4100 т.¹⁴ Попытки контролировать этот наркопоток, предпринятые международным сообществом совместно с правительством Хамида Карзая, пока не принесли результатов, несмотря на изданный в январе 2002 г. указ президента Афганистана о запрете производства в стране наркотиков. Согласно докладу, опубликованному Управлением ООН по наркотикам и преступности (UNODC), в 2004 г. в Афганистане производилось 87% всего героина в мире¹⁵. Хотя наблюдалось некоторое сокращение посевных площадей опиумного мака, производство опиума-сырца снизилось ненамного.

Ситуация осложняется тем, что помимо местной наркомафии в Афганистане действуют транснациональные мафиозные группировки. Кроме того, производство и продажа наркотиков являются также основными источниками финансирования полевых командиров, которые по сию пору контролируют целые регионы страны.

Афганские власти принимают меры для исправления ситуации: в различных областях учреждаются правительственные агентства по борьбе с наркотиками, осуществляются операции по уничтожению посевов мака, совместно с Ираном реализуется программа по замещению плантаций наркосодержащих культур традиционными сельскохозяйственными культурами. Тегеран, в свою очередь, также осуществляет ряд мер в этой области. Иран занимает первое место среди граничащих с Афганистаном государств по количеству конфискованного опиума на своей границе. Иранские правоохранительные органы регулярно изымают у наркокурьеров крупные партии наркотиков (в 2004 г. изъято около 300 т наркотиков¹⁶), вдоль линии ирано-афганской границы возводятся заградительные сооружения.

Не менее важной является проблема репатриации афганских беженцев из Ирана. Иммиграция афганцев в соседний Иран началась сразу после апрельской революции 1978 г., однако пика она достигла с приходом к власти талибов (2000 г. — более 240 тыс. беженцев)¹⁷. В Иран бежали в основ-

ном таджики и хазарейцы, преследуемые в Афганистане талибами (большая часть которых — пуштуны). В 2001 г. после падения режима талибов Тегеран поставил вопрос о репатриации афганских беженцев со своей территории. В 2002—2003 гг. в Женеве были подписаны трехсторонние соглашения между Исламской Республикой Иран, Афганистаном и Управлением Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ), которыми был установлен порядок репатриации афганских беженцев с территории Ирана.

Согласно договоренностям, репатриация должна носить добровольный характер, при этом беженцам гарантируется оказание услуг по транспортировке и медицинскому обслуживанию, ускоренное прохождение таможенных процедур. С начала реализации программы из Ирана в Афганистан добровольно вернулись около 1,3 млн беженцев. Однако на территории Ирана до сих пор остаются еще порядка 950 тыс. официально зарегистрированных афганских беженцев. Принимая это во внимание, Иран, Афганистан и представительство УВКБ подписали в Герате 29 июня 2005 г. соглашение о продлении сроков программы добровольной репатриации беженцев до 20 марта 2006 г., после чего репатриация, по заявлениям иранских чиновников, будет осуществляться уже в принудительном порядке¹⁸.

Одним из противоречий ирано-афганского экономического сотрудничества являются их различные подходы к газотранспортной политике в регионе. Афганистан заинтересован в строительстве трансафганского газопровода (ТАГ) Туркменистан—Афганистан—Пакистан, который будет приносить ему ежегодно порядка 300 млн долл. за транзит, создаст дополнительные рабочие места и ускорит строительство дорог и коммуникаций на территории Афганистана вокруг газопровода¹⁹. На правительство Карзая в этом вопросе огромное влияние оказывают США. Активным участником этого проекта выступает президент Туркмении Сапармурат Ниязов, который стремится увеличить экспорт туркменского газа и выйти на мировые рынки, пытаясь преодолеть зависимость от России. В мае 2002 г. в Исламабаде президентом Туркмении, Пакистана и Афганистана было подписано Межправительственное соглашение о строительстве газопровода. Был создан Руководящий комитет по реализации этого соглашения, в состав которого вошёл четвёртый участник проекта — Азиатский банк развития. 26 июня 2003 г. на шестом заседании Рабочего комитета в Ашхабаде был утвержден «южный маршрут» газопровода: Довлетабад—Герат—Кандагар—Кветта—Мултан. Планировалось подключение к проекту Индии. Пока Дели не дал своего согласия, однако их представитель принял участие в очередном 9-м заседании Руководящего комитета по строительству ТАГ, которое состоялось в Ашхабаде в феврале нынешнего года.

Проект трансафганского газопровода сталкивается с многочисленными трудностями: не сформирован международный консорциум, существуют финансовые проблемы, которые препятствуют началу строительства.

Главным препятствием на пути реализации проекта является все еще нестабильная политическая ситуация в Афганистане, по территории которого планируется проложить 830 км газопровода²⁰. Существуют сомнения и в достаточности запасов газа на туркменском месторождении Довлетабадское. Не последнюю роль в торможении данного проекта играет и позиция Ирана.

Официально Тегеран не выступает против строительства ТАГ, но в то же время активно пытается реализовать альтернативный проект газопровода — Иран—Пакистан—Индия.

Для его участников этот проект является более выгодным с экономической точки зрения. Иран в этом случае получит новый крупный рынок сбыта для своего природного газа (по его запасам Иран занимает второе место в мире после России). Индия — крупнейший в Южной Азии импортер углеводородов — сможет удовлетворить свои потребности в газе, сэкономив на его транспортировке около 300 млн долл. Пакистан, помимо иранского газа, сможет получать плату за транзит, которая по различным оценкам составит от 580 до 700 млн долл. ежегодно²¹.

Главным тормозом этого проекта стало напряженное состояние индо-пакистанских отношений. В период их наибольшего обострения Индия и Иран разрабатывали даже план прокладки газопровода по дну Аравийского моря в обход территориальных вод Пакистана, но такой вариант оказался слишком дорогим и экономически невыгодным.

В связи с нынешним потеплением отношений между Индией и Пакистаном преграды на пути строительства газопровода Иран—Пакистан—Индия вроде бы устранены: в июле 2005 г. в ходе первого заседания совместной индийско-пакистанской рабочей группы в Дели была достигнута договоренность о начале строительства газопровода в 2006 г. Финансовых препятствий к этому нет, международный консорциум был создан еще в 2000 г., а проблема обеспечения безопасности газопровода не стоит здесь столь остро, как в Афганистане.

Однако нельзя сказать, что препятствий для реализации этого масштабного проекта совсем нет. В его реализации не заинтересованы США. Вашингтон препятствует достижению окончательных договоренностей, оказывая, в частности, давление на Пакистан и угрожая Исламабаду введением экономического эмбарго. Впрочем, на пути реализации газопровода Туркмения—Афганистан—Пакистан препятствий и проблем куда больше.

В заключение следует сказать, что в силу давних исторических, культурных и экономических связей Иран и Афганистан бесспорно заинтересованы в развитии двустороннего торгово-экономического сотрудничества. Иран, как уже было сказано, сыграл весьма значимую роль в восстановлении экономики Афганистана, успешно реализовав за короткий срок ряд проектов в ведущих отраслях афганской экономики: сельском хозяйстве, энергетике, дорожном строительстве, а также выступая в качестве коорди-

натора международной помощи Афганистану.

Нельзя не признать, однако, что отношения двух соседних стран могли бы быть более тесными и плодотворными, если бы не антииранская политика Вашингтона, на военную поддержку которого в значительной степени опирается режим Хамида Карзая. Нынешнее кабульское правительство, не имея внутри страны прочной политической опоры, вынуждено лавировать между Тегераном и Вашингтоном в стремлении обеспечить свои политические и экономические интересы. В целом же отношения между ИРИ и ИРА развиваются в позитивном направлении, и при наличии доброй воли все проблемы, существующие сегодня в отношениях между двумя странами, могут быть успешно решены.

Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. М., 2004., с. 397.

² www.polpred.com в разделе «Афганистан. том 2».

³ www.iran.ru от 20 февраля 2004.

⁴ www.polpred.com в разделе «Афганистан»

⁵ www.iran.ru

⁶ www.irna.com от 19 ноября 2004.

⁷ www.irna.com от 6 мая 2005.

⁸ www.iran.ru от 23 марта 2005.

⁹ www.irna.com от 9 марта 2005.

¹⁰ www.iran.ru от 15 июня 2004.

¹¹ - www.kommersant.ru за 1.10.2002

¹² *Арунова М.Р.* Иран и афганская проблема (2000-2004) - в сб. «Афганистан в начале XXI века». М., 2004.

¹³ *Франко К.* Доклад UNODC. www.eurasianet.org

¹⁴ Афганистан в начале XXI в., М., 2004, с. 15.

¹⁵ Доклад UNODC – evrasianet.org

¹⁶ www.from-ua.com.

¹⁷ Сборник «Афганистан и сопредельные страны». М., 2003, с. 19.

¹⁸ www.iran.ru от 3.07.2005

¹⁹ Туркменский газ выходит на мировой рынок - www.afghanistan.ru от 14.04.2003

²⁰ Министр шахт и горной промышленности Афганистана Мир Мохаммад Сидик не раз заявлял о готовности афганских властей разместить вдоль линии будущего газопровода специальные отряды, сформированные из пограничников и полицейских, однако этот план представляется труднореализуемым.

²¹ Siddharth Srivastava. US plays spoiler in India-Pakistan pipeline accord - www.livejournal.com/update.bml

8. Российско-иранское сотрудничество по реализации Международного транспортного коридора (МТК) «Север—Юг»

А.И. Полищук

Концепция создания транспортного Коридора «Север—Юг» или международного «Коридора-№9» была выдвинута в 1993 г. в Хельсинки министрами транспорта и путей сообщения ЕС. Этот коридор призван обеспечить транзитную связь Северной Европы, Скандинавии и России со странами бассейна Персидского залива, Индийского океана и Юго-Восточной Азии через Иран. Юридическая база реализации концепции Коридора «Север—Юг» была заложена 12 сентября 2000 г. в ходе второй Евразийской конференции по транспорту, когда Россия, Индия и Иран подписали межправительственное Соглашение о создании МТК.

Соглашение о международном транспортном Коридоре «Север—Юг» ставит своими целями:

- а) повышение эффективности транспортных связей для организации перевозок пассажиров и товаров по МТК;
- б) содействие доступу на международный рынок услуг железнодорожного, автомобильного, морского, речного и воздушного транспорта — Сторон Соглашения;
- в) содействие увеличению объемов международных перевозок пассажиров и товаров;
- г) обеспечение безопасности движения транспортных средств, сохранности товаров и охраны окружающей среды в соответствии с международными стандартами;
- д) гармонизация транспортной политики, а также правового регулирования в сфере транспорта;
- е) создание равных недискриминационных условий доступа для поставщиков транспортных услуг на различных видах транспорта в пределах МТК.

В соответствии с поставленными целями стороны обязались принимать все усилия направленные на:

- а) сокращение времени транспортных перевозок через территории их государств;
- б) сведение к минимуму стоимости транзитных перевозок;
- в) упрощение всей административной документации и процедур (включая таможенные), касающихся транзитных перевозок через их территории в соответствии с принятыми международными соглашениями и стандартами.

С целью регулирования вопросов реализации Соглашения и применения его положений 29—30 июля 2001 г. в Тегеране эксперты стран-участниц обсудили проект Устава Координационного Совета (КС)

МТК, а в январе 2001 г. текст Устава КС был окончательно согласован и парафирован в Нью-Дели. В феврале 2002 г. Госдума РФ ратифицировала Соглашение о коридоре «Север–Юг», и 12 марта 2002 г. Президент РФ В.В. Путин подписал соответствующий федеральный закон. 20–22 мая 2002 г. в Санкт-Петербурге состоялась встреча министров транспорта стран-участниц Соглашения МТК «Север–Юг», в ходе которой было объявлено о вступлении в силу Соглашения и был подписан протокол об официальном открытии международного транспортного Коридора «Север–Юг». 21 мая также состоялось 1-ое заседание Координационного Совета, был принят его Устав, созданы экспертные группы и обсуждена в предварительном порядке процедура присоединения к Соглашению новых государств.

В настоящее время к Соглашению присоединились республики Казахстан и Беларусь. Вопрос о членстве в Соглашении Омана и Таджикистана планируется рассмотреть на 3-ем очередном заседании КС в текущем году. Заявки на присоединение к Соглашению подали Армения, Азербайджан, Сирия, Турция и Украина. Среди возможных кандидатов рассматриваются также Туркмения, Саудовская Аравия, Кувейт, ОАЭ, Малайзия, Шри-Ланка, Финляндия и Литва.

В настоящий момент страны-основатели Соглашения вырабатывают свои предложения о порядке присоединения к Соглашению новых членов.

Рассмотрение вопроса о создании и местоположении Секретариата Соглашения пока решено отложить. На сегодняшнем этапе формирования руководящих органов Коридора «Север–Юг» функции Секретариата будет выполнять Координационный Совет, председательство в котором попеременно по одному году будет осуществляться в порядке ротации странами-основателями Соглашения.

29–30 апреля 2003 г. в Тегеране прошло 2-е заседание Координационного Совета, в ходе которого были определены условия присоединения к Соглашению Казахстана и Беларуси, одобрены рекомендации экспертных групп, определены повестка дня встречи экспертных групп в РФ в конце 2003 г., а также сроки и место проведения очередного заседания КС. Председательство в Координационном Совете на ротационной основе перешло от России к Ирану до проведения 3-его заседания. В настоящий момент председателем Координационного Совета является Иран. Необходимо отметить, что Иран, страна депозитарий Соглашения, имеет свой национальный секретариат по Коридору «Север–Юг», что в значительной степени облегчает координацию усилий иранской стороны по рассмотрению и решению всех проблем, связанных с формированием структуры органов управления Соглашения и инфраструктуры коридора на территории ИРИ.

В период с 1 по 3 декабря 2003 г. в г. Астрахань состоялось 3-е заседание экспертной группы КС по коммерческим и оперативным вопросам. В протокол 3-его заседания экспертной группы КС было внесено предложение о создании рабочей группы с целью точечного изучения проблемных мест на маршруте МТК «Север–Юг». Было решено, что 2 специалиста от каждой страны примут участие в работе названной рабочей группы, доклад которой должен быть представлен в КС для обсуждения путей повышения эффективности перевозок по МТК.

Общая протяженность коридора от порта Бомбей (Мумбай) до Санкт-Петербурга составляет 7200 км. Как указывалось, одной из основных целей создания коридора является сокращение сроков транспортировки товаров и уменьшение стоимости перевозок по сравнению с традиционным морским путем через Суэцкий канал и Средиземное море. По предварительным оценкам и проведенным экспериментальным перевозкам срок транспортировки грузов по Коридору может сократиться по сравнению с действующим ныне морским путем почти вдвое и составит 25 вместо 45 дней.

Пробные пропуски транспортных контейнеров по МТК через территорию Ирана, осуществленные группой фирм в составе ирано-индийской фирмы «Ирано-Хенд» и смешанной ирано-российской компании «Ирсотр» при участии фирмы координатора «Реджи» в течение 2-х лет (2400 шт. 40-футовых контейнеров в 2000–2001 гг.) продемонстрировали эффективность перевозок уже в нынешних условиях при наличии существующих пропускных мощностей и при условии обеспечения грузами. Время перевозки контейнеров автотранспортом от порта Бендер-Аббас до порта Энзели составило 4 дня с учетом прохождения таможенных формальностей, а время перевозки от Бендер-Аббаса до Москвы было равно 13 дням. Стоимость перевозки контейнеров по МТК «Север–Юг» также была значительно ниже, чем через Суэцкий канал (Бомбей-Санкт-Петербург).

Коридор «Север–Юг» представляет собой смешанный (мультиmodalный) маршрут: железная дорога – море – железная дорога – море. Оптимальным является перевозка по Коридору контейнерных грузов без перевалки на основном отрезке маршрута, а именно: Москва-Астрахань – строящийся порт Амир-Абад на Каспийском побережье Ирана – порты Бендер-Аббаса в Персидском заливе. Для этой цели на Каспийском побережье Ирана необходимо иметь железнодорожные паромные причалы и постоянно действующую железнодорожную паромную морскую линию на Каспии и железнодорожные паромные причалы на российской территории в порте Оля в районе Астрахани (или в Махачкале).

Иран предпринимает усилия по созданию необходимой инфраструктуры Коридора на своей территории для обеспечения перевозок

грузов по ж/д и, в первую очередь, контейнерных грузов по территории страны.

В Иране работы ведутся по 3-м направлениям:

- расширение и модернизация контейнерного терминала в Бендер-Аббасе;
- завершение строительства порта Амир-Абад на Каспии;
- строительство ж/дороги Казвин—Решт—порт Энзели (парламент Ирана одобрил ассигнования на строительство указанной дороги, и она может быть построена в течение 6-8 лет силами иранских компаний).

Сухопутная часть коридора, проходящая через Иран, предполагает более активное использование прежде всего ж/д транспорта наряду с существующей практикой автомобильных грузовых перевозок.

В настоящее время в рамках Коридора «Север—Юг» уже осуществляются транзитные ж/д перевозки преимущественно навалочных грузов, прибывающих в частично вступивший в эксплуатацию порт Амир-Абад. В 2003 г. из 1 млн. тонн грузов, ввезенных через Амир-Абад, 100 тыс. тонн было отправлено транзитом в Бендер-Аббас. Срок прохождения грузов по ж/д от порта Амир-Абад на Каспий и до порта Бендер-Аббас в Ормузском проливе составляет от 48 до 72 часов. Существующие на ж/дорогах Ирана стандарты позволяют перевозить по маршруту Амир-Абад — Бендер-Аббас также и контейнерные грузы. Сейчас продолжается интенсивное развитие порта Амир-Абад.

В настоящее время в порту Амир-Абад имеется 8 построенных причалов общей протяженностью 1417 метров. Все причалы имеют подъездные железнодорожные пути. С целью дальнейшего направления груза по территории Ирана ж/д транспортом, он перегружается с судов на ж/д платформы. Начаты работы по строительству причалов для приема судов типа RO-RO с ж/д платформами. Сдача причалов в эксплуатацию планируется в 2005 году.

На сегодняшний день порт Амир-Абад имеет один причал для приема судов типа RO-RO с автотранспортом. Другие причалы работают с контейнерными грузами и являются многоцелевыми. В ходе первой фазы строительства предусмотрено сооружение трех специализированных нефтяных причалов (работы еще не начаты). В настоящее время для хранения нефтепродуктов могут использоваться другие склады (площадью 15000, 10000, 1000 кв.м). В 1382 иранском году (2003—2004 гг.) в порту обработано около одного миллиона тонн грузов, из которых порядка 100000 тонн составили ж/д грузы. В текущем году (март-июль 2004 г.) 40% грузов доставлены в порт ж/д транспортом. Мощности порта по переработке груза составляют 4 млн. тонн.

Однако, в ближайшей перспективе не планируется создание в Амир-Абаде центра по замене колесных пар на иранскую колею. Отсутствует пока и железнодорожный паром для обслуживания линии Оля—Амир-Абад. В целом, иранские специалисты считают нерентабельными перевозки вагонов

ж/д паромом до Оля или портов Астрахани из-за большой протяженности маршрута по Каспию (более 1100 км.), а также неравномерности и недостаточности существующего транзитного грузопотока.

По мнению экспертов иранских железных дорог, гораздо более перспективными являются контейнерные перевозки с использованием ж/д составляющей внутри страны без использования ж/д парома на Каспии.

Основную конкуренцию транзитным перевозкам по Коридору «Север–Юг» сейчас составляют и будут составлять в перспективе перевозки в направлении с Востока на Запад и обратно по железной дороге от терминала Серахс (северо-восточная граница Ирана) до Рази (северо-западная граница Ирана) и далее в Турцию и Европу или же по маршруту Серахс–Бендер-Аббас (2440 км при скорости перевозки 72 часа).

В настоящее время в Иране идет интенсивное строительство 1-путной ж/д Бафк–Мешхед (800 км.). После ввода в строй этой железной дороги маршрут Серахс–Бендер-Аббас сократится почти на 900 км и большая часть ж/д грузов из среднеазиатских государств пойдет в Бендер-Аббас этим маршрутом.

После завершения строительства ж/д Бафк–Мешхед предполагается достроить ж/д Бам–Захедан и таким образом соединить к 2006–2007 гг. ж/д сеть Ирана с азиатской через Пакистан и европейской через Турцию.

Учитывая наличие железной дороги по маршруту Амир-Абад — порт Имам Хомейни (провинция Хузестан), этот участок может быть использован уже сейчас как ж/д часть Коридора «Север–Юг», хотя иранцами он считается не очень выгодным, так как порт Имам Хомейни расположен в стороне от основного маршрута МТК в глубине Персидского залива.

Как известно, порты Энзели и Ноушехр не связаны с ж/д сетью Ирана, поэтому транзитные грузы перевозятся в эти порты и из них на автотранспорте. В то же время уже сейчас возможна перегрузка грузов, особенно контейнеров, с автотранспорта на ж/д платформы в Казвине и дальнейшая их транспортировка в Бендер-Аббас или порт Имам Хомейни.

В более отдаленной перспективе возможно соединение порта Чабахар с ж/д сетью страны. В будущем порты Чабахара (Шахид Бехешти и Шахид Калантари) могут стать наряду с Бендер-Аббасом пунктами перевалки грузов по маршруту Коридора «Север–Юг» с использованием автотранспортного плеча для перевозки грузов к северным портам Ирана. Возможно также создание грузопотоков по ответвлениям Коридора на севере ИРИ в сторону центральноазиатских республик (Серахс) или в Афганистан (автомобильные терминалы Торбете Джам и Тейебат).

В целом следует иметь в виду, что 90% перевозок грузов внутри Ирана осуществляется автомобильным транспортом и объем транзитных автоперевозок постоянно растет и составляет около 3 млн. тонн в год.

Однако, пока поток транзитных грузов, проходящих через Коридор «Север–Юг» по маршруту Москва–Бомбей крайне незначителен. В 1381 иранском году (март 2001 — март 2002 г.) по данным Секретариата МПК по Коридору было перевезено 200 тыс. тонн транзитных грузов. В перевозках по Каспию преобладают, в основном, традиционные маршруты через порты Энзели и Ноушехр.

Необходимо отметить, что в настоящее время и в обозримой перспективе, базовым грузопотоком на Каспийском участке Коридора останется грузооборот российско-иранской торговли, который составил в 2001 г. 2,5 млн. тонн и постоянно растет. В транспортном транзитном потоке по Каспию преобладает российский экспорт в Иран и транзит российских товаров.

С точки зрения перспективы роста российско-иранской торговли и подготовки инфраструктуры Коридора «Север–Юг» большое значение имеет создание необходимых портовых мощностей на российском побережье Каспийского моря и развитие портов на иранском побережье Каспия. Как указывалось, иранская сторона расширяет существующие на Каспии порты Энзели и Ноушехер и осуществляет строительство нового порта Амир-Абад (Хазар) с проектной мощностью до 8 млн. тонн грузов, способного принимать железнодорожные и автомобильные паромы.

Минтранс России проводит работу по обеспечению перевозок грузов на Каспийском участке Коридора «Север–Юг». В бассейне Каспийского моря постоянно работают около 70 судов под российским флагом. В настоящее время действуют автопаромы из порта Оля (Россия) на Ноушехер и Энзели на иранском побережье.

Продолжается развитие российских портовых мощностей по маршруту МТК «Север–Юг» в Каспийском бассейне. В 2003 г. в порту Махачкала проведена реконструкция нефтепирса № 1 (300 п. м., 32,5 млн. тонн в год) и введена в строй 1-я очередь комплекса по отгрузке зерна проектной мощностью 0,2 млн. тонн. В 2004 г. в порту Махачкала планируется провести реконструкцию причала № 5 нефтегавани (180 п.м., 0,9 млн. тонн). В 2003 г. в порту Оля введен в эксплуатацию контейнерный причал № 3 мощностью 0,4 млн. тонн в год. В указанных портах продолжается обустройство пунктов пропуска через границу.

В настоящее время основные Каспийские порты МТК «Север–Юг» на территории России — Астрахань, Махачкала и Оля, способны переработать 4,5 млн. тонн сухих и до 4 млн. тонн наливных грузов.

28 июля 2004 г. в присутствии премьер-министра РФ М.Е. Фрадкова состоялась церемония открытия железнодорожной линии станция Яндыки — порт Оля, протяженностью 49 км. С вводом в строй этой линии завершено формирование российской железнодорожной составляющей МТК «Север–Юг». По мнению представителей ОАО «РЖД» использование

участка Яндыки–Оля позволит снизить тарифную составляющую по перевозке грузов на 20%. В целом взвешенная тарифная политика будет способствовать привлечению большого грузопотока по маршруту МТК «Север–Юг». Одной из важных мер по активизации перевозок по Коридору могло бы стать учреждение управляющей компании. Этот вопрос нуждается в проработке в рамках экспертных групп Координационного Совета МТК «Север–Юг».

В рамках реализации Коридора «Север–Юг» представляется важным дальнейшее развитие прямого морского сообщения между Россией и Ираном для снижения зависимости от транзита через территории сопредельных государств. Кроме того, морское сообщение с Ираном создает благоприятные конъюнктурные и экономические условия развития сухопутных перевозок как автомобильным, так и железнодорожным транспортом.

В настоящее время российские компании (в частности туристические), расположенные в Астрахани, рассматривают возможность организации пассажирской морской линии между Астраханью и иранскими провинциями Гилян и Мазандеран, а также каботажного плавания по Каспию с заходом в порты соседних государств. Эта идея в принципе поддерживается иранской стороной.

Практическая реализация транспортного транзитного Коридора «Север–Юг» требует дальнейшего совершенствования структуры органов управления Коридором, продолжения работы по реализации целей Соглашения (прежде всего унификации транспортной документации и таможенных правил), создания необходимой транспортной инфраструктуры и увеличение объема перевозок грузов по маршруту всего Коридора в обоих направлениях.

Ноябрь 2004 г.

9. Иранская ядерная программа и ее роль в русско-иранских отношениях

В.И. Сотников

С момента распада СССР и образования Российской Федерации (РФ), Россия имеет свои естественные национальные интересы в отношениях с Исламской Республикой Иран (ИРИ). Эти интересы имеют исторические корни, которые сложились еще во времена СССР и шахского режима. Затем, после исламской революции в Иране (1979 г.) и горбачевской перестройки и гласности в СССР, эти интересы постепенно сложились в то сотрудничество между Ираном и Россией, которое мы наблюдаем в настоящее время. Соответственно, оба крупных в военно-политическом отношении государства-соседа являются естественными партнерами друг для друга. Причем их взаимные интересы включают внешнеэкономические и внешнеторговые отношения, политическое взаимодействие по многим международным вопросам современных глобальных и региональных международных отношений, сферу военно-технического сотрудничества (ВТС), партнерство в осуществлении в Иране крупных коммерческих проектов в нефтегазовой отрасли (например, возможное участие российских фирм в строительстве трансрегионального газопровода Иран—Пакистан—Индия), а также сотрудничество в области мирного использования атомной энергии (строительство АЭС в Бушере, при непосредственном участии российских государственных компаний). Россия также имеет важные внешнеполитические интересы в Иране: ИРИ — крупная региональная держава в регионе Среднего Востока, оказывающая значительное влияние на политические процессы не только в своем регионе, но и в сопредельных регионах Ближнего Востока, районе стран Персидского залива и Центральной Азии, а также Закавказья — новых независимых странах — Азербайджане, Армении и Грузии и бассейне Каспийского моря. Это говорит о значимости Ирана, как внешнеполитического партнера не только в региональных отношениях, но и в глобальном смысле.

В российско-иранских отношениях нет крупных противоречий, если не считать сохраняющиеся различия в подходах обеих стран к вопросу освоения углеводородных запасов Каспия (ИРИ претендует на больший сектор Каспийского моря с разработкой его углеводородных месторождений) и позицию России по отношению к ядерной деятельности Тегерана, претерпевшую некоторые изменения после 2004 года, когда ИРИ запустила полным ходом программу обогащения урана и создание предприятий полного (закрытого) ядерного топливного цикла, мотивируя это насущными нуждами развития ядерной энергетики страны. При этом

Россия, продолжая сотрудничать с Ираном в строительстве Бушерской АЭС, выступает за исключительно мирное использование Ираном энергии атома — поскольку после 2004 года у международного сообщества, и, прежде всего ООН и МАГАТЭ, имеются определенные сомнения в характере и направленности ядерной деятельности ИРИ. А Исламская республика не может с полной определенностью подтвердить, что ее ядерная программа служит исключительно мирным целям. И здесь уместно в самом начале этой статьи повторить вынесенный в ее заголовок вопрос, несколько видоизменив его: насколько совместимы российские национальные интересы с иранской ядерной программой? Ответ, на наш взгляд, состоит в том, что возможное создание ИРИ ядерного оружия, в чем подозревает ее международное сообщество, и в чем не до конца уверена Россия — однозначно противоречит национальным интересам России. Что, кстати, было неоднократно отмечено самыми высокопоставленными российскими политиками; недавно об этом недвусмысленно высказался министр обороны РФ Сергей Иванов. Поскольку в непосредственной близости от границ РФ появится крупная региональная ядерная держава, имеющая на своем вооружении баллистические ракеты средней и меньшей дальности, радиус действия которых покрывает южный фланг России. Который к тому же будет опоясан т.н. «исламским ядерным поясом» — в связке ядерный Пакистан — ядерный Иран, с возможным подключением Саудовской Аравии, как того опасаются многие международные аналитики. Этот «пояс» станет далее частью «ядерной дуги нестабильности», которая будет пролегать от Израиля — де-факто ядерного государства, через ядерные Иран и Пакистан до ядерной Индии и оканчиваться признанной ядерной державой — Китаем и новым ядерным неформалом — Северной Кореей. И все это в основном вдоль южных и юго-восточных границ РФ.

Что же касается непосредственно ядерной программы ИРИ — упорное нежелание Тегерана прекратить обогащение урана и, даже начало его промышленного обогащения, превратило ядерную программу этой страны в ядерную проблему для всего международного сообщества. С весны 2006 года, т.н. «ядерное досье» Ирана находится на рассмотрении Совета Управляющих МАГАТЭ — международной ооновской организации, призванной неукоснительно следить за мирным характером ядерной деятельности стран — членов Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и пресекать попытки переключения ядерных материалов и технологий на их немирное использование. В последнее время «ядерное досье» Ирана рассматривается в Совете Безопасности ООН (СБ ООН), который в своей последней резолюции № 1696 от 31 июля 2006 года потребовал от Ирана до 31 августа 2006 г. прекратить все работы по обогащению урана и вернуться в правовое поле ДНЯО. Формально Иран не нарушает основополагающие принципы ДНЯО, однако, как

свидетельствует МАГАТЭ в своих регулярных отчетах о соблюдении Ираном гарантий МАГАТЭ, ядерная деятельность Ирана не может дать возможность МАГАТЭ заверить международное сообщество и ООН в том, что ядерная программа Ирана носит исключительно мирный характер. Наоборот, согласно последним данным экспертов МАГАТЭ, ИРИ вдвое увеличило каскад центрифуг на предприятии в Натанзе (со 164 до 328), на которых осуществляется обогащение урана, правда со степенью обогащения — 3%. Начиная от степени обогащения в 20% этот радиоактивный материал становится пригодным в качестве «начинки» для ядерного оружия. ИРИ также ввела в действие завод по производству тяжелой воды в Араке, который является одним из ключевых объектов по переработке отработавшего ядерного топлива и выделению плутония — еще одной ядерной «взрывчатки».

Для «шестерки» государств (Россия, США, Китай, Англия, Франция и Германия), обсуждающих ядерную проблему ИРИ на всех уровнях (совещаниях министров иностранных дел, в СБ ООН и на уровне экспертов), так же, как и для большинства международного сообщества остается без ответа вопрос о целесообразности создания Ираном полного ядерного топливного цикла, при том, что собственных запасов урановых руд Ирану едва хватит на обеспечение работы АЭС в Бушере. А Тегеран объявил об амбициозном плане, который был выдвинут еще при шахском режиме — строительстве 20 АЭС для развития своей ядерной энергетики. И это в то время, когда страна занимает второе место по разведанным запасам природного газа и является одним из ключевых экспортеров нефти на мировом рынке. И природный газ, и нефть являются дешевыми альтернативными источниками энергии для страны. Но нынешнее руководство ИРИ — в лице президента М. Ахмадинежада — упорно заявляет о необходимости создания полного ядерного топливного цикла, и объявило весной этого года о том, что Иран вошел в «избранный клуб ядерных держав», овладев технологией обогащения урана. Это мотивируется нуждами развития иранской ядерной энергетики. При этом остается открытым вопрос о конечном использовании чувствительных ядерных технологий и оборудования, которые, как свидетельствуют эксперты МАГАТЭ, были поставлены Ирану подпольной сетью пакистанского ученого атомщика и «ядерного бизнесмена» А.К. Хана в 2003-2004 годах.

Между тем, на сегодняшний день, рассмотрение иранской ядерной проблемы на международном уровне, и, прежде всего, в СБ ООН, находится в некотором тупике. После отказа Ирана ответить положительно на требования, содержащиеся в вышеупомянутой резолюции СБ ООН, и на пакет побудительных предложений «шестерки», Тегеран в лице главного «ядерного» переговорщика Лариджани продолжает вести переговоры с «евротройкой», которую представляет Х.Солана, правда, без особого

успеха. Власти ИРИ, по последним сообщениям, собираются допустить инспекторов МАГАТЭ на ядерные объекты страны для проведения тестов — на наличие расщепляющихся материалов на этих установках, а президент Ахмадинежад осудил проведение ядерных испытаний Северной Кореей в октябре 2006 года и призвал ее руководителей отказаться от ядерного оружия. Наконец, Тегеран не вышел из Дополнительного протокола 1997 года МАГАТЭ, хотя до сих пор отказывается ратифицировать его. Что это? Попытка ИРИ доказать всему миру, что его ядерная программа является мирной и не направлена на создание ядерного оружия, или тонкий ход персидской дипломатии? В любом случае, иранцы могут с некоторым для себя основанием, обвинять международное сообщество в том, что оно осуществляет давление на Иран, который является полноправным участником ДНЯО и членом МАГАТЭ. Однако как представляется, это все же очередные маневры иранской дипломатии, призванные предотвратить неблагоприятное развитие ситуации вокруг иранской ядерной проблемы, выражающейся в принятии СБ ООН согласованной резолюции, содержащей конкретные санкции против ИРИ. А принятие такой резолюции СБ ООН «буксует» из-за отсутствия консенсуса среди его постоянных членов, как раз по вопросу об этих самых санкциях. Россия и Китай считают принятие санкций против Ирана преждевременным и выступают за дальнейшие дипломатические переговоры с Тегераном в рамках МАГАТЭ. Насколько санкции против ИРИ соответствуют национальным интересам РФ? Думается, что любая резолюция СБ ООН, предусматривающая полное свертывание сотрудничества в ядерной области с ИРИ, неприемлема для России, которая строго выполняет все свои международные обязательства в том, что касается строительства АЭС в Бушере (в феврале 2005 года между ИРИ и РФ было даже подписано соглашение о возврате отработавшего ядерного топлива с Бушерской АЭС в РФ). Такая резолюция, которую энергично пытаются протолкнуть в СБ ООН США, выглядит, как попытка ущемить коммерческие интересы России в Иране и в перспективе лишить ее доступа на иранский «ядерный» рынок. Похоже, это прекрасно понимает «евротройка»: не случайно она выдвинула свой «смягченный» проект резолюции, содержащий санкции против Тегерана, учитывая особые интересы России в Бушере. Однако это связано не с желанием Великобритании, Франции и Германии отдать иранский «ядерный» рынок России, а с их попыткой найти консенсусное решение по санкциям против ИРИ.

Представляется, что российским национальным интересам противоречит любая резолюция СБ ООН, содержащая ссылку на применение военной силы против ИРИ, как и ее применение вообще. Кстати, этого очень опасается Иран. По словам ведущих американских аналитиков Совета по международным отношениям, с которыми автор встречался

летом этого года в Нью-Йорке, среди иранцев существует параноя, что США предпримут военное нападение на Иран уже в ближайшем будущем, поэтому он продолжит свою ядерную программу в интересах своей безопасности. Так вот, любое применение военной силы против ИРИ, будь то со стороны США или Израиля, под эгидой ООН или без нее, чревато быстрым перерастанием в крупный региональный конфликт, прежде всего между Ираном и Израилем, де-факто ядерной державой, против которого в первую очередь в конечном счете и направлено будущее иранское ядерное оружие. А между тем ИРИ — мощная региональная военная держава, имеющая вторые после Израиля отмобилизованные вооруженные силы на Большом Ближнем Востоке. Такой конфликт заставит Москву пересмотреть свою политику обеспечения безопасности на южном направлении, в том числе и ядерную политику, и грозит втягиванием в него и других государств Большого Ближнего Востока.

Что же можно ожидать в нынешней сложившейся ситуации вокруг ядерной проблемы Ирана и как повести себя России? Как представляется, возможные варианты дальнейшего развития событий, связанных с иранской ядерной программой и реакции России можно условно разделить на три основных сценария.

Первый. СБ ООН в ближайшем будущем принимает согласованную резолюцию о «мягких» санкциях против ИРИ. Речь идет о поэтапной эскалации санкций против Ирана со стороны международного сообщества, начиная от замораживания иранских авуаров в западных финансовых организациях и прекращения поставок Тегерану высоких технологий, в том числе и в ядерной области, и кончая эмбарго на поставки некоторых видов промышленной продукции ИРИ. Здесь важно отметить, что речь не идет о нефтяном эмбарго ИРИ, поскольку Запад (прежде всего европейские страны), а также Китай не пойдут на это. Думается, что при непримиримой позиции Ирана в том, что касается продолжения его программы обогащения урана, Россия могла бы присоединиться к этим «мягким» санкциям, конечно, не в ущерб сотрудничеству с Ираном. Это дало бы сигнал Тегерану, что существует некая «красная черта», которую он перешел, и что он не может и дальше играть на разногласиях между Москвой и западными столицами по вопросу санкций. И такая позиция не противоречила бы национальным интересам России, пытающейся таким образом, со своей стороны предотвратить появление ядерного оружия у своего соседа. И думается, что Ирану будет совсем не безразлична такая позиция России (вполне вероятно, поддержанная Китаем).

Второй. Принятие согласованной резолюции СБ ООН все еще затягивается, иранская ядерная проблема вновь и вновь возвращается к своему обсуждению в рамках МАГАТЭ и «шестерки», и на переговорах Тегерана с «евротройкой». Это менее вероятный сценарий, по сравнению

с первым, но все же возможным, учитывая уже упомянутый выше «тупик» в рассмотрении ядерной проблемы ИРИ. Эта ситуация благоприятна для Ирана, поскольку позволяет ему, как можно дольше оттягивать угрозу санкций и продолжать программу обогащения урана, без особых для него последствий. Для России — это не самая лучшая ситуация, поскольку дипломатические переговоры с Тегераном, на чем она настаивает, фактически заходят в тупик, а Тегеран продолжает разыгрывать «российскую карту» в своем торге с Западом. Кроме того, такая ситуация не может длиться бесконечно долго. Так или иначе, России придется выбирать между партнерскими отношениями по иранской ядерной проблеме с западными странами и бесплодными увещаниями Тегерана свернуть свою программу обогащения, имеющую немирный аспект. Думается, что здесь очень своевременно выглядит предложение президента В.В. Путина о международном центре по переработке плутония и обогащению урана на территории РФ — для нужд ядерных энергетических программ таких стран, как Иран. Только при этом, нужно учесть отрицательный опыт российского предложения о создании российско-иранского СП по обогащению урана на территории РФ, и иранскую дипломатическую игру с этим предложением. Для Ирана — обогащение урана в таких международных центрах, для того, чтобы иметь ядерное топливо для своих АЭС — это выход из тупика вокруг его программы обогащения. Для России — это хорошая дипломатическая инициатива, позволяющая сбалансировать интересы Ирана и западных партнеров по его ядерной проблеме, и вновь выступить в качестве посредника между ИРИ и Западом. Думается, что к этому со стороны России можно было бы добавить и инициативу по репатриации обогащенного урана и переработанного отработавшего топлива АЭС обратно в Иран под гарантиями МАГАТЭ, если ИРИ твердо намерено реализовать свой план по строительству 20 АЭС. Что касается политико-дипломатических инициатив со стороны РФ при этом сценарии, то целесообразно полноценное подключение России к переговорам Ирана с «евротройкой». При этом необходимы гарантии содействия в развитии на территории ИРИ объектов ядерной энергетической программы — коммерческих реакторов и объектов применения ядерной энергии в исследовательских и медицинских целях, при соблюдении всех необходимых гарантий МАГАТЭ. Наконец, разумно предложить Ирану в обмен на небогащение урана на установках в Натанзе и Исфагане выше уровня 3–5% (что является пригодным в качестве топлива для энергетических реакторов Ирана), гарантировать поставку новых коммерческих энергетических реакторов совместно со странами «евротройки» и осуществление дополнительных инвестиций в иранский нефтегазовый сектор, включая новейшие высокие технологии.

Третий сценарий. СБ ООН, под давлением США, принимает резолюцию о применении военной силы против ИРИ, согласно статье VII

Устава ООН. При этом Россия голосует против такой резолюции, но без вето. То же самое делает и Китай. Такой сценарий развития ситуации вокруг иранской ядерной проблемы менее вероятен, чем первые два. Более вероятно начало применения военной силы против Ирана со стороны Израиля (военный или военно-воздушный рейд против ключевых иранских ядерных установок, при полной поддержке США, но без участия американских военных и военно-воздушных сил). Это — крайняя ситуация, которая выглядит весьма отдаленной перспективой, хотя и не невозможной. В этих условиях, РФ будет резко возражать против таких ходов со стороны Израиля и США, и это соответствует ее национальным интересам, как уже было отмечено выше. Если это будет иметь место с санкции ООН, Россия (также как и Китай) вправе применить вето, при голосовании такой резолюции в СБ ООН (в отличие от резолюции СБ ООН, содержащей общие положения о применении силы против ИРИ). Здесь от России потребуются дипломатические усилия по переговорам с США и Израилем, с целью не допустить такой ситуации. Кроме того, Россия могла бы настаивать на прямых переговорах между США и Ираном, с целью предоставления американских гарантий безопасности ИРИ с подключением переговорного потенциала «евротройки» и МАГАТЭ. При этом от Ирана Россия вправе потребовать гарантий того, что обогащение урана, как и вся иранская ядерная деятельность не носит немирного характер. И в качестве жеста доброй воли со стороны Ирана — полностью распространить действие Дополнительного протокола 1997 года МАГАТЭ (о внезапных инспекциях), даже без ратификации его иранским меджлисом (парламентом). Кроме того, в этих условиях, «шестерка», по инициативе РФ, могла бы предоставить ИРИ гарантии ненападения на его ядерные установки, при доброй воле Ирана приостановить промышленное обогащение урана и допустить инспекторов МАГАТЭ на все ключевые ядерные установки, для слежения за процессом приостановки обогащения урана, что уже имело место в прошлом. Иран при этом обязуется неукоснительно выполнять рекомендации МАГАТЭ и «шестерки», и это не выглядело бы как диктат развитых стран Ирану, а только как рекомендации. На фоне этого, «шестерка» в рамках МАГАТЭ проводит интенсивные дипломатические переговоры с ИРИ, с предоставлением гарантий мирного развития ядерной деятельности Тегерана, при его полной отчетности перед МАГАТЭ по процессу обогащения урана на его ключевых установках. Для Ирана при этом соблюдается возможность обогащения урана на его территории, под полноохватным контролем МАГАТЭ. Все эти инициативы и действия полностью соответствовали бы национальным интересам как России, так и Ирана.

Основной вывод, который следует после рассмотрения возможных сценариев, состоит в том, что, даже в нынешней, почти тупиковой ситуации вокруг иранской ядерной проблемы, все еще имеется «окно возможностей»

для Ирана, с учетом вышеупомянутых дипломатических инициатив со стороны РФ, США и «евротройки», при условии своевременного ответа со стороны ИРИ в духе доброй воли. При этом, Иран должен проводить переговоры с «шестеркой» стран и МАГАТЭ в конструктивном плане для разблокирования тупиковой ситуации вокруг его ядерной проблемы, что соответствовало бы его национальным интересам и снижению уровня напряженности в отношениях ИРИ с ведущими западными странами, включая США. Это также полностью соответствует национальным интересам России по сохранению конструктивного сотрудничества с этим южным соседом, в том числе и в области мирного использования атомной энергии. Важным представляется здесь то обстоятельство, что все заинтересованные стороны должны действовать без диктата, даже в случае принятия резолюции СБ ООН о «мягких» санкциях против ИРИ, если она проявит дальнейшую неуступчивость в вопросе о приостановке обогащения урана. Кроме того, важно не допустить перерастания иранского ядерного кризиса в ситуацию, когда Иран, загнанный в угол, действует импульсивно и неконструктивно в ответ на неограниченное давление международного сообщества. Таким образом, можно очень скоро получить вторую Северную Корею в регионе Большого Ближнего Востока. И как представляется, Россия для того, чтобы избежать этого, должна сыграть успешную посредническую роль в конструктивном плане. Поскольку она еще не исчерпала все рычаги воздействия на Иран, в силу продолжающихся периодических консультаций высших чиновников Ирана с высокими официальными лицами РФ в Министерстве иностранных дел РФ, Совете Безопасности РФ и на уровне встреч с президентом РФ В.В. Путиным). Только последовательные шаги России в иранском ядерном кризисе будут способствовать тому, что национальные интересы России (прежде всего по сохранению доброго сотрудничества с ИРИ) будут совместимы с его ядерной программой. Таким образом, ядерная программа ИРИ непосредственно влияет на ситуацию в регионе, вызывая кризис региональных отношений и неся в себе конфликтный потенциал, который затрагивает все страны Ближнего и Среднего Востока и района Персидского залива. Выход из иранского «ядерного тупика» видится в коллективном участии основных заинтересованных сторон, как «европейской тройки», США и России, так и стран региона БСВ в дипломатическом урегулировании иранского ядерного кризиса.

Заключение

Подводя итоги предпринятого в данной работе анализа отношений Исламской республики Иран с соседними странами, места и роли ИРИ в наиболее политически активном регионе, можно выделить несколько основных тенденций, определяющих региональные позиции Ирана и формирующих региональную составляющую его внешней политики.

Иран обладает огромным экономическим, природно-ресурсным, политическим, культурным и демографическим потенциалом, который является фактором заинтересованности в отношениях с ним соседей по региону, и который позволяет ему играть одну из ключевых ролей на Ближнем Востоке и в Центральной Азии.

Успехи в обеспечении экономического роста, переходе к экспорториентированной экономике, в стабилизации внутривнутриполитической ситуации значительно повысили как заинтересованность Ирана в активизации связей Ирана со странами региона, так и сопредельных стран в Иране. Как видно из данной работы, эти взаимоотношения не однозначны, их развитие не всегда прямолинейно, и иранская внешняя политика стремится учитывать различие интересов и потенциалов своих соседей по региону, поставив своей целью стать одним из региональных лидеров.

Безусловно, что огромное влияние на изменение роли и позиции Ирана оказывает политика третьих стран, особенно напряженность в отношениях ИРИ и США, что в ряде случаев, особенно при реализации крупных энергетических проектов, сдерживает развитие более тесного сотрудничества со странами региона. С другой стороны, именно военные операции США в Афганистане и Ираке, покончившие с враждебными Ирану режимами, вызвавшие внутренние межэтнические и межконфессиональные конфликты в этих странах, привели к усилению в них политического влияния Ирана.

Активизация региональной политики ИРИ в последнее десятилетие проявилась как в поступательном развитии двухсторонних отношений, так и в работе Ирана в региональных организациях, особенно ШОС и ОЭС.

Наиболее значимыми факторами, повлиявшими в последние несколько лет на формирование отношений Ирана со странами региона, явились его ядерная программа, антиизраильская позиция, неприятие

американского диктата в международных отношениях, которые по-разному воспринимаются политическими кругами различных стран, а также по-разному оцениваются научными экспертами, принявшими участие в написании данной работы.

В целом авторам удалось показать, что наиболее позитивной тенденцией в формировании региональной политики Ирана является его объективная заинтересованность в предотвращении различного рода конфликтов, ведущих к развитию сепаратистских настроений, угрожающих территориальному единству страны. И эта заинтересованность разделяется большинством стран региона и является основой укрепления двухсторонних связей, расширения деятельности региональных организаций и, наконец, способствует формированию региона не только как географического понятия, но и как социально-экономического и культурного единого пространства.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

О «Перспективах развития ИРИ до 2025 г.» и «Общих направлениях политики 4-го пятилетнего плана социально-экономического и культурного развития ИРИ»

А.И. Полищук

В целях ознакомления с планами перспективного развития Исламской Республики Иран на среднесрочную и долгосрочную перспективу составители сборника посчитали полезным поместить перевод этих документов, опубликованных в специальной брошюре Организации управления и планирования Ирана в месяце азаре 1382 иранского солнечного календаря (декабрь 2003 г.)

Брошюра открывается директивным письмом вице-президента и руководителя Организации управления и планирования ИРИ в адрес государственных органов власти (исходящий номер 101/19300 от 11.12.1003 г.). Вслед за этим письмом в брошюре помещены «Перспективы развития Исламской Республики Иран до 2025 г.», документ который в настоящее время часто цитируется в официальных выступлениях и в прессе под названием «Чешмандаз» и заслуживает внимание как сконцентрированное выражение общих целей и задач, которые ставит перед нацией руководство страны на длительную перспективу.

Второе директивное письмо за подписью духовного лидера Ирана Саида Али Хаменеи от 5 декабря 2003 г. является сопроводительным документом к «Общим направлениям политики 4-го пятилетнего плана социально-экономического и культурного развития ИРИ», в соответствии с которым позже был разработан 4-й пятилетний план. Названные документы в окончательном виде утверждены Духовным лидером страны и доведены до исполнителей в виде указаний или указов («эблагийе»).

В брошюре отсутствуют выходные данные (кроме названия издателя в лице Организации управления и планирования и месяца и года издания) и нет нумерации страниц.

Мы помещаем перевод указанных документов в том порядке, в котором они расположены в брошюре и перечислены нами, а именно:

1. циркулярное письмо вице-президента и руководителя Организации управления и планирования Мохаммада Сатарифара государственным органам;
2. документ под названием «Перспективы развития Исламской Республики Иран до 2025 г.»;
3. официальное письмо духовного лидера ИРИ Саида Али Хаменеи президенту С.М. Хатами об утверждении документа «Общие направления

политики 4-го пятилетнего плана социально-экономического и культурного развития ИРИ»;

4. документ под названием «Общие направления политики 4-го пятилетнего плана социально-экономического и культурного развития Исламской Республики Иран» (52 статьи).

Предложенный перевод не является официальным документом, а представляет собой вариант перевода достаточно сложных в содержательном, лексическом и композиционном плане персидских оригиналов с учетом стилистических особенностей такого рода документов, как в русском, так и в персидском языке.

Автор надеется, что знакомство с названными документами будет способствовать лучшему пониманию тех целей и задач, которые ставит руководство ИРИ перед страной и представителями исполнительной и законодательной ветвей власти, а также поможет оценить степень реализации директивных установок в сравнении с заявленными планами и реальными результатами их выполнения в будущем.

Общие направления политики 4-го пятилетнего плана социально-экономического и культурного развития Исламской Республики Иран

Культура, наука и технологии

1. Поднятие, углубление и расширение уровня научных и религиозных знаний на базе Корана и общечеловеческих знаний:

- укрепление ценностей исламской революции в помыслах и делах;
- укрепление моральных норм и веры, а также готовности к самопожертвованию (религиозному служению) и укрепление веры в будущее;

- осуществление планирования с учетом необходимости поднятия стандартов личного и общественного поведения.

2. Поддержание и пропаганда религиозных и политических взглядов имама Хомейни и возвеличивание его роли в качестве образца для определения политики планирования.

3. Укрепление духа самопожертвования и общественной дисциплины, духа творчества, инициативы, созидания, бережливости и заботы о поднятии производства:

- развитие культуры потребления товаров отечественного производства;

- расширение производства и экспорта товаров и услуг.

4. Создание необходимых стимулов и укрепление национальной воли для достижения целей «Перспектив развития ИРИ до 2025 г».

5. Укрепление единства и национальной идентификации на основах ислама и принципах исламского режима, достижение необходимого уровня знаний относительно истории Ирана, иранской культуры и иранской исламской цивилизации, серьезная забота о персидском языке.

6. Укрепление способности распознать врага и раскрытия заговоров и происков врагов Ирана против национальных интересов; воспитание духа непримиримости к угнетению и господству мировых сверхдержав.

7. Оздоровление культурной атмосферы, рост сознательности и укрепление моральных норм, а также попечение о соблюдении религиозных заповедей и воздержание от дурных поступков:

- информирование на должном уровне населения о реализации конкретных пунктов «Перспектив развития ИРИ до 2025 г.».

8. Противостояние культурной экспансии. Расширение деятельности национальных СМИ в целях информирования мировой общественности о достижениях исламского Ирана.

9. Организация и мобилизация потенциала страны для увеличения доли Ирана в мировой науке:

- укрепление движения по созданию программного компьютерного обеспечения и распространению (внедрению) научных исследований;

- приобретение новых технологий, особенно в области микро- и биотехнологий, связи и информатики, охраны окружающей страны, космоса и ядерной энергии.

10. Реформирование системы образования страны, включая обучение и воспитание (общее образование), профессиональное и техническое образование, высшее образование и приведение его в соответствие с необходимостью обеспечения человеческими ресурсами для реализации целей, поставленных в «Перспективах развития ИРИ до 2025 г.».

11. Дальнейшая работа, направленная на разъяснение и укрепление основ религиозного народовластия и институализация дозволенных свобод путем воспитания, осознания и закрепления их в законах.

Социальные, политические, оборонные вопросы и проблемы безопасности

12. Усилия для реализации социальной справедливости и создания равных возможностей, а также поднятие таких показателей качества жизни как: образование, здоровье, обеспечение продуктами питания, увеличение дохода на душу населения; борьба с коррупцией.

13. Создание всеобъемлющего социального обеспечения для защиты прав неимущих и обездоленных и поддержка общественных институтов и организаций благотворительности с учетом религиозных и революционных принципов.

14. Укрепление института семьи и роли женщины в семье и обществе, а также обеспечение законных прав женщин во всех областях деятельности при особом внимании к конструктивной роли женщин в обществе.

15. Укрепление национальной идентификации молодежи в соответствии с целями исламской революции:

- создание условий для успешного развития и формирования научного мышления и усилия по снятию напряженности по проблеме получения специальности, вступления в брак, приобретения жилплощади и устранения социальной неустроенности;

- внимание к потребностям молодежи, их нуждам и способностям.

16. Создание условий и соответствующих организационных, законодательных и судебных структур для реализации «Перспектив развития ИРИ до 2025 г.».

17. Реформирование управленческих структур и создание благоприятной атмосферы для решения таких задач, как: повышение уровня динамизма и эффективности (во всех сферах жизни), более полное удовлетворение потребностей населения, обеспечение материального благосостояния трудящихся, привлечение толковых и надежных управленцев и судей и повышение их профессионального уровня, упразднение или слияние дублирующих структур, борьба с излишней централизацией в управленческих и административных структурах, профилактика и борьба с коррупцией в управленческом аппарате и разработка необходимых антикоррупционных законов.

18. Укрепление духа нации, создание атмосферы взаимопомощи, более эффективное использование государством огромного творческого потенциала народа.

19. Сплочение страны при соблюдении следующих принципов:

- учет соображений безопасности и обороны;
- обеспечение эффективности и высокой производительности труда;
- сохранение территориальной целостности и единства страны;
- расширение социальной справедливости и выравнивание уровней развития регионов;
- сохранение окружающей среды и восстановление природных ресурсов;
- сохранение исламской и иранской идентификации и забота о культурном наследии;
- обеспечение и упорядочение внутренних экономических и внешнеэкономических связей страны;
- устранение бедственного положения народа, особенно в сельской местности.

20. Укрепление безопасности и могущества страны с акцентом на развитие науки и технологий, участие народа в обеспечении политической стабильности, создание паритета в развитии различных регионов страны, единение нации в её самоидентификации, достижение экономического и оборонного могущества, поднятие престижа и роли Ирана в мире.

21. Формирование облика города и деревни:

- воссоздание и модернизация иранской исламской архитектуры;

- соблюдение передовых норм и стандартов для обеспечения безопасности и надежности зданий и сооружений.

22. Укрепление и повышение эффективности системы инспектирования и контроля:

- реформирование законов и положений для устранения вмешательства органов инспекции и контроля в дела друг друга.

23. Предоставление приоритета борцам за исламскую революцию в доступе к источникам финансирования и получения возможностей для трудоустройства и занятия государственных постов в различных сферах культуры и экономики.

24. Поднятие уровня боеспособности вооруженных сил для отпора врагу, развитие инициативы и возможности эффективно противостоять угрозам, защищать завоевания революции и жизненно важные национальные интересы страны.

25. Особое внимание уделять участию народного ополчения в обеспечении защиты и безопасности страны и революции и его качественное и количественное укрепление.

26. Укрепление, развитие и модернизация оборонной промышленности с опорой на расширение НИР и ускорение внедрения новых технологий.

27. Укрепление порядка и общественной безопасности, профилактика и эффективная борьба с преступностью и общественными пороками и угрозами безопасности путем укрепления и координации деятельности судебных органов, органов безопасности и военных структур и обращение серьезного внимания на выделение средств, для выполнения соответствующих задач по обеспечению государственного управления.

Политические связи и внешняя политика

28. Стабильность внешнеполитического курса на основе исполнения Конституции и уважения величия, доктрин и убеждений Ирана и укрепление внешнеполитических связей путём:

- развития двусторонних, региональных и международных связей;

- продолжения курса на отказ от создания напряженности в отношениях с другими странами;

- укрепления конструктивных отношений с дружественными государствами;

- использования международных связей для укрепления мощи страны;

- противостояния политике экспансии и агрессии в международных отношениях;

- усилий по демилитаризации региона и вывод из него вооруженных сил посторонних государств;

- борьбы против однополярного мира;
- поддержки мусульман, угнетенных и обездоленных народов и особенно народа Палестины;

- усилий по большей интеграции стран исламского мира;
- усилий по реформированию ООН.

29. Использование существующих международных отношений для формирования внешнеэкономических связей, большее привлечение внешних ресурсов, иностранных капиталов и передовых технологий, расширение рынков экспорта иранских товаров и увеличение доли Ирана в мировой торговле, достижение быстрого роста экономики предусмотренного в «Перспективах развития ИРИ до 2025 г.».

30. Укрепление связей с исламским миром и пропаганда светлого образа исламской революции, достижений и опыта ИРИ в области политики, культуры и экономики, а также ознакомление других стран и народов с достижениями культуры и искусства, также с цивилизацией Ирана и практикой религиозного народовластия.

31. Усилия по превращению исламских и дружественных Ирану стран региона в средоточие экономических, научных, технологических и промышленных сил.

32. Помощь и поддержка культурного присутствия ИРИ на мировой арене и в международных организациях по культуре.

33. Укрепление исламской и иранской идентификации иранцев, проживающих за рубежом, помощь в распространении персидского языка среди них, поддержка в обеспечении их законных прав и облегчении их участия в национальном развитии.

Экономика

34. Обеспечение постоянного стабильно и динамичного экономического роста в соответствии с целями «Перспектив развития ИРИ до 2025 г.»; создание новых рабочих мест и уменьшение уровня безработицы.

35. Создание необходимой базы для реализации конкурентоспособности товаров и услуг, производимых в стране, на внутреннем и внешнем рынках, а также создание структур и проведение мероприятий, необходимых для устранения препятствий, мешающих расширению нефтяного экспорта.

36. Усилия по созданию диверсифицированной экономики, опирающейся на знания, человеческий капитал и новые технологии.

37. Создание необходимых структур для эффективного использования производственного потенциала (энергетика, капитал, рабочая сила, водные ресурсы, земля и т.д.); поддержка создания новых видов деятельности, новаторства и новых технических и научно-исследовательских возможностей.

38. Обеспечение продовольственной безопасности страны с опорой на собственное производство и самообеспечение основными сельхозпродуктами.

39. Обуздание инфляции и увеличение покупательной способности бедных и обездоленных слоев населения, имеющих низкие доходы, и уменьшение разрыва между 10% населения с максимально высокими и максимально низкими доходами и проведение соответствующей политики компенсации неравенства доходов.

40. Увеличение внимания экономической, политической, экологической и оборонной ценности воды при её добыче, распределении, хранении и потреблении. Регулирование стока рек, вытекающих за пределы страны, и приоритет в использовании общих (с соседними странами) водных ресурсов.

41. Поддержка в обеспечении жильем групп населения с низкими доходами и нуждающихся в улучшении жилищных условий.

42. Движение в направлении превращения доходов от нефти и газа в активный производственный капитал, с целью укрепления тенденции к рачительному использованию природных ресурсов.

43. Развитие деревень:

- поднятие уровня жизни и доходов крестьян и жителей деревень;
- устранение бедности путём укрепления необходимой базы для развития производства и диверсификации, расширение возможностей по созданию производств полного цикла в перерабатывающем секторе и на малых предприятиях, а также производстве и предоставлении новых услуг с опорой на реформирование системы ценообразования на сельхозпродукцию.

44. Вложение средств в развитие отраслей экономики, имеющих относительные преимущества, а именно: в промышленность, горное дело, торговлю, связь, транспорт и туризм, особенно в нефтяную, газовую и нефтехимическую отрасли, энергетику и связанные с ними производства, а также в сферу оказания инженерных услуг названных отраслей с приоритетом капиталовложений в создание необходимой инфраструктуры и, кроме того, обустройство побережья и островов Ирана в Персидском заливе в рамках политики укрепления связи всех частей страны как единого целого.

45. Укрепление атмосферы надежности для экономической деятельности бизнесменов и инвесторов с опорой на относительные конкурентные преимущества, создание благоприятных условий для бизнеса, а также поддержка частной собственности и обеспечение всех прав, связанных с владением собственностью.

46. Совершенствование рынка инвестиций ИРИ, реформирование банковской системы и системы страхования с учетом эффективности, про-

зрачности и использования новых технологий:

- создание атмосферы доверия и поддержка инвесторов при сохранении их готовности брать на себя ответственность;

- поощрение конкуренции и предотвращение возникновения кризисов, а также борьба с финансовыми преступлениями.

47. Нарастивание возможностей частного и кооперативного секторов в качестве основной движущей силы экономического роста и снижение государственного патронажа при сохранении его эффективного присутствия в сферах, касающихся национальной независимости и территориальной целостности в соответствии с основными принципами экономической политики ст. 44 Основного закона, которые будут объявлены позже.

48. Расширение возможностей кооперативного сектора путем облегчения доступа к ресурсам, информации, технологиям, средствам коммуникации и расширение сферы взаимодействия этого сектора с наукой, экономикой и финансовыми институтами.

49. Серьезное внимание к участию всего народа в экономической деятельности в стране и соблюдение следующих положений при передаче госпредприятий народу:

- передача предприятий должна осуществляться в целях реализации положений настоящего пятилетнего плана, а не быть самоцелью:

- проводится в рамках Основного закона;

- не создавать угроз для национальной безопасности и подрыва основ национального суверенитета, исламских и революционных ценностей;

- учитывать необходимость здорового и правильного управления.

50. Забота о соблюдении финансовой и бюджетной дисциплины, поддержка баланса между доходами и расходами государства.

51. Усилия по устранению зависимости текущих бюджетных расходов от доходов от продажи нефти и обеспечение расходной части бюджета за счет налоговых поступлений и выделение денежных средств, полученных в качестве прибылей от нефти, для увеличения капиталовложений в экономику исходя из принципов эффективности.

52. Регулирование денежной, финансовой и валютной политики с целью достижения стабильности в экономике и обуздания инфляционных колебаний.

№ 101/19300
20.09.1382
(11.12. 2003)
Во имя Всевышнего!

Всем органам исполнительной власти

После коллективной работы, проделанной государственными экспертами по разработке «Перспектив развития ИРИ до 2025 г.» (Чешмандазе Джомхурий-е исламий-е Иран дар офге 1404 хеджри-е шамси) и «Общих направлений политики 4-го пятилетнего плана социально-экономического развития ИРИ» (Сиасатхай-е коллий-е барнамей-е чехарром-е тоусээй-е эгтесади, эджтэмаи ва фарханги-йе Джомхурий-е исламий-е Иран), вслед за подтверждением этих документов со стороны правительства и всестороннего их изучения в Ассамблее определения целесообразности принимаемых решений они были утверждены духовным лидером страны и доведены до всеобщего сведения. Настоящим, указанные документы доводятся до сведения и исполнения государственными органами власти.

Необходимо руководствоваться основными направлениями, содержащимися в указанных документах, при разработке всех законопроектов, касающихся планирования, формирования бюджета и практической деятельности исполнительных органов.

Выражаю твердую уверенность в том, что реализация плодов этих усилий при опоре на единодушную поддержку на всех этапах выработки и принятия политических решений и реализации программных установок вышеуказанных документов на национальном, провинциальном, районном уровнях и в органах государственного управления будет способствовать укреплению связи правительства с народом и создаст еще более благоприятные условия для реализации целей, поставленных в «Перспективах развития ИРИ».

Да ниспошлет Всевышний свою благодать и милость народу, который в полном братском согласии взял на себя почетную и многотрудную миссию по налаживанию своей жизни по пути реализации идеалов справедливости.

Дай Бог, чтобы гордость и величие исламского народа Ирана способствовали реализации всех наших планов.

Вице-президент
и руководитель Организации
управления и планирования Мохаммад Сатарифар

Перспективы развития Исламской Республики Иран до 2025 г.

Уповавая на волю Всевышнего и в свете веры и целеустремленности нации, в результате тщательно проделанной всесторонней работы по планированию, в интересах реализации целей и принципов Основного закона в соответствии с Перспективами развития на будущие 20 лет Иран превратится в развитую страну, занимающую первое место в регионе по уровню экономического, научного и технического развития, сохранит свою исламскую, революционную сущность и вдохновляющую силу и влияние в исламском мире и будет играть конструктивную и эффективную роль в системе международных отношений.

В свете направлений Перспектив развития иранское общество будет иметь следующие характерные черты:

- развитое общество, соответствующее своим культурным традициям, географическому положению и историческим чаяниям; сохранит исламские и революционные принципы и ценности, такие как: религиозное народовластие, социальная справедливость, дозволенные свободы, уважение ценности личности и прав человека; существующее в условиях обеспечения социальной безопасности и соблюдения законности;

- обладающее передовыми знаниями и потенциалом для развития науки и технологий с опорой на преимущественную роль людских ресурсов, социальный капитал и национальное производство;

- безопасное, независимое, опирающееся на оборонный сдерживающий потенциал и единство народа и власти;

- общество, имеющее необходимую систему здравоохранения; процветающее, обеспечивающее продовольственную безопасность, имеющее систему социального обеспечения, создающее равные возможности для трудоустройства, имеющее подобающую систему распределения доходов, с крепкими семейными устоями, без бедных, без коррупции и угнетения и живущее в благоприятной окружающей среде;

- активное, ответственное, самоотверженное, благочестивое, дисциплинированное, готовое к взаимопомощи и соблюдению социальной гармонии, преданное делу революции и исламскому правлению, идее процветания Ирана и гордости за принадлежность к иранской нации;

- занимающее первое место в сфере экономики, науки и технологий в Юго-Западной Азии (включая Среднюю Азию, Кавказ, Ближний и Средний Восток и соседние страны) с опорой на развитие информатики и научное творчество, динамичный и постоянный экономический рост, относительное повышение дохода на душу населения и обеспечение полной занятости;

- вдохновляющее, активное и эффективное в исламском мире, подающее пример исламского народовластия, эффективное, нравственное,

мыслящее по новому, динамично развивающееся в социальном и мировоззренческом плане, эффективно проводящее политику исламской и региональной интеграции на базе исламского учения и идей имама Хомейни;

- имеющее конструктивные и эффективные связи с миром на принципах уважения достоинства, соблюдения принципов благородного поведения в духе сотрудничества.

Примечание:

При разработке, составлении и утверждении планов социально-экономического развития и годовых бюджетов необходимо принимать во внимание то обстоятельство, что базовые количественные показатели (уровень капиталовложений, доход на душу населения, ВВП, уровень безработицы и инфляции, необходимость уменьшения разрыва между доходами 10% самых богатых и 10% самых бедных граждан, рост культуры, рост образовательного уровня и уровня научно-исследовательской деятельности, повышение обороноспособности и уровня безопасности) должны устанавливаться и в полной мере учитываться соответственно целям развития и требованиям Перспектив.

Президенту
Исламской Республики Иран
г-ну Хатами

Вслед за объявлением Перспектив социально-экономического развития ИРИ на 20-летний срок, которые с упованием на волю Всевышнего и верой в имама Махди смогут быть реализованы и определяют направление развития и созидания страны для достижения высоких целей, стоящих перед Ираном, настоящим в соответствии со статьёй 110 Основного закона объявляются «Общие направления политики 4-ого пятилетнего плана социально-экономического развития», который является первым планом, составленным с учетом Перспектив развития ИРИ до 2025 года.

Выражаю надежду, что с учетом политической линии и задач, поставленных на 20-летний период, станет возможным составление практического плана на пятилетний период.

Несомненно, что Ваши усилия и внимательное отношение, а также старания правительства и внимание меджлиса могут играть определяющую роль в реализации очередного плана развития страны.

Считаю необходимым обратить особое внимание на это последнее обстоятельство в связи с тем, что в 3-ем пятилетнем плане развития было уделено недостаточное внимание вопросам законодательной деятельности и практической реализации 5-летнего плана.

Надеюсь, что в ходе работы над 4-м планом социально-экономического развития Ассамблея по определению целесообразности принимаемых решений, а также органы законодательной и исполнительной власти смогут достойным образом устранить указанный недостаток.

Считаю необходимым поблагодарить Ассамблею по определению целесообразности принимаемых решений, правительство, Организацию управления и планирования, секретариат, а также всех специалистов, принявших творческое участие в разработке «Общих направлений политики 4-го пятилетнего плана социально-экономического развития».

Одновременно в адрес Ассамблеи и меджлиса высылается текст Общих направлений.

Саид Али Хаменеи

2 декабря 2003 г. (11.09.1382 г.)

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

Хроника афгано-иранских отношений

Г. Ежов

- 1921 дипломатическое признание Ираном Афганистана
- 22.06.21 подписание договора о дружбе
- 11.1927 подписание договора о дружбе и безопасности
- 06.1928 дополнительный протокол к договору о дружбе.
Стороны обязались активно сотрудничать в области экономики, по созданию и улучшению коммуникаций, гарантировали свободный транзит потребительских товаров через территорию своих стран
- 1934 вооруженное столкновение из-за нерешенности пограничных вопросов (в 1935 г. Стороны одобрили решение Турции по урегулированию конфликта
- 8.07.1037 Ирак, Иран, Афганистан и Турция подписали пакт о ненападении («Саадабадский пакт»)
- 12.1960 подписание первого афгано-иранского торгового договора. Афганистан стал получать иранскую нефть.
- лето 1962 визит в Афганистан шаха Ирана
- 1962 заключение договора о транзите
- 1963 заключение нового торгового договора и соглашения о транзите
достигнута договоренность об установлении прямой телеграфной связи между странами.
- 1963 Иран выступил посредником между Афганистаном и Пакистаном в восстановлении дипломатических отношений, прерванных осенью 1961 г.
- 1968 визит и 3-дневные переговоры премьер-министра Ирана Ховейды в Кабул:
- готовность сторон в обоюдных интересах вновь урегулировать вопрос о распределении вод Гиль-менда
- Иран предложил Афганистану беспоплавно использовать для транзита своих товаров порт Бендер-Аббас на Персидском заливе.
- 12.1971–5.1973 Афганистан представлял иранские интересы в его конфликте с Ираком (Kabul Times 29.10.73)
- 5.1972 визит личного представителя шаха Ирана министра иностранных дел Захеда с предложением улучшить отношения между странами. Афганистан,

- заинтересованный в иранской финансовой помощи, выразил готовность немедленно начать переговоры по Гильменду.
- 1972 – май визит в Иран министра юстиции Афганистана
– июнь визит в Иран министра обороны и 50 физиков
– сентябрь визит в Иран делегации афганских юристов
– октябрь визит в Иран председателя Сената Афганистана
– ноябрь визит в Иран зам. Премьер-министра и министра иностранных дел Афганистана
- 1.1973 начало переговоров в Тегеране о строительстве транзитного пути Кандагар—Бенден-Аббас (впервые вопрос обсуждался во время визита Шаха Ирана в 1962 г.) — MEED 19/01/73. Kabul Times 7/01/73
Вопрос о строительстве транзитного пути ставился также при обсуждении проекта строительства дорог в долине Гильменда в счет кредита 14,9 млн.долл., предоставленного в апреле 1973 г. Азиатским Банком развития.(Kabul Times. 02/05/73)
- 2.1973 Визит в Иран вице-канцлера Кабульского университета и президента Института здравоохранения Кабульского университета (Iran Almanac 1973 p.187)
- 4.1973 Иранская Национальная Нефтяная Компания и Афганистан подписали контракт о поставках Афганистану 9 тыс.т. нефти (MEED 11, 18 /94/73)
Это последнее ирано-афганское экономическое соглашение до государственного переворота.
- 7.1973 начало переговоров по вопросам развития воздушного транспорта прерваны в связи с переворотом в Афганистане (Kabul Times 7-8/07/73)
- 21.07.73 **иранское правительство официально сообщило Мохаммада Дауда о признании Республики Афганистан.**
Поверенный в делах Ирана в Кабуле при вручении ноты о признании Республики выразил надежду своего правительства на расширение взаимных отношений.
- 8.1973 иранский посол Джахангир Тафаззоли во время приема у Дауда по поручению шаха передал президенту пожелания счастья и прогресса молодой республике. Иранские газеты комментировали переворот 17 июля 1973 г. как примечательное событие.
Сообщения иранской прессы о ратификации Иранским сенатом договора о Гильменде сопровождалось заявлением иранского министра дорожного строительства о

- том, что скоро начнутся работы по строительству шоссе от афганской границы до иранского порта Бендер-Аббас (MEED 3/8/73)
- 10.1973 вооруженный конфликт на афгано-иранской границе, при котором было убито до 70 афганских солдат. Суть конфликта заключалась в том, что Гильменд на пограничном участке изменил течение, что привело к изменению государственной границы, установленной в 1936 г., в результате чего образовался ничейный участок территории площадью около 600 кв.м., на который претендовали обе стороны. Поскольку договор по Гильменду официально правительством М.Дауда ратифицирован не был, его 8 и 9 статьи не могли быть выполнены. Иранское правительство из тактических соображений сразу же принесло афганцам свои сожаления. Афганистан также не придал инциденту серьезного значения. (International Studies, New Dehli, 16(1973) 3, pp 357. Pakistan Horizon, 27 (1973) 3, pp/43-69)
- 1.1974 заместитель министра иностранных дел Афганистана Вахид Абдулла провел в Тегеране переговоры с Ховеидой и Халатбари. Он подчеркнул, что Афганистан хотел бы использовать опыт и знания Ирана. (MEED 08/02/74, Kabul Times, 31/1/74)
- 2.1974 М.Дауд в интервью газете «Ле Мопд» высказался против гонки вооружений в Иране и Пакистане, подтвердил нейтралитет Афганистана, и положительно оценил афгано-иранские отношения. (MEED 08/02/74)/
- 16.2.1974 Президент Торговой палаты Афганистана Мохаммад Акбар Омар и зам. Министра экономики Ирана Ахмад Мемарзаде подписали новое торговое соглашение сроком на 1 год (MEED, 15, 22/02/74)
- 3.1974 Шах Ирана в интервью индийскому еженедельнику «Блиц» заявил, что Иран предоставил Афганистану все преимущества, а афганцы не хотят ратифицировать договор по Гильменду (Journal de Teheran 03/04/1974)
- 6.3.1974 М.Дауд направил шаху Ирана и президенту Ирака Хасану аль-Бакру телеграммы с пожеланием урегулировать конфликт мирным путем (KabulTimes 9.03 и 18.03 1974, и 11.03.1975)
- 12-14.5.1974 во время визита в Иран брат М.Дауда — Мохаммад Наим заявил, что ввиду широкого диапазона взаим-

- ного экономического и технического сотрудничества между Ираном и Афганистаном гильмендский вопрос потерял свою актуальность. (Kauhan 18/05/74) Вахид Абдулла заявил, что гильмендская проблем раздута врагами для разобщения стран (Journal de Teheran 12/05/74). То же самое сказал М. Наим представителям прессы (там же). Шах Ирана заявил, что Иран не будет настаивать на ратификации Гильмендского договора и не займет недружественной позиции (там же).
- 22-25.7.1974 переговоры между министром планирования Афганистана Али Ахмад Хоррамом и иранским министром торговли Феридуном Махлави по проблемам транспорта, промышленности и сельского хозяйства. Подписан протокол о будущем предоставлении Ираном кредита в сумме 10 млн. долл. (см. октябрь 1974 г.) Kabul Times 22, 27 и 30. 10.74.
- 8.1974 визит в Кабул делегации Ирана в составе министра иностранных дел Халатбари, зам. Министра иностранных дел Джафара Надима, генерального директора по вопросам культуры Махмуда Салехи и издателя газеты Кейхан Амира Тахери (Kabul Times 24.8–1.09 1974.
- 5.9.1974 подписание нового транзитного соглашения (Kabul Times 7.9.1974.)
- 9.1974 неофициальный визит в Тегеран министра планирования Афганистана Али Ахмад Хоррама. Подписание договора о поставках в Иран 5 тыс. т цитрусовых, 2 тыс. т винограда и 3 тыс. т гранат (Kabul Times 3.1074 и 4.8.75)
- 22.10.74 афганский посол в Иране Залмай Махмуд Гази и Хушанг Ансари подписали соглашение о предоставлении Афганистану кредита в сумме 10 млн. долл. (см. июль 1974 г.)
- 22.12.1974 новый иранский посол в Афганистане Хосейн Дауди вручил свои верительные грамоты.
- 19.1.1975 подписано соглашение о совместном производстве кинофильмов (1 в год) и ввозе в Афганистан фильмов иранского производства (12 штук в год) — Kabul Times 20 и 28.1.75.
- 3.1975 Афганская госмонополия и ИИНК подписали контракт на поставку 70 тыс. т дизтоплива, 30 тыс. т керосина и 10 тыс. т низкокачественной нефти
- 26-30.4.1975 визит афганской делегации в составе Хоррама, Джаллалаяра и Вахида Абдуллы во главе с М. Даудом в Тегеран
- 29.4.1975 подписание меморандума о взаимопомощи (700 млн. долл.) (Kabul Times 27.04. и 1.05.75) Стороны решили со-

- здать совместную экономическую комиссию для оперативного решения вопросов.
- 4.1975 иранская радиотелевизионная и киносъёмочная группа посетила Герат, Кандагар, Газни, Бамиан и пров. Нангархар, снимая фильм о стране.
В 1975/76 г. В Афганистане демонстрировались 25 иранских фильмов (Statistical Information 1977? p 402)
- 7.1975 20 девочек из группы «следопыты» (скауты) отправились в Иран перенимать опыт, и 10 преподавательниц этой организации были зачислены на специальные курсы.
- 22.8.1975 закладка центра авиационной информации в счет иранского кредита 2,5 млн. долл. (Kabul Times 27.8.75 и 17.3.77)
- 14-18.10.1975 1 Заседания афгано-иранской смешанной комиссии
- Май 1976 1 (MEED 24/10/75, 4/6/76, Kabul Times 18-21/10/75,
- Июнь 1977 1 4/6/77, 20/6/77, Journal de Teheran 24/5/76, Iran Economic Service 1/6/76)
Об иранских кредитах см. также:
MEED 2/8/74, 9/5/75, 18/3/77, The Economist N 2/78, L.Dupree, Afghanistan, 1980.
- 23/7/1977 В Кабуле был подписан очередной контракт на поставку в Афганистан нефтепродуктов (Kabul Times 27.7.77, MEED 4.6.76) Всего за 7 -летку Иран должен был поставить 655 тыс.т на 87,2 млн. долл.
- 8.1977 41 афганский «следопыт» выехал в Иран (Нишапур) Kabul Times 13 и 27.07.77, 8.08.77)
В Иране обучалось афганских студентов:
в 1969 — 40 чел. (Statistics of Students
в 1970 — 24 чел. abroad, 1976, Kayhan
в 1971 — 33 чел. International 30/10/76,
в 1972 — 50 чел. Kabul Times 12/7/77)
в 1973 — 59 чел.
- 1/1978 фирма Kirschfeld закончила строительство скотобойни пропускной способностью 3 тыс.голов овец в сутки и 7,2 тыс.т. мясопродуктов в год в счет иранского кредита (Kabul Times 6.12.78)
Всего в счет иранского кредита 700 млн.долл. (с возможным увеличением до 1,7 млрд. долл. в дальнейшем) афганцы намеревались построить железнодорожные ветки: Кабул—Кандагар—Герат—Исламкала 1300 км с ответвлениями Кандагар—Спинбулдак — 101 км, и Лашкаргах—иранская граница (с выходом на Персидский залив) — 409

км., а также автодорогу Яхчал—Дишу. (MEED 13/8/76, 31/12/76, 18/3/77, 14/10/77, Kabul Times 8/2/73, 2/5/73, 3/11/75, Kayhan International, 12/1/77, Journal de Teheran 21/7/76, Iran Almanac 1974)

6 мая 1978 г. Иран объявил о признании Демократической Республики Афганистан

Гильмендская проблема

Река Гильменд (Хирманд) — самая крупная река страны, течет с с-в на ю-з, пересекая более половины территории Афганистана. Гильменд имеет протяженность 1150 км и площадь водосбора вместе с многочисленными притоками — 40 тыс. кв. км (общая площадь Афганистана составляет 65,3 тыс. кв. км). Расход воды в реке весьма различна по годам, и может достигать до 16–18 тыс. км³/сек. Вся стекающая вода заполняет Сейстанскую низменность, охватывающую часть территории Афганистана, Ирана и Пакистана. На иранскую территорию Гильменд впадал 1–2 рукавами, которые часто меняли свое русло, основная же часть воды оставалась на афганской территории. Споры из-за деления воды в низовьях Гильменда длятся уже более ста лет, но проблема не находит решения, особенно после того, как на Гильменде и его главном притоке Аргандабе были построены плотины, уменьшившие подачу воды на иранскую территорию в летнее время.

1872 В низовьях Гильменда проводит изыскания британская комиссия Голдсмита, которая устанавливает границу между странами, одобренную сторонами. Из решения комиссии: «ни в Афганистане, ни в Иране не должно проводиться никаких работ, которые могли бы оказать влияние на орошение, ниже плотины Камал-хан».

1891 река изменило свое русло, что вызвало пограничные разногласия

1905 в низовьях Гильменда полтора года работает британская комиссия генерала Мак-Магона. Она вновь определила границу между странами, и подтвердила тезис о недопущении производства каких-либо работ в области ирригации. Объем стока было предложено делить в отношении 2 (Афганистан) к 1 (Иран)

1934 подписание дополнительного протокола к договору о дружбе (о прохождении государственной границы в низовьях Гильменда)

1.1938 соглашение о разделе вод Гильменда на условиях предложений Голдсмита.

1946 американская компания «Моррисон Надсен» подписывает с Афганистаном крупный контракт в счет предоставленного кредита на строительство плотин на реках Гильменд и Аргандаб, и ирригационных сетей в долинах этих рек.

- 1947 представители Афганистана и Ирана встретились в США для урегулирования разногласий, возникших в результате начала ирригационных работ в Гильмендской долине.
- 1950 создание арбитражной комиссии из представителей Канады, США и Чили. Предложения, выработанные комиссией, сторонами были отклонены (Report of the Helمند River Delta Commission, Washington, U.S. Dep. of State. 1951)
 Переговоры 1956 и 1957 гг., а также визит М. Дауда в Иран весной 1960 г. также не дали никаких результатов.
 Засуха 1970/71 г. почти полностью лишила Иран воды в этом регионе, однако переориентация его внешней политики к началу 70-х годов, и остававшаяся заинтересованность в решении гильмендской проблемы привели к тому, что жесткая политика Ирана сменилась готовностью к компромиссу, и он стал проявлять инициативу для окончательного решения проблемы без привлечения третьих стран.
- 5.1972 визит Захеда в Афганистан и предложение договориться по решению проблемы
- 6.1972 первая подготовительная встреча
- 9.1972 переговоры на более высоком уровне. Иран согласился с требованием Афганистана получать большую долю воды в засушливые годы.
 Хашим Маймандваль охарактеризовал подготавливаемый договор, как предательство афганского народа. Прогрессивные силы страны также отрицательно относились к договору, считая, что само заключение договора с проамерикански настроенным Ираном может явиться рычагом для подрыва афганской политики неприсоединения.
- 1.1973 возобновление переговоров в Кабуле а в конце месяца — в Тегеране. Подготовка к подписанию генерального соглашения, протокола об учреждении совместного комитета для назначения комиссаров, ответственных за распределение воды и протокола об урегулировании споров (MEED 2/3/73, Kabul Times 30/1/73, 3/2/73)
 Протокол содержал 12 статей, и касался в основном технических вопросов распределения и использования воды (Kabul Times 15-17/3/73)
 Иран удовлетворился получением воды в среднем в объеме 6 км³/сек, что почти соответствовало предложению арбитражной комиссии 1951 г, которое Иран в то время отверг, как недостаточное. Согласно ст.3 протокола на долю Ирана в различное время приходилось в секунду от 2,32 до 78,16 км³.

- Ст. 4 предусматривала сокращение доли Ирана в случае крайне низкого уровня воды в реке. В 5 ст. Афганистану запрещалось проводить какие-либо работы, вызывающие сокращение иранской квоты либо (ст. 6) ее загрязнение.
- Ст. 7 обуславливала проведение работ по укреплению берегов реки на пограничном участке только при наличии согласованного сторонами проекта.
- Ст. 8 и 9 определяют работу водных комиссаров (более подробно об этом говорится в специальном дополнительном протоколе.
- 2/1973 визит в Афганистан иранской делегации во главе с зам. министром экономики и развития для подготовки договора к подписанию (Kabul Times 20/2/1973)
- 13/3/1973 подписание договора и двух протоколов (MEED 23/3/73, Kabul Times 11,14,15,17/3/73, Kayhan International 17/3/73) Договор подписали в Кабуле премьер министры Мусса Шафик и Ховеида.
- 5.1973 комиссии по международным отношениям и сельскому хозяйству афганского Народного Совета (нижней палаты парламента) одобрили заключенный договор и 22 мая 1973 г. он был утвержден Народным Советом (за 127, против 11, воздержались 15) После одобрения договора сенатской комиссией по международным отношениям он также был ратифицирован 35 голосами при 2 против. (Kabul Times 22/4, 14,23,29 b 31/5/73).
- 6.1973 обсуждение договора в иранском Меджлисе (парламенте) и одобрение его 17 июля 1973 г., в день государственного переворота в Афганистане. Сенат одобрил договор 1 августа 1973. Арест Муссы Шафика по обвинению в получении взятки от Ирана (The Economist, 25/8/73, Kabul Times 18/7, 26/8/73)
- 14.5.1974 во время визита в Иран брат М.Дауда — Мохаммад Наим заявил, что ввиду широкого диапазона взаимного экономического и технического сотрудничества между Ираном и Афганистаном гильмендский вопрос потерял свою актуальность. (Kayhan 18/05/74) Вахид Абдулла заявил, что гильмендская проблема раздута врагами для разобщения стран (Journal de Teheran 12/05/74). То же самое сказал М.Наим представителям прессы (там же).
Шах Ирана заявил, что Иран не будет настаивать на ратификации Гильмендского договора и не займет недружественной позиции (там же).
- 5.6.1977 в Тегеране посол Афганистана Махмуд Залмай Гази и иранский министр иностранных дел Аббас Али Халатбари обменялись ратификационными грамотами по Гильменду (Kabul Times 7/6/77, MEED 10/6, 17/6/73).

Приложение

Сток р. Гильменд и подача воды на иранскую сторону в нормальный по водности год

месяцы	сток реки млн. кубм	подача воды на иранскую территорию		
		Нормальная 22 куб.м/сек	Добавочная 4 куб.м/сек	всего
октябрь	190,1	4,23	0,77	5,00
ноябрь	212,3	10,75	1,97	12,72
декабрь	217,2	19,48	3,56	23,04
январь	219,7	29,35	5,32	34,67
февраль	256,7	66,12	12,04	78,16
март	736,9	61,90	11,23	73,13
апрель	1429,3	26,30	4,81	31,11
май	1275,0	7,64	1,39	9,03
июнь	544,3	16,71	3,02	10,73
июль	260,4	11,61	2,11	13,72
август	169,7	7,93	1,44	9,37
сентябрь	154,3	1,98	0,34	2,32
итого	5664,4			

Примечание: сток реки в нормальный по водности год.

Источник: Kabul Times, 15,17/03/1973

ПРИЛОЖЕНИЕ №3

Новое политическое объединение в Афганистане: первые шаги

Ю.П. Лалетин

Весной 2007 г. Кабул стал свидетелем весьма значительного и даже знаменательного события во внутривнутриполитической жизни страны. Ряд политических деятелей Афганистана, главным образом представители этнических меньшинств (хотя и не только они), объявили о создании нового политического блока — «Национального фронта» (НФ).

Создание НФ и реакция властей

В состав нового объединения вошли «Исламское общество Афганистана» (ИОА) во главе с бывшим президентом, а ныне депутатом парламента Бурханудином Раббани, «Национальное движение» вице-президента Зия Масуда (на учредительном собрании фронта не присутствовал), «Новый Афганистан» спикера Народного собрания Юнуса Кануни, «Национальное исламское движение Афганистана» (НИДА) начальника Генерального штаба при главнокомандующем вооруженными силами Абдуллахи Дустома. Кроме того, в состав фронта вошел министр энергетики и водных ресурсов Мухаммад Исмаил-Хан. Все перечисленные деятели являются таджиками, за исключением узбека Дустома. Противоречивые сведения поступают о вхождении в состав блока хазарейских политических лидеров — вице-президента Карима Халили и бывшего заместителя главы Временной администрации Афганистана и министра планирования, а сейчас депутата парламента Мухаммада Мохаккека, возглавляющего «Партию исламского единства народа Афганистана». Тем не менее, одним из лидеров фронта стал хазарец Мустафа Каземи, стоящий во главе «Партии национального могущества Афганистана». Участие в составе данного политического объединения членов семьи экс-короля, а также бывших функционеров НДПА (сейчас парламентариев) пуштунов Н. Олюми, С.М. Гулябзоя, К. Ранджибара на первый взгляд не позволяет говорить об этом объединении как союзе этнических меньшинств.

Однако в практически-политическом плане Национальный фронт выступает сторонником идей парламентаризма и федерализма, разделяемых всеми представителями этнических меньшинств. Так, Б. Раббани, комментируя свое избрание в качестве главы альянса, заявил, что выступает за введение парламентской формы правления и выборность губернаторов всех 34 провинций. Он также высказался за ограничение полномочий президента Хамида Карзая.

В ответ на это программное заявление Б. Раббани президент Карзай в ходе пресс-конференции в Кабуле в довольно резкой форме парировал, что афганский народ уже сыт федерализмом.¹ При этом он имел в виду период правления моджахедов в первой половине 1990-х годов. Он напомнил о конфликтах между президентом и премьер-министром в тот период. Кроме того, президент заявил, что если бы народ хотел парламентаризма и федерализма, то не голосовал бы за президентскую форму правления на выборах. Х. Карзай также заявил, что за созданием нового политического объединения стоит ряд соседних стран и посольств в Афганистане. При этом афганский лидер добавил, что в настоящее время министерство иностранных дел и служба безопасности страны проводят по этому поводу расследование.

На этом трудности Национального фронта не закончились. Министр юстиции потребовал регистрации нового политического объединения, с чем не согласились лидеры фронта, заявив, что альянс представляет собой временное объединение партий, действующих на законной основе, и поэтому не нуждается в регистрации.

Акции и мероприятия НФ

Декларацией об образовании НФ дело не ограничилось. По сообщению некоторых афганских средств массовой информации, не без его влияния в конце мая 2007 г. в административном центре провинции Джаузджан городе Шибирган проходили демонстрации сторонников генерала Дустома с требованием об отставке действующего губернатора Джоми Хана Хамдарда. Всего в демонстрации приняли участие тысяча человек. Демонстрации продолжались три дня, пока губернатор не покинул город. Полиция открыла огонь по демонстрантам, в результате чего семь человек погибли и 35 были ранены. НФ потребовал привлечения к ответственности полицейских, застреливших демонстрантов. Сразу же после начала беспорядков в город по распоряжению главы государства были переброшены части 209-й дивизии вооруженных сил Афганистана, который взяли под контроль стратегические объекты. Влияние НФ придало демонстрациям политический характер. По сведениям газеты «Хошт собх», одну из целей Национального фронта, а именно выборность губернаторов предполагается реализовать силой, начиная с провинции Джаузджан.² Представитель губернатора Рохулла Самун заявил 16 июня, что, по мнению губернатора, генерал Абдуллах Дустом вооружает мирное население города Шибирган.³

Руководители НФ, большинство которых составляют депутаты парламента, в середине июня 2007 г. выступили также с программой по выводу страны из кризиса. Ее озвучил 14 июня на пресс-конференции в Кабуле Мустафа Каземи. Суть ее сводится к стремлению повысить роль в управлении государством парламента в целом и лидеров НФ в частности.

Выразилось это в предложении создать ряд новых руководящих органов, в первую очередь Высший совет под руководством президента и в составе спикера нижней палаты парламента, председателя Верховного суда, а также министров обороны и безопасности. Наряду с этим предлагается сформировать специальные советы по экономике и безопасности. А также комиссию для переговоров с оппозицией и «внесения ею вклада в государство»⁴. Разумеется, с участием депутатов.

Таким образом, линия НФ на повышение роли парламента и выборность губернаторов начинает получать практическое воплощение. Всё это позволяет говорить о том, что противостояние в этнополитической сфере вышло на новый уровень, затронув форму правления и форму государственного устройства.

Трудности формирования афганской государственности как отражение межэтнических противоречий

Еще в ходе заседаний Лойя Джирги по принятию афганской конституции разгорелись ожесточенные споры по этим вопросам, что обусловило трудности и драматизм всего процесса. Предложенный вариант президентской республики встретил решительное противодействие со стороны представителей этнических меньшинств, отстаивавших парламентскую форму правления и не желавших концентрации власти в руках президента-пуштуна. Именно вокруг этого вопроса разгорелись главные споры. Оппозицию возглавлял Б. Раббани. Х. Карзай заявил, что не будет баллотироваться в президенты, если джирга не утвердит президентскую форму правления. Компромисса удалось достичь с большим трудом. Афганистан был объявлен президентской республикой. Однако полномочия президента были урезаны, президент лишен был права распускать парламент. Предлагаемое им правительство должно утверждаться нижней палатой. Но и парламент не может объявить импичмент президенту.

На конституционной Лойя джирге и в период ее подготовки вставал также вопрос и о федеральном устройстве Афганистана. Наиболее энергичными проводниками этой идеи выступают военно-политические лидеры двух этнических групп — узбеков и хазарейцев. Еще в апреле 2002 г. был опубликован проект программы Национального исламского движения Афганистана, в котором содержался призыв к разделению властных полномочий на федеративной основе.

Как мы теперь видим, лидеры оппозиции в Народном собрании не собираются останавливаться на достигнутом и всё-таки намерены внести изменения в Конституцию, касающиеся прежде всего парламентской формы правления, учреждения поста премьер-министра и выборности губернаторов.

Разумеется, эти споры и конфликты неслучайны. В 1990-х годах конфликт в Афганистане обрел этническую форму, что во многом связано с укреплением национального самосознания этнических меньшинств. На протяжении всего XX в. происходило формирование интеллигенции, выступающей носителем национального самосознания.

Укрепление национального самосознания этнических меньшинств и его последствия

В 20-е годы XX в. в Северном Афганистане появились школы современного типа, а в городах Мазари-Шариф и Ханабад — лицеи. Первые современные средние и профессиональные учебные заведения появились на севере Афганистана только в 70-е годы. Одним из них был Педагогический институт в городе Маймане, где в 80-е годы была создана Кафедра узбекского языка и литературы (на базе этого института позднее был образован Балхский университет). В 1971 г. в Мазари-Шарифе открыт горно-нефтяной техникум, который готовил техников по обслуживанию газо- и нефтепроводов.

К 70-м годам стали видны некоторые результаты процесса формирования интеллигенции непущтунских народов. Так, перестала быть однородной в национально-этническом отношении военная интеллигенция. Непрестижные должности в технических родах войск занимали преимущественно таджики, узбеки и представители иных народностей. 20% генералов и старших офицеров составляли таджики и 10% — представители других народов, а среди младших офицеров доля таджиков достигала 35%, узбеков — 10% и прочих — 10%.⁵ Интересные данные о национальном составе руководящих командных и политических кадров в 1982 г. содержатся в материалах XII общепартийной конференции НДПА (18–20 октября 1987 г.): пуштунов насчитывалось 55%, таджиков — 35%, хазарейцев — 1,6%, узбеков — 2,2%, других национальностей — 6,2%.⁶

Что касается такого весьма многочисленного отряда интеллигенции, как учителя школ, то в 1989 г. из 22 тыс. учителей более 15 тыс. составляли таджики и около 1 тысячи — узбеки (пуштунов было свыше 5 тысяч).⁷

Образуя торгово-ремесленную прослойку в городах, таджики участвовали также в органах административной власти и управления.

Значительный импульс формированию национального самосознания придало появление политических партий, многие из которых создавались на этнической основе. Так, в марте 1951 г. в Кабуле начинает издаваться газета «Ватан» («Родина»), на базе которой формируется политическое движение под тем же названием, включавшее в себя представителей непущтунских народов, главным образом таджиков. Преобладали они и в партии «Хезб-е хальк» («Народная партия»),

оформившейся 9 июля 1951 г. вокруг газеты «Нида-йе хальк» («Голос народа»). В 60-е гг. появился целый ряд партий и групп, выступавших с позиций защитников интересов этнических меньшинств, что сыграло значительную роль в обострении идейно-политической борьбы и дестабилизации политической ситуации. Наиболее известной из них является сочетавшая антипуштунские взгляды и политический радикализм протаджикская группировка «Сетаме мелли» («Национальный гнет», или «Национально угнетенные»), которую сформировал летом 1968 г. отколовшийся от Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) бывший член ее ЦК, таджик из города Файзабад (провинция Бадахшан) Мухаммад Тахер Бадахши. Позже он возглавил ее левое крыло — Революционную организацию трудящихся Афганистана (РОТА). Это течение выступило под лозунгами «раскрепощения национальных меньшинств» и объединения таджиков, узбеков и туркмен для борьбы против пуштунского засилья.

В годы гражданской войны политические организации получили дальнейшее развитие. Преимущественно таджики входили в партию «Исламское общество Афганистана» Бурхануддина Раббани. В 80-х годах XX в. ИОА добились наибольших успехов в формировании военно-политической структуры (так называемых органов местной власти и вооруженных формирований) на территории зоны своего действия (в дариязычных районах). Помимо амиратов и амиров — гражданской структуры власти, у ИОА существовала структура военная — система «фронтов», объединявших несколько вооруженных отрядов на территории одного уезда, волости, которые в свою очередь могли объединяться во «фронты» провинций. Стройная структура органов власти и управления, а также вооруженные формирования ИОА в значительной степени способствовали нормальному ходу процесса по формированию органов власти в северных провинциях страны после падения режим М. Наджибуллы и превращению Б. Раббани в лидера общенационального масштаба. Из этой партии вышли такие видные деятели Афганистана, как А.Ш. Масуд, М.К. Фахим, Ю. Кануни, Абдулла Абдулла.

В 1987 г. в провинции Джаузджан из проживавших там узбеков была сформирована 53-я дивизия под командованием А. Дустома. После падения режима Наджибуллы Дустом создал Национальное исламское движение Афганистана (НИДА).

С приходом к власти НДПА получили импульс процессы консолидации хазарейцев, правда, уже как противников режима. В августе 1979 г. хазарейцы создали собственную администрацию и провозгласили «независимую исламскую республику Хазараджат» во главе с «Союзом исламских воинов Афганистана». В 1990 г. в Иране на базе хазарейских партий и группировок была создана Партия исламского единства

Афганистана (ПИЕА) (Вахдат-«Единство») во главе с Абдул Али Мазари. После его убийства талибами партию возглавил Абдул Карим Халили, ныне вице-президент Афганистана. В этой партии сформировались такие политики, как Мохаммед Мохаккек, Курбан Али Ирфани, Мустафа Каземи, каждый из которых сформировал свою партию.

Наличие политических партий и военной организации у этнических меньшинств вызвало взрыв национального самосознания. Теперь ни сами меньшинства, ни их элита не хотят возвращения к ситуации политического доминирования пуштунов. Именно этим обстоятельством вызвано их стремление к федерализму и парламентаризму.

Однако одной из трудностей, стоящих перед ними на этом пути, является афганская политическая традиция — система взглядов на афганское государство, сформировавшаяся в течение двух с половиной веков его существования. Помимо прочего основными особенностями государства в течение всего этого периода были правление пуштунов, традиционно объединявших страну, единоличная власть правителя и унитаризм афганского государства. Поэтому устремлениям этнических меньшинств противостоят не только пуштуны, но и коллективная память населяющих страну народов.

В заключение отметим, что рассмотренные выше споры неслучайны. Обретение борьбой в Афганистане в 1990-е годы этнической формы привело к тому, что этнический конфликт превратился в базовую характеристику афганского общества. Фактически он охватывает все сферы жизнедеятельности социума. В частности, по мере продвижения по пути государственного строительства и формирования институтов государственной власти и управления на эту область распространялись и этнические противоречия. А это, в свою очередь, не могло не вызвать сложностей указанного процесса и, как следствие, привело к слабости новых органов власти и всей афганской государственности в целом.

¹ Би-би-си. — 2007. — 6 апреля.

² Би-би-си. — 2007. — 4 июня.

³ Би-би-си. — 2007. — 16 июня.

⁴ Би-би-си. — 2007. — 14 июня.

⁵ В.Г. Коргун. Интеллигенция в политической жизни Афганистана. М.: Наука, 1983, с. 10–11

⁶ Александр Ляховский. Трагедия и доблесть Афгана. М.: ГПИ «Исконна», 1995, с. 352

⁷ Л.Б. Аристова, Ю.В. Босин, М. Махкамов, Х. Хашимбеков. Многонациональный Афганистан. // Западная Азия: этнополитическая ситуация. М., 1993, С. 129

Contents

Preface	7
Chapter 1. General characteristics of the role and the place of Iran in the region	10
1. Iran and the region. Theoretical and pragmatic aspects of regional policy. <i>Mehdi Imanipur</i>	10
2. Iran in the region. The problem of survival. <i>A. Lukoyanov</i>	17
3. The aims of the cultural policy of Iran in the region and its realization. <i>M. Kameneva</i>	29
4. Linguistic policy of IRI in the region. Relations of modern Persian with Dari, Tadjik and Indo-Persian. <i>Yu. Rubinchik</i>	34
Chapter 2. The influence of the third countries on Iran's place in the region	40
1. Irano-Israeli relations. <i>S. Druzilovsky</i>	40
2. The influence of situation in Iraq on Irano-American relations. <i>I. Fedorova</i>	50
3. Iran and European countries. <i>P. Bolshakova</i>	56
Chapter 3. Participation of Iran in regional organizations	66
1. Iran and SOC. <i>N. Mamedova</i>	66
2. IRI and OEC. <i>E. Dunaeva</i>	77
3. The Caspian Sea problem. <i>E. Dunaeva</i>	89
Chapter 4. Relations of Iran with its regional neighbors	99
1. Iran's policy in the Middle East after the war in Iraq. <i>V. Ahmedov and L. Kulagina</i>	99
2. Siria and Iran: strategic partnership. <i>V. Ahmedov and L. Kulagina</i>	112
3. IRI and Persian Gulf countries. <i>E. Melkumyan</i>	122
4. Irano-Pakistanian relations. <i>R. Mukimdzanova</i>	131
5. Irano-Turkish relations. <i>I. Svistunova</i>	141

6. Afghan policy of Iran. <i>M. Arunova</i>	148
7. Economic cooperation of Iran and Afghanistan at present. <i>I. Merkulova</i>	153
8. Russian-Iranian cooperation in realization of International transport corridor « North – South» <i>A. Politshuk</i>	161
9. Role of Iranian atomic program in relation between Russia and Iran. <i>V. Sotnikov</i>	168
Supplement 1 General directions of the Fourth five-year plan of socio-economic development as a factor of forming regional policy. <i>A. Politshuk</i>	178
Supplement 2 Chronology of Irano-Afghan relations. <i>G. Ezhov</i>	190
Supplement 3 New political association in Afghanistan. <i>Yu. Laletin</i>	199
Summary.....	207

Summary

The idea of «a region» is rather relative especially when we speak about Iran. Occupying the central geographical place in Asia, Iran borders different geographical regions: the Central Asia, the Persian Gulf and the Middle East. The regional policy of Iran consists of its bilateral relations with its neighbors and participation in regional organizations.

The authors of this work try to define the main directions of Iran's policy in the region which in its turn are determined by the national interests of neighboring countries. National interests of these countries at the epoch of globalization are determined not only by their internal reasons but by the national interests of the third countries especially after military operations of the USA and its allies in Afghanistan and Iraq.

The first Chapter is devoted to the general problems of the role of Iran in the region and the main directions of its policy. A separate chapter describes the participation of Iran in such organizations as OEC and SOC. Some of the authors turn their attention to the problems of bilateral relations of Iran.

This book is based on the reports made by Russian and Iranian scientists at the scientific conference held at the Institute Oriental Studies on the 10.04.2007.

The editors of this book and the Russian and Iranian government bodies do not always share the opinions of the authors.

The publication of this work is realized with the financial support of the Cultural Representation of the Embassy of the Islamic Republic of Iran.

The authors of this book express their gratitude to P.Bolshova for her help in preparing this work for printing.

Научное издание

Роль и место Ирана в регионе

Коллективная монография

Оформление

Верстка

А. Ельцева

Изд. лиц. ИД № 04697 от 28.04.2001

Подписано в печать 09.11.2007

Формат 60x84/16. Бумага множ.

Усл. печ. л. 12,15. Уч.-изд. л. 14,1

Тираж 300 экз.

Институт востоковедения РАН
107031, Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И.В. Зайцев